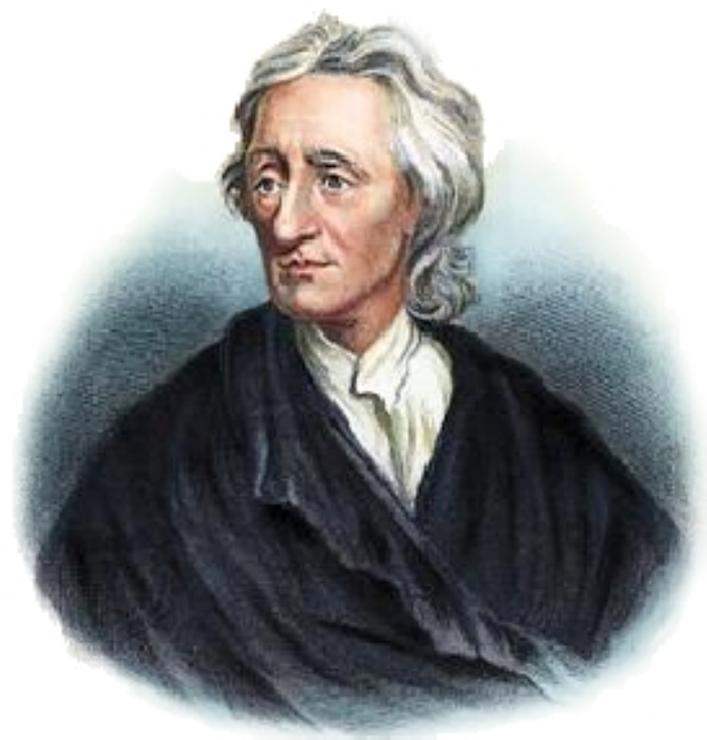

Локк Дж.

Мысли о воспитании

**Что читать
и изучать джентельмену**

Оглавление

Эдварду Клэрку из Чипли, эсквайру	3
§ 1-10	6
§ 11-20	12
§ 21-30	19
§ 31-40	24
§ 41-50	31
§ 51-60	35
§ 61-70	40
§ 71-80	55
§ 81-90	63
§ 91-100	71
§ 101-110	85
§ 111-120	94
§ 121-130	108
§ 131-140	116
§ 141-150	122
§ 151-160	133
§ 161-170	138
§ 171-180	151
§ 181-190	159
§ 191-200	168
§ 201-210	177
§ 211-216	182
Мысли о том, что читать и изучать джентльмену	188
Мысли о воспитании (примечания)	194
Мысли о том, что читать и изучать джентльмену (примечания)	203

ЭДВАРДУ КЛЭРКУ ИЗ ЧИПЛИ, ЭСКВАЙРУ

Сэр.

Эти мысли о воспитании, выходящие сейчас в свет, по праву принадлежат Вам, так как они были написаны несколько лет назад для Вас и представляют собою лишь то, что Вы уже имеете у себя в виде моих писем. Я так мало изменил что-либо, кроме порядка, в котором они посылались Вам в разное время и по разным случаям, что читатель легко убедится по интимности стиля и его манере, что это скорее частная беседа двух друзей, чем трактат, предназначенный для широкой публики.

Настояния друзей — обычное оправдание публикаций, авторы которых боятся, чтобы в них не увидели намеренного выступления. Но я, как Вы знаете, могу по совести сказать, что, если бы некоторые лица, слышавшие об этих моих записках, не выразили настойчивого желания увидеть их напечатанными, они бы продолжали покоиться среди частной переписки, для которой предназначались. Но, высказав убеждение, что этот мой сырой набросок, если сделать его достоянием публики, может принести некоторую пользу, люди, мнение которых я высоко ценю, затронули то, что всегда будет для меня иметь преваляющее значение; ибо я считаю неперменным долгом каждого человека служить своей стране в полной мере его возможностей, и я не вижу, какую разницу полагает между собою и животным тот человек, который думает иначе. Данная тема представляет столь большой интерес, и правильный метод воспитания является столь универсально полезной вещью, что, если бы я находил, что мои способности соответствуют моим желаниям, я бы не нуждался в увещаниях и настояниях других. Впрочем, незначительность этих заметок и мое справедливое в них сомнение не помешают мне из чувства стыда за столь малый вклад внести свою малую лепту, коль скоро от меня требуют только одного — чтобы я отдал это на суд публики. Если найдутся еще люди того же калибра и тех же взглядов, которым мои записки настолько понравятся, что они сочтут их достойными печати, то я могу льстить себя надеждой, что чтение их ни для кого не останется потерянными трудом.

Ко мне самому обращалось в последнее время за советом столько лиц, признающих в своем недоумении, как воспитывать своих детей, и ранняя испорченность молодежи настолько сделалась в наше время предметом общих жалоб, что нельзя счесть за назойливого человека того,

кто выступает публично с обсуждением этого вопроса и предлагает что-либо хотя бы только с целью поощрить других или ускорить дело исправления, ибо ошибки в воспитании менее терпимы, чем что-либо другое. Подобно неправильностям, допущенным в первой стадии пищеварения, которые никогда не исправляются во второй или третьей, они наносят непоправимый ущерб, остающийся на все периоды и моменты жизни.

Я так далек от того, чтобы с преувеличением оценивать предложенное здесь, что нисколько не буду огорчен, имея в виду именно Вашу пользу, если кто-либо другой, более способный и подходящий для выполнения такой задачи, в настоящем трактате, приуроченном к нашему английскому джентри, исправит ошибки, которые я сделал; для меня гораздо желательнее, чтобы воспитание и образование молодого джентльмена (то, что должно заботить каждого) были поставлены на правильный путь, чем чтобы было принято мое мнение об этом. Впрочем, вы не откажетесь засвидетельствовать, что метод, который я предлагаю здесь, дал необычайный эффект в применении к сыну одного джентльмена, для которого он не предназначался [1]. Я не стану отрицать, что хороший природный склад ребенка сильно тому способствовал; однако я думаю, что как Вы, так и родители убедились, что противоположные приемы, соответствующие обычной муштровке детей, не улучшили бы этот характер, не внушили бы ему любви к своему учебнику, не научили бы находить удовольствие в учении и не вызвали бы желаний, которое у него сейчас есть, научиться большему, чем воспитатели считали нужным его научить.

Но моя задача сейчас не в том, чтобы рекомендовать этот трактат Вам, чье мнение о нем я уже знаю, или свету, опираясь на Ваше мнение или покровительство.

Хорошее воспитание детей настолько является долгом и интересом родителей и благополучие нации настолько зависит от него, что каждому бы следовало серьезно принимать его к сердцу и, тщательно исследовав и разобрав, что советуют в данном случае каприз, обычай или разум, содействовать со своей стороны повсеместному осуществлению того способа воспитания молодежи с учетом различных условий ее жизни, который всего легче, быстрее и вернее способен создать добродетельных, дельных и способных людей в границах их различных призваний; хотя всего важнее учитывать призвание джентльмена. Ибо, если люди этого ранга однажды поставлены воспитанием на верный путь, они быстро приведут в порядок все остальное.

Не знаю, достиг ли я в этом кратком рассуждении чего-либо большего, чем выражение моих добрых желаний в этом направлении; такое, какое есть, оно находится сейчас в руках публики, и, если в нем имеется что-нибудь достойное ее внимания, она обязана этим Вам. Моя привязанность к Вам послужила первым толчком к нему, и я испытываю удовольствие оттого, что могу оставить потомству этот знак дружбы, которая нас связывала. Ибо я не знаю ни большего удовольствия в этой жизни, ни лучшего воспоминания, которое можно оставить после себя, чем длительная дружба с честным, дельным и достойным человеком, любящим свою страну.

Остаюсь, сэр, Ваш покорнейший
и преданный слуга

Джон Локк

Март 7. 1690 г.

§ 1-10

§1. Здоровый дух в здоровом теле — вот краткое, но полное описание счастливого состояния в этом мире. Кто обладает и тем и другим, тому остается желать немногого; а кто лишен хотя бы одного, тому в малой степени может компенсировать что бы то ни было иное. Счастье или несчастье человека в основном является делом его собственных рук. Тот, чей дух — неразумный руководитель, никогда не найдет правильного пути; а тот, у кого тело нездоровое и слабое, никогда не будет в состоянии продвигаться вперед по этому пути. Правда, есть люди, обладающие столь крепкой и столь хорошо от природы слаженной конституцией — как физической, так и духовной, что они нуждаются лишь в небольшой помощи со стороны других, что одна только сила их природной одаренности от самой колыбели влечет их к прекрасному, и благодаря преимуществу их счастливой природной организации они способны делать чудеса. Но примеры такого рода немногочисленны, и можно, мне думается, сказать, что девять десятых тех людей, с которыми мы встречаемся, являются тем, что они есть,— добрыми или злыми, полезными или бесполезными — благодаря своему воспитанию. Именно оно и создает большие различия между людьми. Незначительные или почти незаметные впечатления, производимые на нашу нежную организацию в детстве, имеют очень важные и длительные последствия: здесь имеет место то же самое, что и у истоков некоторых рек, где небольшое усилие может отвести податливые воды в русла, которые заставят их течь почти в противоположных направлениях; благодаря этому слабому воздействию, которое оказано на них у самых истоков, движение вод получает различные направления, и они в конце концов достигают весьма отдаленных и далеко отстоящих друг от друга мест.

§2. Я думаю, что детскую душу так же легко направить по тому или иному пути, как и речную воду; но хотя в этом и заключается основная задача воспитания и должно заботиться главным образом о внутренней стороне человека, однако не следует оставлять без внимания и брэнную оболочку. С последней я поэтому начну и прежде всего рассмотрю вопросы, касающиеся здоровья тела: этого вы, пожалуй, скорее всего и ожидаете от меня, имея в виду ту ученую специальность, в которой меня считают более подготовленным [2]. К тому же с этими вопросами можно скорее покончить, так как, если я не ошибаюсь, круг этих вопросов весьма невелик.

§3. Насколько здоровье необходимо нам для профессиональной деятельности и счастья и насколько каждому, кто желает играть какую-либо роль в мире, нужна крепкая конституция, способная переносить лишения и усталость,— это настолько ясно, что не требуется каких-либо доказательств.

§4. Мои дальнейшие рассуждения о здоровье касаются не того, что должен делать врач с больным и хилым ребенком, а того, что должны делать родители, не обращаясь к помощи медицины, для оберегания и укрепления здоровой или по меньшей мере неболезненной конституции своих детей. А это можно, пожалуй, выразить в следующем коротком правиле: джентльмены должны закалять своих детей так же, как это делают честные фермеры и зажиточные иомены [3]. Но матери, может быть, сочтут это правило слишком суровым, а отцы найдут его слишком кратким; поэтому я объясню свою мысль более подробно. При этом я буду исходить из того общего, достоверного и заслуживающего внимания женщин наблюдения, что природа большинства детей портится или по меньшей мере терпит ущерб от баловства и изнеженности.

§5 Первое, о чем следует заботиться,— это чтобы дети ни зимою, ни летом не одевались и не закутывались слишком тепло. Когда мы появляемся на свет, наше лицо не менее чувствительно, чем любая другая часть тела. Только привычка закаляет тело и делает его более выносливым к холоду. По этому поводу скифский философ дал очень выразительный ответ афинянину, который удивлялся, как тот может ходить голым в мороз и снег. «Как ты можешь выносить,— сказал скиф,— чтобы твое лицо подвергалось действию холодного зимнего воздуха?» «Но мое лицо приучено к этому»,— ответил афинянин. «Вообрази же себе, что я весь — лицо»,— возразил скиф. [4] Наше тело будет переносить все, к чему оно приучено с самого начала.

Прекрасный и подходящий к занимающей нас сейчас теме пример того, что может сделать привычка (пример, правда, обратного характера — он относится к случаю чрезмерной жары), я нашел в одном новейшем и интересном описании путешествия и приведу его словами самого автора. «На Мальте,—говорит он,— жара сильнее, чем в какой бы то ни было части Европы, сильнее даже, чем в Риме, и притом чрезвычайно удушлива, особенно в связи с тем, что там редко дуют освежающие ветры. По этой причине простой народ там черен, как цыгане. Однако крестьяне там не боятся солнца: они работают в самое жаркое время дня без перерывов и не укрываясь от его палящих лучей. Это убедило меня в том, что сама природа может приводить ко многим таким явлениям, которые кажутся невозмож-

ными, лишь бы мы приучались к ним с самого детства. Так именно поступают мальтийцы, которые закаляют тела своих детей и приучают их к жаре, заставляя их начиная с колыбели и до десятилетнего возраста ходить нагишом — без рубашек, без панталон и с обнаженными головами» [5].

Поэтому позвольте мне посоветовать вам не защищаться слишком усердно от холода при нашем климате. В Англии есть люди, которые носят одну и ту же одежду и зимою и летом без всяких дурных последствий, не ощущая холода в большей мере, чем другие. Но если в отношении мороза или снега приходится делать уступку матери из-за того, что она боится вреда, а отцу из-за того, что он боится осуждения, то пусть по крайней мере зимнее платье мальчика не будет слишком теплым. И вы должны, между прочим, помнить, что если природа так хорошо прикрыла его голову волосами и настолько укрепила их за первые год-два его жизни, что он в состоянии почти целый день бегать с раскрытой головой, то лучше всего и на ночь оставлять его голову неприкрытой; ведь ничто так не предрасполагает к головным болям, к простуде, катарам, кашлю и разным другим заболеваниям, как привычка держать голову в тепле.

§6. Высказывая это, я имел в виду мальчика, потому что главная цель моего рассуждения заключается в выяснении надлежащих методов воспитания молодого джентльмена начиная с детских лет. Эти методы не могут во всем подходить к воспитанию дочерей; однако нетрудно будет разобрать, в чем различие пола требует применения различных приемов воспитания.

§7. Я советовал бы также обмывать ему ежедневно ноги холодной водой, а обувь делать настолько тонкой, чтобы она промокала и пропускала воду, когда ему случится ступить в нее. Боюсь, что против меня ополчатся матери и служанки. Первые найдут, что это слишком грязно, а вторые, вероятно, решат, что им придется слишком много трудиться над чисткой его чулок. Но ведь поистине здоровье дороже (во много раз дороже) всех этих соображений. Всякий, кто подумает о том, как вредно и опасно промачивать ноги нежно воспитанным молодым людям, пожалеет, что он не ходил босиком, подобно детям бедных родителей, которые благодаря этому, в силу привычки, настолько легко переносят сырость ног, что не больше от нее простужаются и не больше терпят вреда, чем от сырости рук. И что, спрошу я вас, если не привычка, создает для других людей такую большую разницу между руками и ногами? Я не сомневаюсь, что если бы человек привыкал с детства ходить всегда босиком, а руки держать закутанными в теплые

митенки с надетыми поверх их ручными башмаками», как называются перчатки у голландцев [6], то промачивать руки было бы для него столь же опасным, как опасно теперь для весьма многих людей промачивать ноги. Для предотвращения этой опасности нужно обувь мальчиков делать так, чтобы она пропускала воду, а также ежедневно мыть им ноги в холодной воде. Это можно рекомендовать и по соображениям чистоты; но здесь я имею в виду интересы здоровья и поэтому не приурочиваю мытье ног к точно определенному времени дня. Мне известен случай, когда это делалось с хорошим результатом каждый вечер, всю зиму без перерывов, причем употреблялась, самая холодная вода. Ребенок обмывал свои ноги по колено водой, которая была покрыта толстой пленкой льда, хотя он был в столь малом возрасте, что не был еще способен сам растирать и вытирать себе ноги; а начали его приучать к этому, когда он был совсем мал и очень нежен. Важна сама цель — закаливание этих частей тела путем частого и вошедшего в привычку обмывания холодной водой и предупреждение таким способом того вреда, который причиняется людям, иначе воспитанным, когда они случайно промачивают ноги; поэтому выбор времени — дня или вечера — можно, мне думается, предоставить благоразумию и удобству родителей. Время, по моему мнению, безразлично, лишь бы успешно осуществлять самый прием: обретенные в результате этого здоровье и закалка стоят и более дорогой цены. К тому же указанный прием предохраняет и от мозолей, что для некоторых явится очень ценным вознаграждением. Только начинайте это делать весной, с тепловатой водой, и переходя постепенно ко все более холодной, пока через несколько дней не перейдете к совершенно холодной; затем уже продолжайте так и зимой и летом. Здесь, как и в других случаях отступлений от обычного образа жизни, необходимо следить за тем, чтобы перемена достигалась мягкими и нечувствительными переходами: таким путем мы можем приучить свое тело ко всему, не испытывая страданий и не подвергая себя опасности.

Не трудно предвидеть, как склонны будут принять эту теорию любящие матери. Подвергать такому обращению их нежных малюток — разве это не значит, самое меньшее, убивать их? Как! Погружать их ноги в холодную воду в зимнее время, когда и без того не удастся достаточно их согреть? Чтобы несколько рассеять их страх, приведу примеры, без которых редко выслушиваются даже самые очевидные доводы. Сенека рассказывает нам о себе, что он имел привычку купаться в середине зимы в холодной ключевой воде [7]. Если бы он не считал это не только выносимым, но и полезным для здоровья, он вряд ли стал бы это делать, так как его огромное богатство позволяло ему тратиться на теплые ванны; а в

его возрасте (он был тогда уже стар) были простительны и большие поблажки. Кто-нибудь, может быть, подумает, что к этому суровому приему побуждали его стоические принципы. Пусть так; допустим, что учение школы заставляло его переносить и холодную воду. Но что делало это полезным для его здоровья? Ведь здоровье его не страдало от этой суровой привычки. А что нам сказать о Горации, который не согрел себя славой какой-либо школы и менее всего сочувствовал строгостям стоического учения? Между тем и он уверяет нас, что у него была привычка купаться зимою в холодной воде [8]. Некоторые при этом, может быть, подумают: в Италии значительно теплее, чем в Англии, и температура воды там очень отличается от зимней температуры наших вод. Но если реки Италии теплее, то реки Германии и Польши значительно холоднее, чем у нас; однако там евреи — как мужчины, так и женщины — купаются, не делая перерывов, во все времена года, и притом без всякого вреда для здоровья. Не всякий также склонен видеть чудо или какие-то особенные достоинства источника св. Уинфреда в том, что холодные воды этого знаменитого источника не причиняют вреда нежным телам купающихся в нем людей [9]. Всем известны теперь многочисленные случаи, когда холодные купания производят чудеса над людьми с больной и слабой конституцией, возвращая им здоровье и силу; такие купания не могут поэтому быть бесполезны или непереносимы, когда речь идет о физическом укреплении и закаливании тех, кто обладает лучшей конституцией.

Если эти примеры, касающиеся взрослых людей, некоторые могут посчитать неподходящими для детей потому-де, что организм детей еще слишком нежен и не способен переносить такие эксперименты, то пусть думающие так посмотрят, как поступали со своими детьми германцы и как поступают современные ирландцы, и они убедятся, что и дети, какими бы нежными их ни считали, могут переносить без всякой опасности для себя обмывание холодной водой не только ног, но и всего тела. В горной части Шотландии и теперь еще некоторые женщины применяют этот режим к своим детям в середине зимы и находят, что холодная вода не причиняет им никакого вреда, даже если в ней плавает лед.

§8. Мне нет надобности говорить здесь о плавании в том возрасте, когда мальчик уже способен учиться плавать, и если есть кому его учить. Умение плавать многим спасает жизнь, и римляне считали его настолько необходимым, что ставили на одну доску с грамотой, а о человеке плохо воспитанном и ни к чему негодном у них существовала поговорка: «Он не научился ни грамоте, ни плаванию» (*Nuc literas didicit, nuc natare*). Но помимо

того что мальчику полезно усвоить это искусство, поскольку оно может пригодиться ему в нужную минуту, польза, которая получается при этом для здоровья от частого купания в холодной воде в период летней жары, настолько многообразна, что здесь, мне думается, нет надобности что-либо говорить о поощрении к этому занятию; необходимо только, чтобы соблюдалась следующая предосторожность: ребенок не должен входить в воду, пока он разгорячен физическим упражнением, взволновавшим его кровь или пульс.

§9. Также очень полезно для всякого, и особенно для детей, проводить много времени на открытом воздухе и как можно меньше бывать возле огня, даже зимою. Этим путем мальчик также" будет приучаться к жаре и холоду, к солнцу и дождю; а если тело человека не привыкнет их переносить, оно будет плохо служить ему на этом свете; взрослому же человеку слишком поздно начинать привыкать к ним. Привыкать надо с ранних лет, и притом постепенно: таким путем можно сделать тело выносливым почти ко всему. Если я посоветую предоставлять ребенку бегать на ветру и на солнце без шапки, то навряд ли мой совет будет принят. Он вызвал бы тысячу возражений, которые по существу сводились бы к одному лишь соображению, а именно что ребенок загорит на солнце. Но держать юного джентльмена всегда в тени, никогда не выпуская его на солнце и ветер из опасения за цвет его лица,— это, может быть, хороший способ сделать из него красавчика, но не человека дела. И хотя красота дочерей требует еще большей заботы, однако я возьму на себя смелость сказать, что чем больше они будут находиться на воздухе, тем более сильными и здоровыми они будут; и чем ближе их воспитание будет по суровости подходить к воспитанию их братьев, тем полезнее будет для всей их дальнейшей жизни.

§10. Игра на открытом воздухе, насколько мне известно, скрывает в себе только одну опасность, которая заключается в том, что дети, разгоряченные бегом, садятся или ложатся на холодную землю. Эту опасность я признаю; также и холодное питье, когда человек разгорячен работой или физическими упражнениями, уносит в могилу или близко подводит к ней, причиняя лихорадку или другие болезни, большее количество людей, чем какая-либо другая известная мне причина. Эти вредные последствия легко предупреждать, когда ребенок мал, так как в этом возрасте он редко остается без присмотра. И если в детские годы ему будут постоянно и строго запрещать садиться на землю и пить холодную жидкость, то правило предосторожности, превратившись в привычку, сильно

поможет ему оберечь себя, когда он выйдет из-под надзора своей няни или воспитателя. Это все, что можно, как я думаю, сделать в данном отношении; ведь когда мальчик подрастет, он должен получить свободу и во многих вещах необходимо будет предоставить ему самостоятельность, ибо нельзя же вечно держать его под надзором. Самым лучшим и надежным контролем будут тогда те хорошие принципы, которые вы внушили ему, и те привычки, которые ему привили; поэтому им-то и следует уделять самое большое внимание. А от предостережений и правил, как бы часто их ни повторяли, вы в данном случае, как и в других, можете ожидать эффекта лишь в той мере, в какой практика будет превращать эти правила в привычки.

§ 11-20

§11. Упоминание о девочках заставляет меня вспомнить одну вещь, о которой не следует забывать, а именно: платье вашего ребенка не должно делаться слишком тесным, особенно в груди. Предоставим природе возможность формировать тело так, как она считает лучшим: предоставленная самой себе природа работает гораздо лучше и точнее, чем если бы следовала нашим указаниям. И если бы женщинам приходилось самим формировать тела своих детей в своих утробах, как они часто пытаются исправлять их тела уже после рождения, мы, наверное, имели бы так же мало детей, хорошо сложенных от рождения, как мало встречаем таких детей среди тех, которые подвергаются тесной шнуровке или другим искусственным воздействиям. Я думаю, что эти соображения должны были бы удерживать серьезных людей (я не говорю о невежественных нянях и корсетных мастерах) от вмешательства в дело, которого они не понимают; они бы должны были остерегаться отклонять природу от ее путей в формировании членов тела, раз они не знают, как устроен хотя бы самый незначительный и наименее важный из них. Между тем я видел так много детей, страдающих от тесной шнуровки, что остается сделать следующий вывод: кроме обезьян есть, по-видимому, и другие создания, которые, будучи немного разумнее обезьян, губят своих детей бессмысленной нежностью и чрезмерными объятиями.

§12. Узкая грудь, короткое, с неприятным запахом дыхание, больные легкие и искривления позвоночника — вот естественные и почти постоянные результаты ношения жесткого корсета и тесного платья. Этот способ создавать тонкую талию и красивую фигуру приводит только к большему их уродованию. Ведь на самом деле ничего другого, кроме

непропорциональности частей тела, не может получиться, когда пища, вырабатываемая в нескольких органах тела, не может распределяться так, как указывает природа. Что же в таком случае удивительного в том, если она, отлагаясь там, где не встречает препятствий, где какая-либо часть тела не так крепко затянута, делает одно плечо или бедро выше или толще, чем это требуется правильной пропорцией? Всем известно, что у китайнок очень маленькие ноги (в которых они почему-то находят что-то красивое) получаются оттого, что они с детства их туго затягивают и завязывают. Я видел недавно пару китайских башмаков, которые, как мне сказали, предназначались для взрослых женщин: эти башмаки очень мало подходили к ногам наших женщин того же возраста и по своим размерам едва ли оказались бы пригодны для какой-либо из наших маленьких девочек. Кроме того, замечено, что китайские женщины очень малы ростом и живут недолго, в то время как их мужчины имеют рост, обычный для прочих мужчин, и живут они столько же. Эти дефекты китайских женщин некоторыми приписываются неразумному затягиванию ног, так как этим затрудняется циркуляция крови и от этого страдают рост и здоровье всего тела. А как часто мы видим, что при повреждении маленькой части ступни от вывиха или ушиба вся нога (или бедро) теряет свою силу и питание и отсыхает? Насколько же худших последствий можно ожидать, если грудная клетка, в которой помещаются сердце и седалище жизни, неестественно сдавливается и нормальному развитию ее ставятся преграды?

§13. Что касается пищи, то она должна быть совсем обыкновенной и простой; и я бы советовал, пока ребенок ходит в детском платьице или по крайней мере до двух или трехлетнего возраста, вовсе не давать ему мяса. Но как это ни полезно для его здоровья или силы в настоящем или в будущем, я боюсь, что родители с этим не согласятся, так как они сбиты с толку собственной привычкой есть слишком много мяса: они готовы думать, что их дети, как и они сами, если не будут иметь мяса по крайней мере два раза в день, то подвергнутся опасности умереть с голода. Я уверен, что зубы у детей прорезывались бы с гораздо меньшей опасностью для них, что они гораздо менее были бы подвержены болезням в младенческом возрасте и у них закладывалась бы более надежная основа здорового и сильного организма, если бы нежные матери и неразумная прислуга не закармливали их так и в первые три или четыре года совсем не давали им мяса.

Но если мой юный джентльмен уж так обязательно должен получить мясо, то пусть он получает его только раз в день, и притом только одного сорта. Обыкновенная говядина, баранина, телятина и т. д. безо всякой другой

приправы, кроме голода, лучше всего; и нужно как следует заботиться о том, чтобы он ел много хлеба, одного хлеба или с чем-либо другим, и чтобы хорошо пережевывал какую бы то ни было твердую пищу. Мы, англичане, часто относимся к этому с пренебрежением, а отсюда проистекают всякие расстройства желудка и другие очень вредные последствия.

§14. На завтрак и ужин очень полезно давать детям молоко, молочный суп, кашу на воде, овсянку и целый ряд блюд, которые принято готовить в Англии; нужно только заботиться о том, чтобы все эти блюда были просты, без обильных примесей и очень мало приправлены сахаром, а еще лучше совсем без него. Особенно же тщательно следует избегать всяких пряностей и других вещей, которые могут горячить кровь. Следует также умеренно солить их пищу и не приучать к сильно приправленным блюдам. Наш орган вкуса именно благодаря привычке получает пристрастие к приправам и ко всякой изысканной пище; а чрезмерное употребление соли не только вызывает жажду и заставляет пить больше, чем следует, но и в других отношениях вредно действует на тело. Я думаю, что ломоть хорошо замешанного и хорошо пропеченного полубелого хлеба [10], иногда с маслом или сыром, а иногда и без него, мог бы часто быть лучшим завтраком для моего юного джентльмена. Я уверен, что этот здоровый завтрак сделает его столь же сильным человеком, как и более тонкие блюда; да если приучить его к такому завтраку, он и нравиться е'му будет не меньше. Когда мальчик просит есть не в установленное время, не давайте ему ничего другого, кроме сухого хлеба. Если он голоден, а не капризничает только, он удовлетворится одним хлебом; если же он не голоден, то ему вовсе не следует есть. Этим вы достигнете двух хороших результатов. Во-первых, привычка заставит его полюбить хлеб, ибо, как я сказал, наш вкус и желудок находят удовольствие в том, к чему мы их приучили. Другая польза, достигаемая этим, заключается в том, что вы не приучите его есть больше и чаще, чем требует природа. Я не думаю, что все люди обладают одинаковым аппетитом: у одних желудки от природы крепче, у других слабее. Но я думаю, что многие люди становятся гурманами и обжорами в силу привычки, не будучи таковыми от природы; и я вижу, что в разных странах люди, которые едят только два раза в день, так же сильны и бодры, как и те, которые постоянным упражнением приучили свои желудки напоминать о себе четыре или пять раз. Римляне почти ничего не ели до ужина; это была единственная настоящая еда даже у тех, которые ели более одного раза в день; и те, кто имел привычку завтракать — одни в восемь часов, другие в девять, третьи в двенадцать или несколько позже, — никогда не ели мяса и не заставляли для себя готовить особого блюда. Август, будучи уже

величайшим монархом на земле, рассказывает нам, что он брал с собой в одноколку кусок хлеба [11]. А Сенека, сообщая в своем 83-м письме, какой режим он установил для себя, уже будучи стариком, когда возраст допускал послабления, говорит, что он имел привычку съедать за обедом лишь кусок сухого хлеба и даже не садился за стол [12], хотя его состояние позволяло ему (если бы этого требовало его здоровье) тратить на обед не худший, чем любой принятый в Англии, даже в два раза больше. Повелители мира росли на этой скудной пище; и молодые джентльмены в Риме не чувствовали недостатка силы, физической или духовной, из-за того, что они ели лишь один раз в день. Если же случалось, что кто-либо не был в состоянии поститься до ужина, который был единственной установленной едой, то он брал только кусок сухого хлеба или — самое большее — несколько изюминок, чтобы «заморить червячка».

Это правило умеренности считалось настолько необходимым для здоровья и работы, что обычай садиться за стол один раз в день устоял против наплыва роскоши, которая была занесена в среду римлян их завоеваниями и грабежами на Востоке, и даже те, кто отказались от старинной умеренности в еде и стали задавать пиры, не начинали их раньше вечера. Садиться за стол больше одного раза в день считалось столь чудовищным, что до времен Цезаря [13] римляне находили предосудительным устраивать пир или садиться за стол до захода солнца. Поэтому, если в том не усмотрят чрезмерной суровости, я считал бы самым подходящим давать моему юному джентльмену также и к завтраку только хлеб. Вы не можете себе представить, какую силу имеет привычка; и я приписываю большую часть наших болезней в Англии тому, что мы едим слишком много мяса и слишком мало хлеба.

§15. Что касается времени еды, то я считал бы самым лучшим, насколько это возможно без каких-либо неудобств, не приурочивать еды к какому-либо определенному часу; ибо, если еда по установившейся привычке будет приурочиваться к определенным промежуткам времени, желудок ребенка будет требовать пищи к привычному часу и будет испытывать раздражение, если этот час пропущен; в результате или раздражение приведет к вредному излишеству, или же желудок ослабеет до потери аппетита. Поэтому я бы не устанавливал раз и навсегда одного определенного времени для завтрака, обеда и ужина, а скорее менял бы часы почти каждый день. Если же в промежутках между тем, что я называю установленной едой, ребенок захочет есть, то давайте ему всякий раз, когда он попросит, хороший кусок сухого хлеба. Если кто-либо счел бы такой

режим питания слишком суровым и скудным для ребенка, то пусть знает, что ребенок никогда не будет голодать или чахнуть от недостатка пищи, если он кроме мяса к обеду и похлебки или чего-либо в этом роде к ужину будет еще получать хороший кусок хлеба и пиво всякий раз, когда захочет есть; такой режим я, по зрелому размышлению, считаю наилучшим для детей. Утро обыкновенно предназначается для учения, которому полный желудок является плохой подготовкой. Сухой хлеб, будучи самой лучшей пищей, в то же время создает меньше всего соблазнов; и кто заботливо относится к физическому и духовному развитию ребенка и не желает из него сделать тупого и нездорового человека, не станет его пичкать за завтраком. И пусть не думают, что такой режим не подходит для человека с состоянием и высокого положения. Джентльмен должен воспитываться так, чтобы во все времена быть в состоянии носить оружие и стать солдатом. А кто в наше время так воспитывает своего сына, как будто предназначает его к тому, чтобы тот проспал всю жизнь в изобилии и довольстве, предоставленных ему большим состоянием, которое он собирается ему оставить, тот мало принимает в соображение примеры, которые видел, и время, в которое живет [14].

§16. Питием ребенка должно быть только слабое пиво; да и его не следует никогда давать пить в промежутках между едой, а лишь после того, как тот съест кусок хлеба. Говорю это по следующим соображениям.

§17.1. Питие в разгоряченном состоянии порождает больше лихорадок и желудочных расстройств, чем какая-либо другая известная мне причина. Если мальчик разгорячился от игры и испытывает жажду, хлеб не пойдет ему в рот; поэтому, если ему разрешается пить только под этим условием, он вынужден будет воздержаться, ибо, пока он сильно разгорячен, ему ни в коем случае нельзя пить; он должен будет раньше по крайней мере съесть добрый кусок хлеба, и таким образом будет выиграно время для того, чтобы подогреть пиво до температуры крови, и тогда уже можно его пить безопасно. Если у него сильная жажда, он охотно выпьет его нагретым до указанной температуры и лучше утолит свою жажду. Если же он не захочет его пить в таком нагретом виде, то от воздержания никакой беды не будет! Таким путем он приучится также к воздержанию, а это привычка весьма полезная как для физического, так и для душевного здоровья.

§18.2. Запрещение пить без еды должно предупредить привычку часто подносить ко рту кружку; это опасное начало и подготовка к веселой компании. Путем привычки люди часто прививают себе чувство голода и

жажды. И если вы захотите проделать этот опыт, вам удастся мальчику, однажды отученному от этой привычки, снова привить такую сильную потребность пить ночью, что он не в состоянии будет без этого заснуть. Кормилицы пользуются этим средством для убаюкивания плачущих детей, и я думаю, что матери обычно испытывают трудности, когда хотят отучить своих детей, только что взятых домой, от привычки пить ночью [15]. Поверьте, власть привычки одинаково проявляется как днем, так и ночью, и вы всякого можете, если захотите, приучить к тому, чтобы он испытывал жажду каждый час.

Я одно время жил в доме, где, чтобы успокоить капризного ребенка, всякий раз, когда он плакал, давали ему пить, так что он то и дело прихлебывал; не умея еще говорить, он выпивал в течение суток больше меня. Попробуйте, если хотите, и вы увидите, что употреблением как легкого, так и крепкого пива можно приучить себя чувствовать постоянную жажду. Главное, о чем следует помнить в деле воспитания,— это о том, какие привычки вы желаете вкоренить; поэтому в данном отношении, как и во всех других случаях, вы с самого начала не должны обращать в привычку то, что не думаете дальше продолжать и укреплять в ребенке. Для сохранения здоровья и трезвости не следует пить больше, чем этого требует естественная жажда; а тот, кто не ест соленого мяса и не пьет крепких напитков, будет редко испытывать жажду в промежутках между едой, разве только если он был приучен к такому несвоевременному питью.

§19. Прежде всего необходимо особенно тщательно следить, чтобы мальчик, если он изредка пьет вино и крепкие напитки, пил их возможно реже. В Англии ни один обычай не имеет такого распространения, как обычай давать детям вино; а между тем ничто так разрушительно не действует на них. Дети не должны никогда пить никаких крепких напитков, разве только в тех случаях, когда это требуется как лекарство для укрепления сердца, и притом лишь по предписанию врача. Но и в этих случаях нужно с особой строгостью следить за слугами и самым строгим образом ставить им на вид, если они нарушают предписания. Эта дурная порода людей, которая видит большую долю своего счастья в употреблении крепких напитков, всегда стремится угодить молодому барчуку, предлагая ему то, что больше всего нравится им самим. Находя, что им становится веселее от вина, они по глупости думают, что оно не причинит вреда и ребенку. За этим вы должны следить весьма тщательно и бороться против этого со всем умением и энергией, на которые вы способны; ибо ничто не закладывает столь прочного фундамента порче физической и нравственной, как привычка детей к крепким напиткам, особенно если они пьют втихомолку в обществе слуг.

§20. Вопрос о фруктах — один из самых трудных вопросов в деле ухода за здоровьем, особенно за здоровьем детей. Из-за них наши прародители рискнули раем, и неудивительно, что наши дети не могут устоять против соблазна, хотя бы это стоило им здоровья. На этот счет нельзя установить какого-либо общего правила; ибо я отнюдь не разделяю мнение тех, кто хотел бы почти совсем не давать детям фруктов как чего-то безусловно вредного для их здоровья. Такая строгость только возбуждает у детей сильнейшую жадность к фруктам и приводит к тому, что они едят их, как только им удастся их раздобыть, будь это хорошие или плохие, зрелые или незрелые фрукты. Я думаю, что детям вовсе не следует давать дынь, персиков, также слив большинства сортов и всех произрастающих в Англии сортов винограда, так как, обладая весьма соблазнительным вкусом, они содержат очень нездоровый сок [16]. Но клубнику, вишню, крыжовник и смородину, если они совершенно зрелые, можно, я думаю, разрешать им есть почти без всякого опасения и притом в довольно большом количестве, с тем, однако, условием, чтоб при этом соблюдались следующие предосторожности: 1) не есть их, как мы обыкновенно это делаем, после другой еды, когда желудок уже переполнен пищей: я думаю, что лучше их есть перед установленной едой или в промежутках между едой, а также давать детям на завтрак; 2) есть их с хлебом; 3) есть их совершенно спелыми. Я думаю, что, если есть фрукты с указанными предосторожностями, они будут скорее полезны, чем вредны для здоровья. Летние фрукты, соответствующие жаркому времени, в которое они появляются, освежают желудок, томящийся и изнемогающий от жары. Поэтому я бы совершенно не проявлял в этом отношении, по примеру многих других, строгости к детям; ибо, если в этом их сильно ограничивать, они, вместо того чтобы довольствоваться умеренными количествами разрешенных им отборных фруктов, удовлетворяют свое желание всякой попавшейся дрянью, как только остаются без надзора, или же подговаривают слугу доставать им их и наедаются до пресыщения.

Яблоки и груши, если они совершенно спелые и выдержаны в течение некоторого времени, также, я думаю, можно есть не опасаясь и во всякое время, притом в довольно большом количестве, особенно яблоки, которые, насколько мне известно, никогда не причиняют вреда здоровью после октября. Сушеные, неподсахаренные фрукты я также считаю полезными для здоровья. Но следует избегать всякого рода сладостей; трудно сказать, кому они причиняют больше вреда — тому ли, кто их делает, или тому, кто их ест [17]. Я уверен, что это один из наименее подходящих способов тратить деньги, какие только могло придумать тщеславие; поэтому я предоставляю его дамам.

§ 21- 30

§21. Из всего того, что похоже на баловство и изнеженность, ничего другого нельзя разрешать детям с большей снисходительностью, чем дать им возможность поспать. Только в этом нужно полностью удовлетворять их желание: ничто в такой мере не способствует росту и здоровью детей, как сон. Все, что нужно здесь регулировать, сводится к вопросу, какое время должно отводиться детскому сну. На это можно только сказать, что очень полезно приучать детей вставать рано утром. Это самое лучшее с точки зрения здоровья; и тот, для кого благодаря укоренившейся привычке вставать рано сделалось легким и привычным делом с самого детства, не станет, уже будучи взрослым, тратить лучшую и полезнейшую часть своей жизни в ленивой дремоте, валяясь в постели. Если поэтому будить детей надо рано утром, то отсюда следует, конечно, что они должны ложиться спать рано; тем самым они приучаются избегать нездоровой и вредной гульбы в вечерние часы; тот, кто соблюдает установленные часы сна, редко позволит себе большие отступления от нормального образа жизни. Я не хочу сказать, что ваш сын, выросли, никогда не засидится в компании позже восьми часов или не заболтается за стаканом вина до полуночи. Но пока что вы должны, прививая ему соответствующие привычки с ранних лет, развивать в нем, насколько возможно, нелюбовь к такой беспорядочности; и немалой выгодой будет то, что вследствие привычки к противоположному образу жизни ему неприятно будет засиживаться поздно, он будет этого избегать и очень редко устраивать ночные пирушки. Но если этого и не удастся достигнуть и мода и товарищи одержат верх и заставят его жить так, как живут другие в возрасте около двадцати лет, все-таки стоит приучить его рано вставать и рано ложиться ради улучшения его здоровья в настоящее время и ради других выгод.

Хотя я сказал, что детям, пока они малы, нужно давать большую свободу в отношении сна и даже предоставлять им возможность спать, сколько они хотят, однако я не думаю, что такая снисходительность к ним должна одинаково продолжаться и в будущем и что, когда они подрастут, нужно также позволять им лениво валяться в постели. Когда именно нужно начать их ограничивать — в возрасте ли семи или десяти лет или в каком-нибудь другом, точно установить невозможно: необходимо принимать в соображение их темперамент, силу и конституцию. Но в возрасте между семью и четырнадцатью годами, если они оказываются слишком большими любителями постели, своевременно, мне думается, начать их постепенно ограничивать приблизительно восьмью часами сна, которые, как общее правило, достаточны для здоровых взрослых людей. Если вы приучили ребенка, как это и надо, всегда вставать ранним утром, вредная склонность

слишком долго оставаться в постели легко будет устранена, и большинство детей будет склонно по собственному побуждению поменьше засиживаться в обществе поздними вечерами; правда, если за ними не следить, они склонны будут возмещать себе эти часы утренним лежанием, но этого ни в коем случае не следует допускать. Надо всегда будить и поднимать их в установленный для них ранний час; но нужно очень остерегаться будить их слишком быстро, громким или резким голосом или каким-либо другим внезапным и сильным шумом. Это часто пугает детей и причиняет им большой вред; такое нарушение здорового сна внезапной тревогой способно расстроить всякого. Когда нужно детей разбудить, непременно начинайте с тихого зова или с какого-либо легкого движения и таким путем постепенно выводите их из сонного состояния, применяя только ласковые слова и приемы до тех пор, пока они не очнутся и окончательно не придут в себя и пока вы не будете уверены, что они совсем проснулись. Принудительное пробуждение от сна, какими бы ласковыми приемами вы его ни вызывали, достаточно неприятно для них само по себе, и надо стараться не прибавлять еще других неприятностей, в особенности не делать ничего такого, что может испугать их.

§22. Постель ребенка должна быть жесткой, и стеганое одеяло лучше перины; жесткое ложе укрепляет члены, в то время как зарывание каждую ночь в перины изнеживает и расслабляет тело и часто является причиной слабости и предтечей ранней могилы. В значительной мере спаньем на перине вызываются помимо каменной болезни, которая часто возникает от теплого укутывания поясницы, и некоторые другие заболевания, а также та нежная и слабая конституция, которая является корнем всех болезней. Далее, тот, кто привык спать дома на жестком ложе, не будет страдать бессонницей во время своих путешествий (когда сон особенно необходим) из-за отсутствия привычной мягкой постели или из-за того, что подушки положены не в том порядке. Мне думается поэтому, что постель ребенка следует устраивать различным образом, так, чтобы его голова лежала иногда выше, иногда ниже и чтобы он мог во сне быть нечувствительным ко всяким маленьким переменам, с которыми, наверное, будет сталкиваться всякий, кому не предназначено всю жизнь спать в удобной домашней постели и всегда иметь около себя горничную, которая бы тщательно за всем смотрела и тепло его укутывала. Сон — великое укрепляющее средство, данное природой. Тот, кто лишается его, очень страдает от этого; и очень несчастен человек, который может принимать это лекарство только из позолоченного кубка своей матери, а не из деревянной чашки. Тот, кто может спать крепко, принимает это лекарство, и совершенно неважно, спит ли он на мягкой постели или на жестких досках. Единственное, что необходимо,— это сон сам по себе.

§23. Есть еще одна вещь, которая имеет большое влияние на здоровье, именно — регулярный стул: люди с расстроенным желудком редко обладают сильным умом или крепким организмом. Но так как эта болезнь значительно легче исцеляется при помощи диеты и лекарств, чем противоположный недуг, то о ней нет необходимости много распространяться; ибо, если она принимает угрожающий характер, сделавшись чересчур сильной или затяжной, она заставит довольно скоро, иногда даже слишком скоро, послать за врачом; если же она не приняла значительного размера и не затянулась, то обычно лучше всего предоставить исцеление природе. С другой стороны, запор также имеет свои дурные последствия, а справиться с ним при помощи медицины значительно труднее: слабительные средства, которые, по внешнему впечатлению, приносят облегчение, на деле, однако, скорее усиливают, чем устраняют эту болезнь.

§24. Так как у меня были особые причины, чтобы заняться исследованием этой болезни, а в книгах я не находил указаний, как лечить ее, я принялся размышлять о ней, исходя из предположения, что можно вызывать в нашем теле и более значительные изменения, если найти правильный путь и правильно по этому пути идти.

1. Я принял в соображение, что отправление стула является результатом известных движений тела и главным образом перистальтического движения кишок.

2. Я принял в соображение также то обстоятельство, что различные движения, не являющиеся вполне произвольными, могут, однако, благодаря практике и постоянным упражнениям превращаться в привычные, если стараться, непрерывно в том практикуясь, совершать их в определенное время.

3. Я наблюдал людей, которые, выкурив после ужина трубку табака, всегда имеют правильный стул, и у меня явилась мысль, не привычка ли в большей мере, чем табак, доставляет им это благодеяние природы; или по крайней мере если этот эффект вызывается табаком, то не скорее ли через возбуждение сильных движений кишок, чем благодаря его слабительным свойствам, так как во втором случае эффект был бы другой.

Раз я пришел таким образом к предположению, что это отправление можно превратить в привычку, то ближайшая задача заключалась в том, чтобы рассмотреть, каким путем и какими средствами можно вернее всего достигнуть этого результата.

4. Тогда я предположил, что если кто-либо после утреннего завтрака немедленно стал бы возбуждать природный процесс и пробовать, нельзя ли заставить себя иметь стул, то со временем он мог бы постоянным применением данного приема превратить это в привычку.

§25. Причины, по которым я избрал это время, были следующие:

1. Так как желудок до завтрака бывает пуст, то, приняв приятную для него пищу (ибо я никогда, за исключением крайних случаев, не заставлял бы никого есть то, что ему не по вкусу и когда у него нет аппетита), он в состоянии благодаря сжатию его мышц плотно охватить пищу; я сделал предположение, что это сжатие может, по всей вероятности, распространиться далее на кишки и таким образом усилить их перистальтическое движение, как мы видим, аналогичное происходит в обратном случае при коликах, когда движение, начавшись где-нибудь внизу, продолжается по всей длине кишок и заставляет даже желудок участвовать в этом ненормальном движении.

2. Во время еды у людей обычно ослабляется напряжение их мыслей, и духи [18], освобожденные от других функций, с большей энергией распределяются в нижней части живота, способствуя, таким образом, тому же эффекту.

3. Если у людей бывает досуг для еды, то у них должно найтись и время, чтобы поухаживать за мадам Клоациной [19] в той мере, в какой это необходимо для нашей настоящей цели; иначе — ввиду разнообразия человеческих дел и всяких случайностей — было бы невозможно приурочивать это действие к какому-либо определенному часу, и привычка тем самым была бы нарушена. Так как редко случается, чтобы здоровые люди не ели хотя бы раз в день, пусть даже меняя час еды, то привычка может быть сохранена.

§26. На основании этих соображений стали производить опыты, и я не зная человека, который, неуклонно проводя подобные опыты и не забывая систематически ходить в нужное место после первой еды — в какой бы час она ни происходила и независимо от того, есть ли позыв или нет, — и там побуждая природу исполнить ее долг, не достиг бы в течение нескольких месяцев желанных результатов и не развил бы у себя настолько регулярной привычки, что ему уже редко случалось оставаться без стула после первой еды, разве только по собственной небрежности: был ли у него позыв или нет,

но, если только он отправлялся в нужное место и делал необходимое с своей стороны, он мог быть уверен, что природа окажется очень послушной.

§27. Поэтому я бы советовал применять этот прием и к ребенку ежедневно, сейчас же после того, как позавтракает. Заставляйте его садиться на судно, как будто бы опорожнение желудка было так же в его власти, как и наполнение его. Пусть только он и его няня не думают иначе, а только так; если заставлять его это делать и не позволять ему играть или есть второй раз раньше, чем он не добился стула или по крайней мере не приложил к тому всех стараний, то я не сомневаюсь, что в короткое время это станет для него естественным. Ибо есть основание думать, что дети, будучи поглощены игрою и не обращая никакого внимания на все остальное, часто пропускают без внимания естественные позывы, когда они их только слабо беспокоят; и таким образом они, пренебрегая своевременным призывом, постепенно доводят себя до постоянных запоров. То, что указанным способом можно предупредить запоры, является не только моим предположением: я знаю случай, когда благодаря непрерывной практике в течение некоторого времени добились того, чтобы ребенок имел регулярный стул каждое утро после завтрака.

§28. Найдет ли кто-либо из взрослых нужным проделать такой опыт — предоставим им самим решать; я же могу только сказать, что когда я размышляю о многочисленных вредных последствиях, причиняемых отсутствием этого необходимого естественного облегчения, то я не нахожу способа, который бы лучше помогал сохранению здоровья, чем указанный мной. Одного раза в сутки, я думаю, достаточно, и никто, надо думать, не сочтет, что это слишком много. А добиться этого мы можем указанным способом, не прибегая к помощи лекарств, которые при лечении упорного хронического запора обычно оказываются весьма малоэффективными.

§29. Вот все, что я хотел вам сказать относительно ухода за ребенком при нормальном состоянии его здоровья. Может быть, от меня ждут, чтобы я дал некоторые медицинские указания относительно предупреждения болезней. В этом отношении следует, по-моему, лишь строго соблюдать следующее правило: никогда не давать детям никакого лекарства в целях предупреждения болезней. Я думаю, что соблюдение правил, указанных мною выше, лучше приведет нас к этой цели, чем желудочные средства наших барынь или аптечные снадобья. Эти средства вы должны применять весьма осторожно, иначе вместо того, чтобы предупредить болезни, вы только вызовете их. Точно так же не следует при всяком недомогании давать

детям лекарства или звать врача, особенно если это человек достаточно ревностный, чтобы немедленно уставить окна склянками и наполнить желудки детей микстурами. Предоставлять детей целиком природе безопаснее, чем отдавать их в руки врача, всегда склонного к активному вмешательству и считающего, что и при обычных недомоганиях детей нужно лечить какими-то другими средствами помимо диеты или близкого к ней средства. Мой разум и опыт одинаково говорят мне, что к нежным детским организмам следует допускать таких врачей возможно реже и то только в случаях абсолютной необходимости. Немного свежеперегнанной воды с настоем красного мака — этой настоящей желудочной воды — в сочетании с покоем и воздержанием часто в самом начале кладут конец разным расстройствам, которые при слишком усердном применении лекарств могут превратиться в тяжелые заболевания. Если же такие мягкие меры не остановят развития болезни и не помешают ей превратиться в настоящую болезнь, то только тогда и будет своевременным обратиться за советом к разумному и осторожному врачу. Я надеюсь, мне легко поверят; никто не может усомниться в серьезности совета со стороны человека, который, затратив известное время на изучение медицины, рекомендует вам не слишком торопиться обращаться к медицине и врачам.

§30. Этим я заканчиваю свои соображения относительно тела и здоровья. Сказанное мною сводится к следующим немногим и легковыполнимым правилам: обилие свежего воздуха, упражнения, сон, простая пища; никаких вин или крепких напитков; очень мало лекарств; не слишком теплая и не слишком тесная одежда; приучать голову и ноги к холоду, часто обмывать ноги холодной водой и приучать их к сырости.

§ 31- 40

§31. Коль скоро мы установили надлежащий режим для поддержания в теле той силы и бодрости, при которых оно было бы способно подчиняться и следовать указаниям разума, то ближайшая и основная задача заключается в правильной организации самого разума, с тем чтобы он во всех случаях был склонен принимать лишь то, что соответствует достоинству и превосходству разумного создания.

§32. Если верно то, что я сказал в начале своего труда (а я в этом не сомневаюсь), именно что различия, наблюдаемые в нравах и способностях людей, зависят от воспитания в большей мере, чем от чего бы то ни было

другого, то мы вправе сделать вывод, что в деле формирования детской души необходимо проявлять большую заботливость и что даже в ранние годы нужно давать ей такое направление, влияние которого сказывалось бы во всей жизни наших питомцев, ибо, если они будут поступать хорошо или дурно, похвала или порицание будут относиться именно к этой подготовке, и в случае совершения ими какой-либо неловкости общий голос решит, что виновато здесь их воспитание.

§33. Сила тела состоит главным образом в способности переносить лишения; точно так же обстоит и с душой. Великий принцип и основа всякой добродетели и достоинства заключаются в том, чтобы человек был способен отказываться от своих желаний, поступать вопреки своим наклонностям и следовать исключительно тому, что указывает разум как самое лучшее, хотя бы непосредственное желание влекло его в другую сторону.

§34. Большая ошибка, которую я наблюдал в деле вое- а? питания детей, заключается в том, что родители редко уделяют достаточное внимание тому, чтобы сделать душу ребенка послушной дисциплине и разуму, и как раз в тот наиболее подходящий для этого период, когда юная душа наиболее нежна и легче всего подвержена воздействию. Родители, которым природа мудро внушила любовь к детям, очень склонны, если разум не контролирует этой естественной привязанности со всей бдительностью, очень склонны — скажу я — позволять ей переходить в слепую влюбленность. Родители любят своих малюток, и это их долг; но часто они любят в своих детях также их недостатки. Нельзя, видите ли, ни в чем перечить детям; надо во всем предоставить им возможность поступать по своей воле; а так как дети в свои годы не способны к большим порокам, то родители думают, что можно без риска проявлять снисходительность к маленьким отступлениям от правильного поведения, что можно забавляться их милой шаловливостью, которая, по их родительскому мнению, вполне подходит к этому невинному возрасту. Но уже Солон очень хорошо ответил одному такому нежному родителю, который не хотел наказать ребенка за одну скверную выходку, извиняя ее тем, что это не важная вещь: да, сказал Солон, но привычка — важная вещь [20].

§35. Любимчик должен научиться драться и дразнить других; он должен получать все, чего потребует, и делать то, что ему нравится. Так, родители, поощряя капризы детей и балуя их, когда они малы, портят в них природные задатки, а потом удивляются, что вода, источник которой они

сами отравили, имеет горький вкус. Ибо, когда дети вырастают, вместе с ними вырастают также и их дурные привычки; когда же они становятся совсем взрослыми, слишком взрослыми, чтобы можно было с ними нянчиться, и их родители не могут больше забавляться ими как игрушками, тогда родители начинают жаловаться, что мальчишки-де непослушны и испорченны, тогда им уже неприятно видеть их своеволие, и их уже смущают дурные наклонности Детей, которые они сами посеяли и поощряли в них, тогда — быть может, уже слишком поздно — они были бы рады вырвать те сорные травы, которые посеяли собственными руками и которые теперь пустили слишком глубокие корни, чтобы их можно было вырвать. Ибо если ребенок привык во всем проявлять свою волю, пока он носил детскую рубашонку, то почему мы должны считать странным, когда, надевши уже штаны, он стремится к тому же и претендует на то же самое? Конечно, с возрастом и его недостатки обнаруживаются сильнее; и мало есть родителей настолько слепых, чтобы они не чувствовали плохих результатов своей собственной снисходительности. Ребенок командовал своей няней до того, как научился говорить или ходить; он командовал своими родителями с тех пор, как научился лепетать. Почему же теперь, когда он вырос, когда он стал сильнее и умнее, чем был тогда, он должен стать сдержанным и покорным? Почему в возрасте семи, четырнадцати или двадцати лет он должен потерять ту привилегию, которую родительская снисходительность широко предоставляла ему до сих пор? Сделайте опыт над собакой или лошастью или над каким-либо другим животным и посмотрите, легко ли, когда они уже стали большими, исправить те дурные привычки и то своенравие, к которым они были приучены, когда были молоды. Между тем ни одно из этих животных и наполовину не наделено тем своеволием и тем самомнением, ни одно из них и наполовину не проникнуто тем желанием быть хозяином над собою и властвовать над другими, как человек.

§36. Как правило, мы обладаем достаточным благоразумием, чтобы начинать уход за упомянутыми другими созданиями с очень ранних лет и чтобы своевременно их дисциплинировать, если только мы хотим их сделать полезными и на что-либо годными. Только в отношении собственных детей мы здесь проявляем небрежность; и, сделав их дурными детьми, мы неразумно надеемся, что из них выйдут хорошие люди. Ибо если лучше ребенку дать виноград или леденец, когда ему это захочется, чем дать бедному дитяти расплакаться или огорчить его, то почему, когда он станет взрослым, не следует удовлетворять его желания, которые тянут его к вину или к женщинам? Ведь эти предметы в такой же мере соответствуют желаниям взрослого, в какой отвечали детским склонностям те предметы,

из-за которых он плакал, когда был мал. Порок заключается не в том, чтобы иметь желания, соответствующие этим различным возрастам, а в неумении подчинять их правилам и ограничениям разума; разница заключается не в том, испытываете ли вы или не испытываете самих влечений, а в способности »управлять ими и отказываться от них. Тот, кто не привык подчинять свои желания разуму других, когда он молод, вряд ли будет вслушиваться и подчиняться голосу своего собственного разума, достигши того возраста, когда он способен им пользоваться. И нетрудно предвидеть, какого рода человек, по всей вероятности, выйдет из такого субъекта.

§37. Таковы промахи, обычно совершаемые людьми, которые, видимо, с величайшей заботливостью относятся к делу воспитания своих детей. Но если мы посмотрим на обычное обхождение с детьми, то у нас появится основание удивляться тому, что при великой распушенности нравов, на которую жалуются все, вообще остались еще какие-то следы добродетели. Я хотел бы знать, можно ли назвать какой-либо порок, которому родители и те, кто непосредственно смотрит за детьми, не научили бы последних, порок, семена которого не были бы брошены ими в детские души, как только дети стали способны воспринимать порок. Говоря это, я не имею в виду те примеры, которые родители и воспитатели сами дают детям, те образцы поведения, которые они выставляют перед ними напоказ и которые уже сами по себе служат достаточным поощрением; я хочу здесь обратить внимание на прямое обучение пороку, на активное сбивание детей с пути добродетели. Еще прежде чем дети научатся ходить, им внушают правила насилия, мести и жестокости. «Ударь меня, а я побью, его» — вот урок, который дети слышат каждый день; и на это смотрят как на пустяк потому-де, что их руки еще не обладают достаточной силой, чтобы причинить какое-либо зло. Но я вас спрошу: разве это не развращает душу ребенка? Разве это не значит выводить детей на путь насилия и грубости? И если их с малых лет научили, что можно бить и обижать других чужими руками, и забавляться обидой, нанесенной другому, и смотреть на чужие страдания, то разве этим они не подготовляются к тому, чтобы делать то же самое, когда они станут достаточно сильными и будут в состоянии давать чувствовать свою силу и бить других уже с какой-либо целью? Одежду, которой мы прикрываем наши тела из скромности и в целях согревания и защиты, родители — вследствие своего безрассудства или порочности — рекомендуют своим детям для иного применения. Она стала предметом тщеславия и соперничества. Ребенку внушается желание иметь новый костюм, чтобы в нем пощеголять, а когда маленькая девочка нарядится в свое новое платье и в новую шапочку, может ли ее мамаша, называющая

дочку своей королевой, своей принцессой, не научить ее — самое меньшее — любоваться собой? Таким путем маленькие дети приучаются гордиться своим платьем еще раньше, чем научились сами надевать его. А если родители их этому научили в столь раннем возрасте, то почему же им не продолжать в дальнейшем ценить себя за внешнее изящество изделий портного или модистки?

Ложь и увертки, извинения, мало чем отличающиеся от лжи, влагаются в уста малолетних и поощряются у детей и учеников, когда это выгодно учителям и родителям. Можно ли в таком случае рассчитывать, что ребенок, который видит, что уклонение от истины, когда оно направлено к выгоде его почтенного наставника, не только прощается ему, но даже одобряется, не станет пользоваться этой привилегией уже в своих интересах, если это сможет принести ему пользу?

Людям низших сословий нехватка средств не позволяет поощрять у своих детей неумеренность, вводя в соблазн изысканной пищей или упрощением есть и пить больше, чем нужно; но дурные примеры, которые они подают своим детям в такие моменты, когда у них бывает недостаток, показывают, что их удерживает от излишеств не отвращение к пьянству и обжорству, а лишь недостаток средств. Но заглянем в дома тех, кому живется лучше: здесь еда и питье превратились в столь важное дело и в них находят такое счастье жизни, что если дети не получают своей доли, то в этом видят пренебрежительное к ним отношение. Соусы, и рагу, и всякая пища, которой придается специфический вкус с помощью всевозможных ухищрений кулинарного искусства, должны раздражить их аппетит в такой момент, когда их желудок и без того наполнен; а потом опасение, как бы желудок не оказался перегруженным, становится предлогом дать ребенку лишний стакан вина, чтобы помочь пищеварению, хотя этим пресыщение лишь усиливается. Если мой барчук немного не в духе, его первым делом спрашивают: «Не хочешь ли, дорогой, покушать? Что тебе дать?» И немедленно заставляют его есть и пить, причем пускается в ход вся человеческая изобретательность, чтобы придумать что-нибудь достаточно вкусное и изысканное, что могло бы пересилить отсутствие аппетита, которое природа мудро установила в качестве симптома начинающегося расстройства и для защиты против усиления последнего — с той целью, чтобы вместо обычной работы переваривания новой пищи, загружившей желудок, заняться исправлением и преодолением испорченных соков [21].

Но и в тех случаях, когда на долю детей выпало счастье такого родительского ухода, при котором благоразумие родителей удерживает их от излишеств стола и приучает к простой и неизысканной пище, дети едва ли

могут быть ограждены от заразы, отравляющей их душу: здоровье детей, может быть, и достаточно хорошо оберегается благоразумным уходом, пока они находятся под опекой, однако их желания неизбежно следуют урокам, которые преподносят им со всех сторон в этой области эпикурейства. То признание, которым везде пользуется хорошая еда, не преминет с успехом подстрекнуть естественный аппетит и быстро возбудит в детях страсть к изысканному столу и склонность тратиться на него. Ведь все, даже обличители порока, называют это «хорошо жить». А что угрюмый разум решится противопоставить общественному мнению?

И может ли он рассчитывать, что к его голосу прислушаются, если он назовет излишеством то, что так хорошо ценится и всюду практикуется среди людей высшего круга?

В настоящее время этот порок принял столь крупные размеры и встречает столь сильную поддержку, что я уже не знаю, не претендует ли он на то, чтобы называться добродетелью. И не сочтут ли это за безумие или за незнание света, если кто-либо станет высказываться против него? Право, я готов был бы допустить, что сказанное мною будет с осуждением воспринято как неуместная, сатирическая выходка, но я затронул этот вопрос в надежде, что тем самым пробужу в родителях бдительность и внимание к вопросам воспитания их детей, что им станет ясно, насколько последние окружены со всех сторон не только соблазнами, но даже учителями порока, и, может быть, даже в лице тех людей, которые считаются абсолютно надежными.

Я не буду дольше останавливаться на этом предмете и еще менее склонен вдаваться во все подробности, которые показали бы, как много прилагается усилий к тому, чтобы совращать детей и каплю за каплей внедрять в них порок. Но я желал бы, чтобы родители трезво поразмыслили над тем, каким нарушениям и порокам незаметно обучаются их дети и не заключаются ли их долг и мудрость в том, чтобы дать детям уроки другого рода.

§38. Мне кажется ясным, что основа всякой добродетели и всякого достоинства заключается в способности человека отказываться от удовлетворения своих желаний, когда разум не одобряет их. Эту способность надо приобретать и совершенствовать посредством привычки, которая становится легкой и естественной, если упражняться в ней с ранних лет. Поэтому, если бы я мог рассчитывать, что меня послушают, то я бы

посоветовал — в противоположность тому, что обычно делают,— приучать детей с самой колыбели подавлять свои желания и не руководствоваться своими влечениями. Первое, чему они должны научиться,— это понимать, что они получают ту или иную вещь не потому, что она им понравилась, а только потому, что она была признана подходящей для них. Если бы им давали только то, что им действительно необходимо, и всегда отказывали бы им в том, чего они требуют с плачем, они научились бы обходиться без желаемого и никогда не настаивали бы на своем с плачем и капризами; они бы и наполовину не были столь несносными для себя и для других, какими становятся обычно, если их с самого начала не воспитывают, как я предлагаю. Если никогда не допускать исполнения их желаний только из-за выражаемого ими нетерпения, они так же мало будут плакать при отказе в чем-либо другом, как мало плачут из-за того, что им не дают луны с неба.

§39. Я не хочу этим сказать, что детям ни в чем не нужно давать поблажки или что я рассчитываю на то, чтобы они, не перестав еще носить детское платье, могли обладать разумом и тактом мужей света. Я вижу в них детей, которые нуждаются в нежном обращении, для которых игры и игрушки являются действительной потребностью. Моя мысль сводится лишь к тому, что, когда дети хотят получить или сделать что-либо им ненужное, не следует давать или разрешать это только потому, что они маленькие и им этого захотелось; напротив, у них должна быть уверенность, что если они будут приставать с каким-либо требованием, то именно поэтому им будет отказано. Я видел детей, которые, сидя за столом, ничего не просили из того, что подавалось, а удовлетворялись тем, что им давали. Но я видел также других детей, которые с криком требовали, чтобы им давали все, что находилось перед их глазами; они хотели, чтобы им давали от каждого блюда, и притом раньше, чем всем остальным. Разве эта разница не была создана тем, что вторые привыкли получать то, чего они просили или требовали с криком, а первые были приучены оставаться без удовлетворения. Чем младше дети, тем менее, я думаю, следует удовлетворять их недисциплинированные и беспорядочные желания; и чем слабее их собственный разум, тем сильнее необходимость подчинять их абсолютной власти и ограничениям со стороны тех, на чьем попечении они находятся. Отсюда, я соглашусь, будет вытекать тот вывод, что ухаживать за детьми должны только благоразумные люди. Если в свете принято иное, я ничего не могу сделать. Я говорю лишь, как, по моему мнению, следует поступать, и, если бы это уже вошло в обычай, мне бы не было нужды взывать к общественному вниманию рассуждениями на эту тему. Но я не сомневаюсь, что и другие, поразмыслив об этом, согласятся со мною, что,

чем раньше начать применять указанный метод, тем легче пойдет дело как у детей, так и у воспитателей и что следует установить нерушимое правило: раз детям в чем-либо отказано, они не должны рассчитывать на то, что добьются этого криком и приставанием; иначе, награждая их за эти качества, вы как бы задаетесь специальной целью приучать их к нетерпению и назойливости.

§40. Итак, кто ставит своею целью всегда управлять своими детьми, тот должен начинать это, пока те еще очень малы, и следить за тем, чтобы они полностью подчинялись воле родителей. Вы хотите, чтобы ваш сын, выйдя из детских лет, вас слушался? В таком случае вы непременно должны установить свой отцовский авторитет возможно раньше, а именно как только он стал способен подчиняться и понимать, в чьей власти находится. Если вы хотите, чтобы ваш сын питал к вам почтительный страх, запечатлейте в нем это чувство уже в детстве; а по мере того как он будет становиться старше, позволяйте ему сближаться с вами; при этом условии вы будете иметь в нем послушного подданного (как оно и должно быть) в детстве и преданного вам друга, когда он вырастет. По моему мнению, очень неправильно понимают должное обращение с детьми те, кто проявляют по отношению к ним снисходительность и фамильярность, пока они малы, и становятся суровыми к ним и держат на известном расстоянии от себя, когда они выросли; ибо свобода и потворство не приносят пользы детям, а недостаток рассудительности создает необходимость для них ограничений и дисциплины, и наоборот; властное и строгое отношение — плохой способ обращения с теми, кто уже обладает собственным разумом, чтобы им руководствоваться, если только вы не хотите стать в тягость своим детям, когда они вырастут, и не хотите, чтобы они втайне говорили про себя: «Когда ты наконец умрешь, отец?»

§ 41-50

§41. Я полагаю, что всякий признает разумным, чтобы его дети, пока они малы, смотрели на родителей как на своих господ, как на облеченных полнотою власти руководителей, по отношению к которым проявляли бы почтительный страх; а впоследствии, когда они подрастут, чтобы они видели в родителях самых лучших и единственно надежных друзей и, как таковых, любили бы и уважали их. Указанный мною путь является, если я не ошибаюсь, единственным, который может обеспечить достижение таких результатов. Когда дети подрастут, мы со своей стороны должны видеть в них людей, равных нам, людей с такими же страстями, с такими же

желаниями, как и наши страсти и желания. Мы желаем, чтобы к нам относились как к разумным созданиям, мы стремимся к свободе, мы не любим, если нам надоедают постоянными выговорами и окриками, и не миримся с тем, чтобы люди, с которыми сталкиваемся, проявляли к нам суровое отношение или держали нас на почтительном расстоянии. Тот, кто, будучи взрослым, встречает подобное отношение к себе, будет искать другого общества, других друзей, других собеседников, с которыми он мог бы чувствовать себя легко. Поэтому если детей держать в строгости с самого начала, то, пока они дети, они будут послушны и будут спокойно подчиняться строгостям, как будто никогда не знали другого обращения. И если, по мере того как они будут подрастать и когда подрастут настолько, чтобы руководствоваться своим разумом, строгость управления будет мало-помалу (в той мере, в какой они будут заслуживать) смягчаться и обращение отца будет становиться все более мягким и, наконец, расстояние между ним и детьми уменьшится, то его прежняя строгость только усилит их любовь, так как дети поймут, что она была проявлением доброты к ним и желания сделать их способными заслужить любовь родителей и уважение всех и каждого.

§42. В этом заключается общее правило для установления вашего авторитета над вашими детьми. Страх и почтительность должны дать вам первую власть над их душами, а любовь и дружба должны закрепить ее: ибо придет время, когда они перерастут розги и исправительные меры воздействия, и тогда —спрошу вас я — если любовь к вам не сделает их послушными и не внушит им чувства долга, если любовь к добродетели и желание поддержать свою репутацию не будет их удерживать на достойном пути, то какое у вас будет средство повернуть их на этот путь? Конечно, страх получить малую долю наследства из-за причиненных вам огорчений может сделать их рабами вашего богатства, но, несмотря на это, внутренне они будут оставаться дурными и испорченными. Однако эта сдержка ведь не останется навсегда. Всякий человек должен рано или поздно быть предоставлен самому себе, своему собственному руководству, и хороший, добродетельный и способный человек должен быть воспитан таковым внутренне. Поэтому все, что он должен получить от воспитания и что должно повлиять на его жизнь, необходимо своевременно вложить в его душу, а именно привычки, крепко переплетенные с самыми основами его природы, а не притворное поведение и лицемерную личину, надетую лишь из страха и с единственной целью избежать в данное время гнева отца, который может лишить его наследства.

§43. После того как мы установили общее направление, которого следует держаться, уместно будет приступить к несколько более детальному рассмотрению некоторых элементов необходимой дисциплины. Я так много говорил о необходимости соблюдения строгого режима по отношению к детям, что меня, быть может, заподозрят в том, что я недостаточно учитываю требования, которые предъявляют нам нежный возраст детей и нежная детская конституция. Но это подозрение рассеется, если вы послушаете, что я скажу дальше: поскольку я весьма склонен думать, что очень строгие наказания приносят в воспитании очень мало пользы, напротив — они причиняют большой вред, то можно, мне думается, установить, что при прочих равных условиях те дети, которые особенно часто подвергались наказаниям, редко выходят хорошими людьми. Все, на чем я до сих пор настаивал, сводится лишь к тому, что строгость, поскольку она необходима, тем уместнее, чем дети моложе, и что, если она при правильном применении произвела свой эффект, ее следует ослабить и заменить более мягким способом обращения.

§44. Послушание и уступчивость, внушенные детям настойчивостью родителей в столь раннем возрасте, что дети не могут помнить, как эти качества у них появились, будут казаться детям естественными и в дальнейшем будут проявлять свое действие с силой природных качеств, предупреждая всякое сопротивление и недовольство. Нужно лишь позаботиться об одном: начать применение этого метода в раннем возрасте, а затем неуклонно его держаться до тех пор, пока почтительный страх и уважение к родителям не войдут у детей в привычку, пока не исчезнут малейшие проявления непокорности с их стороны и они не проникнутся готовностью слушаться. Именно эта почтительность, если только удалось укрепить ее в детях (а этого следует добиться в раннем возрасте, ибо иначе эта почтительность может быть достигнута лишь ценою усилий и побоев, которых потребуются тем больше, чем позже начинают воспитывать, в сочетании с такой мерой снисходительности, которая не позволила бы детям использовать эту снисходительность во зло), должна явиться в будущем, после того как дети подрастут и сделаются разумнее, средством воздействия на них, а не побои, брань или другие унижительные наказания.

§45.1. Что это так, всякий легко согласится, если только подумает над тем, в чем заключается цель разумного воспитания и чем оно определяется.

Кто не имеет власти над своими наклонностями, кто не в состоянии устоять против импульса удовольствия или страдания данной минуты и следовать голосу разума, указывающего, как нужно поступить, тот не

обладает истинными принципами добродетели и деятельности и рискует оказаться ни на что не годным человеком. Эта выдержка, которая является противоположностью природной стихийности, должна приобретаться своевременно; привычка к ней, как истинная основа будущей жизнеспособности и счастья, должна внедряться в душу как можно раньше, уже с первых проблесков сознательности и понимания у детей, и тот, кто следит за их воспитанием, должен ее укреплять в них со всей тщательностью и всеми возможными средствами.

§46.2. С другой стороны, если душа ребенка слишком придавлена и принижена, если его ум пришиблен и сломлен слишком строгим обращением, он теряет всю свою силу и энергию и оказывается в еще худшем состоянии, чем в первом случае. Ибо своенравные юноши, отличающиеся живостью и умом, выходят иногда на правильную дорогу и таким образом становятся дельными и крупными людьми; но пришибленные, робкие и вялые души и духовно неразвитые люди вряд ли в состоянии когда-либо подняться и очень редко чего-либо достигают. Избегать той и другой опасности — большое искусство, и тот, кто нашел способ сохранить душу ребенка непринужденной, деятельной и свободной и в то же время удерживать ребенка от многих вещей, к которым его влечет, и направлять его к тому, что ему не совсем нравится, тот — скажу я — постиг, как примирить эти кажущиеся противоречия, тот, по моему мнению, овладел действительным секретом воспитания.

§47. Обычный метод воздействия телесным наказанием и розгой, который не требует ни усилий, ни много времени, этот единственный метод поддержания дисциплины, который широко признан воспитателями и доступен их пониманию, является наименее пригодным из всех мыслимых приемов воспитания, так как он приводит к обоим упомянутым вредным последствиям; а они, как мы показали, представляют собой Сциллу и Харибду [22], которые с той или другой стороны губят всякого, кто сворачивает с правильного пути.

§48.1. Этот вид наказания совсем не способствует преодолению нашей естественной склонности предаваться физическим и мимолетным удовольствиям и всячески избегать страданий, а скорее поощряет эту склонность и тем самым укрепляет в нас то, что является корнем всех порочных поступков и отступлений от правильной жизни.

В самом деле, какой другой мотив, кроме чувственного удовольствия или страдания, руководит ребенком, который только из страха быть высеченным, вопреки своему влечению корпит над книгой или

воздерживается есть нездоровый плод, в котором находит удовольствие? В данном случае он только отдает предпочтение большему физическому удовольствию или избегает большего физического страдания. И что, собственно, значит — регулировать его поступки и направлять его поведение, используя подобные мотивы? Разве это не значит — спрошу я вас — поощрять в нем то самое начало, искоренение и уничтожение которого является нашей задачей? Я не могу поэтому признать полезным для ребенка какое бы то ни было наказание, при котором стыд пострадать за совершенный поступок не действует на него сильнее, чем само страдание.

§49.2. Этот метод исправления естественно порождает в ребенке отвращение к тому, что воспитатель должен заставить его полюбить. Как легко наблюдать такое явление, что дети, которым раньше нравились те или другие вещи, начинают их ненавидеть, потому что из-за этих вещей они подвергаются побоям, брани и мучениям! И в этом нет ничего удивительного, так как и взрослых людей нельзя подобными приемами заставить полюбить что-нибудь. В самом деле, какой человек не проникся бы отвращением к самому невинному развлечению, хотя бы само по себе оно было для него безразличным, если бы его заставляли развлекаться побоями и бранью? Или подвергли бы такому же обращению за некоторые особенности в его манере развлекаться? Это было бы вполне естественно. Неприятная обстановка обычно отравляет самые невинные вещи, которые с нею связаны: один только вид чашки, из которой вы обычно принимаете отвратительное лекарство, вызывает у вас тошноту, и ничто находящееся в этой чашке уже не будет доставлять вам удовольствие, хотя бы она была исключительно чиста и красива и сделана из дорогого материала.

§50.3. Такой род рабской дисциплины создает рабский характер. Ребенок подчиняется и притворяется послушным, пока над ним висит страх розги; но как только этот страх отпал и ребенок, в отсутствие наблюдающего глаза, может рассчитывать на безнаказанность, он дает еще больший простор своей естественной наклонности, которая, таким образом, нисколько не изменяется, а, напротив, лишь становится в нем значительно сильнее и обычно после такого насильственного сдерживания прорывается с еще большей силой.

§ 51-60

§51.4. Или же: если строгость, доведенная до крайней степени, берет верх и приводит к исцелению от ранее прорывавшейся скверной наклонности, то этот результат часто достигается за счет насаждения

другого, худшего и более опасного недуга — душевной пришибленности, и тогда вместо неорганизованного юноши вы будете иметь слабоумное жалкое существо, которое, правда, нравится глупым людям своей противоестественной скромностью, так как оно не шумит и не причиняет беспокойства, но в конце концов, вероятно, окажется неприятным для своих друзей и на всю жизнь останется бесполезным для себя и для других.

§52. Побои и все прочие виды унижающих телесных наказаний не являются подходящими дисциплинарными мерами при воспитании детей, которых мы хотим сделать разумными, добрыми и талантливыми людьми; эти меры следует поэтому применять очень редко, и притом только по серьезным основаниям, и лишь в крайних случаях. С другой стороны, нужно тщательно избегать поощрения детей путем награждения их вещами, которые им нравятся. Кто дает своему сыну яблоко, или пряник, или какой-либо другой из наиболее любимых им предметов этого рода с целью заставить его сидеть за книгой, тот только поощряет его любовь к удовольствиям и потворствует этой опасной склонности, которую надлежало бы всеми средствами обуздывать и подавлять в нем. Вы никогда не сможете рассчитывать научить его управлять своим влечением, если, ставя ему преграды в одном случае, вы компенсируете это разрешением удовлетворить то же влечение в другом случае. Чтобы сделать из него хорошего, разумного и добродетельного человека, нужно научить его противостоять своим влечениям и отказываться в удовлетворении своему Пристрастию к богатству, щегольству, лакомству и прочему, когда разум советует, а долг требует противоположного. Но когда вы побуждаете его делать что-нибудь полезное, даря ему деньги, или вознаграждаете за утомительное сидение за книгой удовольствием от лакомого кусочка, когда вы обещаете ему кружевной галстук или изящный костюм за исполнение какой-либо из его мелких обязанностей, то разве, предлагая ему все это в виде награды, вы не допускаете только, чтобы эти хорошие вещи стали его целью, и разве тем самым вы не поощряете его страсть к этим вещам, не приучаете его видеть в них свое счастье? Так неправильно люди пользуются наградами и наказаниями, чтобы заставить детей проявить усердие в грамматике, в танцах и в некоторых других подобных предметах, не имеющих большого значения для их счастья или полезности в их жизни, и тем самым жертвуют добродетелью детей, извращают правила их воспитания и приучают к роскоши, чванливости, жадности и т. п. Ибо, потворствуя таким образом этим дурным наклонностям, которые они должны были бы ограничивать и подавлять, они закладывают основу будущих пороков, которых можно избежать, лишь обуздывая наши желания и с ранних лет приучая их подчиняться разуму.

§53. Я не хочу этим сказать, что нужно лишать детей тех удобств и удовольствий жизни, которые не причиняют вреда их здоровью или добродетели. Напротив, я желал бы, чтобы их жизнь стала насколько возможно приятной и веселой для них и чтобы они в полной мере пользовались всем, что может доставить им невинные удовольствия, однако с тем условием, чтобы они получали эти удовольствия только как результат построенных на взаимном уважении и признании их отношений с родителями и воспитателями. Но никогда не следует ни предлагать, ни доставлять им эти удовольствия в виде награды за выполнение той или другой обязанности, к которой они питают отвращение и которой они бы не исполняли добровольно без этого соблазна.

§54. Но вы скажете: «Если, с одной стороны, устранить розгу, а с другой — эти маленькие поощрения, которыми можно их привлечь, то как же тогда управлять детьми?» Устраните надежду и страх, и тогда исчезнет всякая дисциплина. Я согласен, что добро и зло, награда и наказание — единственные мотивы для разумного существа: это — шпоры и вожжи, которыми побуждается к работе и направляется все человечество, и поэтому они должны применяться также к детям. Ибо я советую родителям и воспитателям всегда помнить, что с детьми следует обращаться как с разумными существами.

§55. Я признаю, что, если мы хотим влиять на детей, нужно обещать им награды и предупреждать их о наказании. Ошибка, по-моему, заключается в том, что применяемые обычно награды и наказания плохо выбираются. Я полагаю, что телесные страдания и телесные удовольствия, когда они превращаются в награды или наказания, которыми рассчитывают воздействовать на детей, дают дурные результаты; ибо, как я уже сказал выше, они только усиливают и укрепляют те склонности, подчинение и подавление которых является нашей задачей. Какое начало добродетели вы закладываете в ребенке, если отказ в удовлетворении его желания вы искупаете тем, что предлагаете ему взамен этого другое удовольствие? Это значит лишь расширять круг его влечений и приучать его перебрасываться с одного предмета на другой. Если ребенок требует с плачем, чтобы ему дали какой-либо вредный и опасный плод, вы покупаете его спокойствие тем, что даете ему менее вредное лакомство. Этим вы, может быть, сохраняете ему здоровье, но портите душу и расстраиваете ее еще больше. Ибо вы меняете здесь только объект, но продолжаете потворствовать его желанию и соглашаетесь, что оно должно быть удовлетворено; а в этом именно, как я уже показал, лежит корень зла, и, пока вы не добьетесь того, чтобы он был способен отказываться от этого удовлетворения, ребенок может оставаться в

данную минуту спокойным и вести себя как следует, но самая болезнь не исцелена. Поступая таким образом, вы поощряете и культивируете в нем то, что является источником всех зол и что при первом же случае — это можно сказать с уверенностью — прорвется еще более бурно, возбудит в нем еще более сильные желания, а вам причинит еще большее беспокойство.

§56. Те награды и наказания, посредством которых мы должны держать детей в порядке, совсем другого рода» и они-то обладают такой силой, что раз нам удалось добиться эффекта от них — дело, по моему мнению, уже сделано, и трудность преодолена. Честь и позор являются самыми могущественными стимулами души, когда она уже способна ценить их. Если вам удалось научить детей дорожить доброй репутацией и страшиться стыда и позора, вы вложили в них правильное начало, которое будет всегда проявлять свое действие и склонять их к добру. Но меня спросят: как же это сделать? Сознаюсь, что на первый взгляд это не лишено некоторой трудности; но я считаю, что эта задача заслуживает того, чтобы поискать путей ее осуществления и, найдя эти пути, по ним следовать, ибо в этом я вижу великий секрет воспитания.

§57. Во-первых, дети (быть может раньше, чем мы думаем) очень чувствительны к похвале и одобрению. Им доставляет удовольствие, если их уважают и ценят, особенно родители и те, от кого они зависят. Поэтому, если отец ласкает и хвалит их, когда они ведут себя хорошо, и показывает внешнюю холодность и невнимание к ним, когда они ведут себя дурно, и если одновременно подобным же образом проявляют себя по отношению к ним мать и прочие окружающие, то потребуется немного времени, чтобы сделать детей чувствительными к этой разнице в отношениях; я не сомневаюсь, что этот метод обращения с детьми, если его держаться неуклонно, будет сам по себе оказывать большее действие, чем угрозы и побои, которые теряют свою силу, когда они становятся привычными, и делаются неприятными, когда не сопровождаются чувством стыда; поэтому они должны быть исключены из обихода и применяться лишь в одном, указанном ниже случае, когда дело дошло до крайности.

§58. Но во-вторых, чтобы глубже внедрить в сознание детей понятия чести и позора и чтобы придать последним больше веса, необходимо, чтобы эти отличные друг от друга состояния всегда сопровождалось приятными или неприятными вещами — не в качестве специальных наград или наказаний за тот или другой поступок, а как обязательно причитающихся и всегда выпадающих на долю тех, кто своим поведением поставил себя в положение человека достойного или недостойного похвалы. Такой способ

обращения с детьми может в максимально мыслимой степени привести их к убеждению, что человек, которого хвалят и отличают за хорошее поведение, обязательно встретит и любовь и ласку со стороны каждого, а в результате этого он будет иметь и всякие другие хорошие вещи; и наоборот, кто своим дурным поведением вызывает неуважение к себе и не заботится о сохранении хорошей репутации, неизбежно станет предметом равнодушия и презрения, а следствием такого положения явится отсутствие всего, что могло бы доставить ему удовлетворение или удовольствие. Таким образом, объекты желаний превращаются в фактор, способствующий добродетели, поскольку твердый опыт учит детей с самого начала, что предметы, доставляющие удовольствие, принадлежат и достаются лишь тем, кто пользуется хорошей репутацией. Если вам удастся таким путем заставить их испытывать чувство стыда от своих недостатков (а я бы охотно ограничил этим лее наказания) и находить удовольствие в том, что о них хорошо думают, то вы будете в состоянии делать с ними что хотите, и они полюбят все пути добродетели.

§59. Большая трудность заключается здесь, по моему мнению, в глупости и испорченности слуг, которым трудно помешать действовать в этих случаях вразрез с намерениями отца или матери. Дети, которым родители выразили неодобрение по поводу какого-либо проступка, обычно находят приют и ласку у этих глупых льстецов, которые таким образом разрушают все то, что родители стремятся создать. Когда видно, что отец и мать сердиты на ребенка, все прочие должны проявлять к нему ту же холодность, и никто не должен ободрять его до тех пор, пока он не попросит прощения и исправлением своей вины не вернется на правильный путь и не восстановит своей прежней репутации. Если бы это правило неуклонно соблюдалось, в побоях и брани была бы, я думаю, малая надобность: выпадающие на долю детей хорошее самочувствие и удовлетворение быстро приучали бы их добиваться похвалы и избегать всяких поступков, которые, как они убедились, осуждаются всеми и обязательно должны причинить им страдание, даже в том случае, если их не будут ни бить за это, ни бранить. Это научит их скромности и чувству стыда, и они скоро начнут испытывать естественное отвращение ко всему тому, что, по их личному опыту, вызывало со стороны каждого неодобрение и пренебрежение к ним. Но как устранить этот вред, причиняемый слугами,— об этом пусть подумают и позаботятся родители. Я же придаю этому вопросу большое значение и считаю поистине счастливыми тех, кто в состоянии найти разумных людей для ухода за их детьми.

§60. Итак, следует всячески избегать частых побоев или брани, ибо этот способ исправления дает хорошие результаты лишь постольку, поскольку он вызывает у детей чувство стыда и отвращения к проступку, навлекшему на них наказание. И если главным элементом в их неприятном самочувствии не является сознание, что они совершили дурной поступок, и опасение, что они вызвали по отношению к себе неудовольствие своих лучших друзей, то боль от физического наказания будет действовать как несовершенное лекарство. Она только на время затянёт рану, наложит на нее пластырь, но не затронет самого корня болезни; единственно, что действительно сдерживает,— это искренний стыд и боязнь вызвать неудовольствие. Только эти чувства должны управлять ребенком и удерживать его на правильном пути; телесные же наказания при частом их повторении утрачивают свою силу и вытравливают чувство стыда. Со стыдом у детей обстоит так же, как со скромностью у женщин, которая не может сохраниться, если часто нарушается. Что же касается боязни вызвать неудовольствие родителей, то она становится очень маловажным фактором, если внешние признаки этого неудовольствия быстро исчезают и если несколькими ударами исчерпывается все искупление. Родителям следует хорошенько подумать о том, какие недостатки в их детях достаточно значительны, чтобы вызвать проявление их гнева. Но если их неудовольствие уже проявилось, и притом в такой степени, что влечет за собой какое-либо наказание, то не следует быстро менять гнев на милость, нужно возвращать детям прежнюю ласку не сразу и полное примирение откладывать до тех пор, пока их покорность и исключительно хорошее поведение не докажут их исправления. Если же не поступать так, то наказание вследствие привычки станет заурядным делом и потеряет всю свою эффективность: совершить проступок, подвергнуться наказанию и затем получить прощение будет считаться столь же естественным и неизбежным, как чередование дня, ночи и утра.

§ 61-70

§61. Относительно хорошей репутации я сделаю еще лишь одно замечание: хотя не в ней заключается истинное начало и мерило добродетели (ибо добродетель — это сознание своего человеческого долга, а выполнение последнего заключается в повиновении творцу, в следовании указаниям того света, который бог даровал человеку с надеждой на благоволение и воздаяние), однако это нечто весьма близкое к добродетели: поскольку хорошая репутация выражает собою то признание и одобрение,

которое разум других людей дает как бы по общему согласию добродетельным и добропорядочным поступкам, постольку она служит подходящим руководством и поощрением для детей, пока последние не подрастут настолько, чтобы быть способными судить самостоятельно и собственным разумом находить то, что правильно.

§62. Это соображение может явиться для родителей указанием, как им вести себя в отношении порицания или одобрения своих детей. Выговоры и упреки, без которых иногда вряд ли бывает возможно пройти мимо проступков детей, следует делать не только в спокойном, серьезном и бесстрастном тоне, но лучше также наедине, в отсутствие посторонних; наоборот, похвалу, если дети ее заслужили, они должны получать в присутствии посторонних. Похвала, когда она высказывается гласно, становится двойной похвалой; наоборот, когда родители показывают, что они не желают оглашать проступки своих детей, это заставляет последних больше дорожить своей репутацией и приучает их больше заботиться о сохранении хорошего мнения Других людей, пока они думают, что пользуются им. Когда же их срамят при посторонних и тем оглашают их проступки, они считают свою репутацию погибшей, и вместе с тем исчезает то, что их сдерживало; ибо, - чем больше они будут думать, что их доброе имя запятнано, тем меньше они будут заботиться о его сохранении.

§63. Однако при правильном методе обращения с детьми вовсе не должна возникать столь большая потребность в применении обычных наград и наказаний, как мы думаем и как это установлено общей практикой. Ибо дети должны в своих невинных дурачествах, играх и детских выходках пользоваться полной свободой; их не следует в этом стеснять, пока эти проявления совместимы с подобающим уважением к присутствующим; в этих случаях следует относиться к ним с величайшей снисходительностью. Если исправление этих недостатков — недостатков не столько самих детей, сколько их возраста — предоставлялось бы действию времени, подражания и более зрелого возраста, как это и надлежит делать, то дети были бы избавлены от многих дурно применяемых и бесполезных мер наказания. Ведь эти наказания или неспособны одолеть данную естественную склонность детского возраста, что (поскольку они делаются привычными, оставаясь в то же время бесплодными) уменьшает их пользу в других, серьезных случаях, или же если они достаточно сильны, чтобы обуздать естественную резвость этого возраста, то только калечат и тело и душу.

Если шум и суматоха их игр в данный момент неудобны или не соответствуют месту или обществу, в котором они находятся (а это может быть только там, где с ними родители), то достаточно одного взгляда или

слова отца или матери, если только они добились должного авторитета, для того, чтобы на это время удалить детей или успокоить их. Но это веселое настроение, которым природа мудро наделила детский возраст и характер, скорее следует поощрять для поддержания в них бодрости, для развития их сил и улучшения здоровья, чем подавлять и стеснять; да и главное искусство именно в том и заключается, чтобы все, чем должны заниматься дети, сделать игрой и развлечением.

§64. Здесь позвольте мне обратить внимание на одну вещь, которую я считаю ошибкой обычного метода воспитания: она заключается в обременении детской памяти всевозможными правилами и предписаниями, которые часто бывают недоступны их пониманию и всегда детьми забываются сейчас же, как только они их получили. Если вы желаете, чтобы дети выполнили какое-либо действие или сделали это иначе, когда они его забывают или делают неудачно, заставляйте их много раз переделывать, пока они не достигнут совершенства. Этим вы добьетесь двух полезных результатов. Во-первых, вы увидите, способны ли они выполнить данную работу и можно ли рассчитывать, что они ее выполнят: ведь от детей иногда требуют таких вещей, которых, как мы убеждаемся уже на опыте, они не умеют делать, и раньше, чем требовать от них выполнения, следовало бы их поучить и поупражнять. Но воспитателю гораздо легче приказывать, чем учить. Другая польза, которая получается от этого, заключается в том, что, если дети будут многократно проделывать одно и то же действие до тех пор, пока оно не станет для них привычным, выполнение уже не будет зависеть от памяти или размышления, свойственных не детству, а зрелому возрасту, но станет у них чем-то естественным.

Так, например, для хорошо воспитанного человека кланяться джентльмену, когда тот его приветствует, и смотреть ему в лицо, когда тот говорит с ним, становится благодаря постоянной практике столь же естественным, как и дышать: для этого не требуется ни думать, ни рассуждать. Если вы таким путем излечили вашего ребенка от какого-либо недостатка, вы его излечили навсегда; и таким же способом вы можете искоренить в детях один за другим все недостатки и привить им какие угодно привычки.

§65. Я видел родителей, которые наваливали на своих детей такую кучу правил, что бедным малышам невозможно было запомнить и десятую их часть и еще менее из них они могли выполнять. И, несмотря на это, за нарушение многочисленных и часто совершенно нецелесообразных предписаний дети подвергались брани и побоям. Естественным результатом было то, что они пропускали мимо ушей указания, которые им давались, так

как для них было очевидно, что всего их внимания недостаточно, чтобы предохранить их от нарушений и последующих наказаний. Поэтому пусть этих правил, которые вы даете своему сыну, будет возможно меньше; лучше пусть их будет меньше, а не больше того, что кажется абсолютно необходимым. Ибо если вы обремените его многочисленными правилами, то в результате неизбежно получится одно из двух: или вам придется своего сына очень часто наказывать, что будет иметь дурные последствия, так как наказание будет слишком частым и сделается привычным, или же вы будете вынуждены оставлять нарушение некоторых ваших правил безнаказанным, что, конечно, вызовет пренебрежительное отношение к ним и подорвет ваш авторитет в глазах сына. Создавайте лишь немного законов, но следите за тем, чтобы они, будучи раз созданы, соблюдались. Для малолетних детей требуется немного законов, и лишь по мере того, как они становятся старше и какое-либо правило в результате практики прочно утвердилось, вы можете прибавить новое.

§66. Но прошу вас помнить, что детей не следует учить при помощи запоминания правил, которые всегда будут ускользать из их памяти. Заставляйте их все, что, по вашему мнению, они должны уметь делать, усваивать путем необходимой практики, приурочивая эту практику к каждому подходящему случаю, а если возможно, сами создавайте эти случаи. Это будет порождать у них привычки, которые, раз установившись, будут действовать сами собой, легко и естественно, без помощи со стороны памяти. Но здесь позвольте мне сделать следующие два предупреждения: 1. Когда вы заставляете их упражняться в том, что вы хотели бы превратить у них в привычку, применяйте ласковые слова и мягкие уговоры, лучше в форме как бы напоминания о том, что они позабыли, чем в форме резких замечаний или брани за умышленный будто бы проступок. 2. Второе, что вам следует соблюдать, состоит в том, чтобы не стараться укоренять в них слишком много привычек сразу, иначе разнообразием вы собьете их с толку и основательно не разовьете в них ни одной привычки. Когда постоянная практика превратила какое-либо действие в нечто легкое для них и естественное и они его выполняют не раздумывая, вы можете перейти к другому.

Этот метод обучения детей путем повторяющейся практики, путем многократного выполнения под наблюдением и руководством воспитателя одного и того же действия до тех пор, пока дети не привыкнут делать это хорошо, с какой бы стороны мы ни рассматривали его, имеет столько преимуществ перед методом, рассчитанным на правила, которые дети должны усвоить с помощью памяти, что я могу только удивляться (если можно вообще удивляться дурным обычаям), как он мог оставаться в столь

большом пренебрежении. Укажу здесь еще на одно преимущество. Пользуясь этим методом, мы можем видеть, соответствуют ли требования, предъявляемые к ребенку, его способностям и подходит ли тот или другой прием к природным дарованиям и конституции ребенка: это ведь также должно приниматься в соображение при правильном воспитании. Мы не должны рассчитывать на то, чтобы полностью изменить их прирожденные характеры, чтобы сделать веселого человека задумчивым и серьезным, а меланхолика веселым человеком, не портя их. Бог наложил определенную печать на душу каждого человека, которая, подобно его внешнему облику, может быть немного исправлена, но вряд ли можно ее целиком изменить и превратить в противоположное.

Поэтому тот, кто имеет дело с детьми, должен основательно изучить их натуры и способности и при помощи частых испытаний следить за тем, в какую сторону они легко уклоняются и что им подходит, каковы их природные задатки, как можно их усовершенствовать и использовать. Он должен подумать над тем, чего им недостает, и могут ли они это приобрести с помощью прилежания и усвоить путем практики, и стоит ли об этом стараться. Ибо во многих случаях все, что мы можем сделать и к чему мы должны стремиться,— это использовать наилучшим образом то, что дала природа, предупредить те пороки и недостатки, к которым наиболее предрасположена данная конституция. Природные дарования каждого должны быть развиваемы до возможных пределов; но попытка привить ребенку что-либо другое будет только бесплодным трудом, окажется ему не к лицу и всегда будет производить неприятное впечатление принужденности и манерности.

Манерность, конечно, не является недостатком раннего детства или продуктом невоспитанной природы. Она принадлежит к той разновидности сорных трав, которая вырастает не на диком, неводеланном пустыре, а в саду в случае небрежного или неумелого ухода садовника. Требуется наличие умения и выучки, а также некоторое сознание необходимости хорошего воспитания, чтобы сделать человека склонным к манерности, которой он старается исправить природные недостатки и всегда ставит себе похвальную цель нравиться, хотя никогда этой цели не достигает; и чем больше он старается создать видимость привлекательности, тем менее ему это удастся. Вот почему необходимо тщательно следить за этим недостатком, ибо он является, собственно говоря, недостатком воспитания, правда, извращенного воспитания, которое, однако, выпадает часто на долю молодежи или вследствие ее собственного заблуждения, или вследствие дурного руководства ее воспитателей.

Если кто-либо станет разбирать, в чем заключается приятность в обращении, которая всегда нравится, то он убедится, что она проистекает от естественного согласия между действием и тем внутренним настроением, которое, бесспорно, соответствует данному случаю. Нам не может не нравиться гуманный, доброжелательный и деликатный характер, где бы мы с ним ни сталкивались. Свободный дух, владеющий собою и всеми своими действиями, не низменный и не ограниченный, не высокомерный и не дерзкий, не запятанный никакими серьезными пороками, — вот что пленяет каждого. Поступки, которые естественно исходят от такой благородной души, также нам нравятся, как ее подлинные внешние проявления, и, поскольку они являются как бы естественными эманациями духа и внутренней настроенности, они могут быть лишь свободными и непринужденными. В этом, мне кажется, заключается та красота, которая светится сквозь поступки некоторых людей, украшает все, что они делают, и пленяет всех, кто с ними соприкасается: постоянной практикой они придали своему поведению его форму, и мелкие выражения вежливости и уважения, которые установлены в человеческих взаимоотношениях природой или обычаем, они сделали в себе настолько непринужденными, что те кажутся не искусственными или заученными, а естественно вытекающими из душевной мягкости и благожелательной настроенности.

Напротив, манерность есть неловкое и искусственное подражание тому, что должно быть непосредственным и непринужденным, и потому лишена той красоты, которая свойственна только естественному; ибо здесь между внешним действием и внутренним душевным настроением всегда существует разлад, обнаруживающийся в одной из следующих двух форм.

1. Или человек стремится надеть внешнюю личину такого душевного настроения, которого в действительности у него нет, и старается показать его с помощью искусственных приемов, но делает это так, что насилие, производимое им над самим собою, обнаруживается непосредственно. Так, люди стараются иногда казаться грустными, веселыми, любезными, не будучи таковыми.

2. Или же человек, вовсе не пытаясь симулировать несвойственное ему настроение, стремится лишь свое действительное настроение выражать в несоответствующем поведении: таковы в общечитии всякие искусственные движения и такого же рода действия, слова, взгляды, долженствующие выразить любезность и уважение к собеседникам или удовлетворение и удовольствие от их общества, которые, однако, не являются естественным и искренним выражением ни того, ни другого, а скорее свидетельствуют о каком-то внутреннем дефекте или заблуждении. В

этих случаях часто большую роль играет подражание другим, причем человек не разобрался, что, собственно, привлекательно в них и что является только особенностью характера. Но всякое притворство, откуда бы оно ни проистекало, всегда неприятно; ибо мы, естественно, ненавидим все поддельное и осуждаем тех, кто ничем лучшим не может себя зарекомендовать.

Простота и безыскусственность природы, предоставленной самой себе, гораздо лучше искусственной неприятной манерности и подобных заученных приемов плохой светскости. Отсутствие какого-либо светского качества или изыян в наших манерах, не отвечающих идеальным требованиям изящества, часто не замечаются и не вызывают осуждения. Но всякая неестественность нашего поведения бросает только свет на наши недостатки и всегда привлекает чужое внимание, отмечающее в нас отсутствие здравого смысла или искренности. Воспитатели должны следить за этим с тем большей тщательностью, что, как я уже отмечал выше, эта некрасивая черта бывает благоприобретенной: она создается неправильным воспитанием и свойственна людям, которые претендуют на хорошую воспитанность и не желают, чтобы их принимали за людей, не знакомых с правилами хорошего тона и приличия, принятыми в обществе. Этот недостаток создается, если я не ошибаюсь, манерой праздных увещаний тех воспитателей, которые сообщают детям правила и указывают примеры, не сочетая свои наставления с практикой, не заставляя своих воспитанников повторять данные действия в их присутствии с целью исправить то, что в них есть неуместного или принужденного, пока они не станут вполне привычными и непринужденными.

§67. Так называемым манерам, из-за которых детям столь часто достается и по поводу которых им приходится выслушивать столько благих увещаний со стороны мудрых нянек и гувернанток, по моему мнению, лучше обучать посредством примера, чем с помощью правил; в этом случае дети, если отстранить от них дурную компанию, будут гордиться тем, что они умеют держаться так же хорошо, как и другие, видя при том, что их за это хвалят и одобряют. Если же мальчик, вследствие некоторой небрежности в этом отношении, не умеет достаточно изящно снять шляпу или расшаркаться, то учитель танцев исправит этот недостаток и сотрет с него ту природную простоту, которую люди, во всем следующие моде, называют неотесанностью.

Танцы, мне кажется, больше чем что бы то ни было, сообщают детям пристойную уверенность и умение держаться и, таким образом, готовят к обществу старших; поэтому я считаю, что танцам детей

следует обучить возможно раньше, как только они становятся к этому способными. Ибо, хотя это искусство заключается в одной лишь внешней грации движений, оно, больше чем что-либо другое, сообщает детям — не знаю каким образом — мужественные привычки и повадки. Но не следует, по моему мнению, мучить маленьких детей всякими другими мелочами и тонкостями светского этикета.

Пусть вас не беспокоят те недостатки в детях, которые, как вам известно, исправит возраст. Поэтому, пока дети малы, отсутствие в них светской учтивости в обращении, если только им свойственна внутренняя деликатность (а ее вы должны стараться привить возможно раньше), должно меньше всего заботить родителей. Если их нежная душа исполнена чувством почтения к родителям и учителям, которое заключается в любви и уважении и в боязни оскорбить их, если она исполнена чувствами почтения и доброжелательства ко всем людям, это почтение само заставит их усвоить способы выражения, которые, по их наблюдению, больше всего нравятся. Обязательно поддерживайте в ребенке начала доброжелательства и приветливости, старайтесь, насколько можете, похвалами и поощрениями и пользуясь тем приятным состоянием, которые ими вызываются, обратить эти начала в привычку; когда же они пустили корни в его душе и закрепились постоянной практикой, вам уже нечего бояться: изящество в обращении и внешность утонченных манер явятся в свое время, если дети, выйдя из-под попечения няни, будут переданы в руки благовоспитанного человека — своего будущего гувернера.

Пока дети очень малы, нужно относиться снисходительно к некоторой небрежности с их стороны, если только она не сопровождается проявлениями гордости или дурного нрава; но эти черты следует исправлять немедленно, как только они проявились в каком-либо поступке, пользуясь теми способами, на которые я указывал выше. Я бы не хотел, чтобы сказанное мною относительно манер было понято в том смысле, будто люди достаточно умные, чтобы действовать упомянутым образом, не должны мягкими приемами воспитывать движения и манеры детей в самом раннем возрасте. Это было бы очень полезно, если только те, кто ухаживает за детьми с того момента, когда последние научились ходить, умели бы и хотели бы правильно это делать. Я осуждаю лишь неправильные приемы, которые обыкновенно применяются в этом отношении. Детей, которым еще не давали никакого понятия о том, что значит хорошо себя держать, часто (особенно в присутствии посторонних) бранят за тот или другой промах с точки зрения хороших манер; их осыпают упреками и наставлениями относительно того, как снимать шляпу, расшаркиваться и т. д. Хотя люди, о

которых мы сейчас говорим, делают вид, будто они хотят исправить ребенка, в действительности они в большинстве случаев стремятся лишь прикрыть свой собственный стыд: они перелагают порицание на бедных малышей, иногда в достаточно страстной форме, с целью отвратить его от себя, опасаясь, как бы присутствующие не приписали дурное поведение детей недостатку умения и внимания со стороны родителей.

Ибо что касается самих детей, то их никогда ни на йоту не исправляют подобные случайные уроки. Указывать им, что они должны делать, нужно в другое время; нужно заблаговременно воспитывать их практикой надлежащего и пристойного поведения, заставляя многократно повторять известные действия, а не принуждая наставлениями и угрозами немедленно сделать то, к чему их никогда не приучали и чего они не умеют как следует делать. Нагонять на них страх и бранить их, таким образом, на каждом шагу — это значит не учить их, а бесцельно терзать и мучить. Уж лучше оставить их в покое, чем бранить за проступок, в котором они не виноваты и исправить который не в силах. Гораздо лучше предоставить возрасту исцелить их от естественной детской небрежности и простоты, чем заставлять многократно выслушивать неуместные выговоры, которые не создают и не могут создать хороших манер. При хорошей натуре, проникнутой внутренней деликатностью, время и наблюдения сотрут большую часть внешней грубости, обусловленной недостаточным воспитанием, к тому моменту, когда дети подрастут, при условии, если они воспитываются в хорошей среде. Если же они воспитываются в дурной среде, никакие правила в мире и никакие мыслимые меры исправления не в состоянии будут их отшлифовать. Ибо вы должны признать за несомненную истину, что, какие бы наставления вы ни давали и какие бы уроки благовоспитанности ни вдалбливали им каждый день, самое большое влияние на их поведение будет оказывать общество, в котором они вращаются, и поведение тех людей, которые за ними смотрят. Дети (да и взрослые люди) в большинстве случаев руководствуются в своих поступках примером. Мы все в некотором роде хамелеоны, которые всегда принимают окраску окружающих предметов; и нечего удивляться этому в детях, которые лучше понимают то, что видят, чем то, что слышат.

§68. Я уже упоминал о том большом вреде, который причиняют детям слуги, своею лестью притупляющие остроту и силу родительских выговоров и тем самым подрывающие авторитет родителей. С этой стороны детям угрожает и другое крупное зло, заключающееся в тех дурных примерах, которые они могут встретить среди низших слуг.

Если возможно, следует полностью устранить общение детей с ними, ибо вредное влияние дурных примеров как на благовоспитанность, так и на добродетели заражает детей, если они попадут под воздействие этих примеров. Дети очень часто учатся у невоспитанных и развращенных слуг таким выражениям, непристойным шалостям и порокам, о которых они другим путем, может быть, не узнали бы за всю свою жизнь.

§69. Трудно вполне предупредить это зло. Для вас будет большим счастьем, если вы никогда не будете иметь грубого или порочного слуги и ваши дети ничем не заразятся от него. Во всяком случае необходимо делать все возможное для предупреждения этого и держать детей возможно дольше в кругу родителей и тех, кому вверен уход за ними. Для этого нужно, чтобы дети чувствовали себя в их присутствии непринужденно; нужно предоставлять детям всю свободу, соответствующую их возрасту, и не следует подвергать их ненужным стеснениям, пока они находятся на виду у своих родителей или воспитателей. Если эта среда превращается для них в тюрьму, не приходится удивляться, что она им не понравится. Не нужно мешать им быть детьми, играть или поступать подетски, нужно только удерживать их от дурных поступков, а во всем остальном предоставлять им свободу. Далее, чтобы они могли полюбить свою домашнюю среду, нужно чтобы здесь же из родительских рук они получали все приятные для них вещи. Не следует допускать, чтобы слуги угождали детям, давая им крепкие напитки, вино, фрукты, игрушки и другие подобные вещи, которые могут сделать их общество приятным для детей.

§70. Заговорив о среде, в которой находятся дети, я почти готов бросить перо и не беспокоить вас больше этой темой: ведь поскольку эта среда имеет больше значения, чем все предписания, правила и наставления, то, мне думается, почти совершенно бесполезно распространяться о других вещах и толковать об этом почти бесцельно. Ведь вы готовы задать мне вопрос: что же мне делать с моим сыном? Если я стану держать его всегда дома, я рискую тем, что он будет надо мной командовать; если же я буду держать его у чужих людей, то как можно будет уберечь его от вредного воздействия грубости и порока, которые повсюду так распространены? Дома он, может быть, сохранит больше невинности, но в то же время будет меньше знать жизнь: оставаясь всегда в одной и той же среде и имея всегда дело с одними и теми же лицами, он, выйдя в свет, окажется ограниченным существом или чудачком.

Я признаю, что каждый из этих двух путей имеет свои отрицательные стороны. Пребывание вне дома, правда, делает мальчика более смелым и более способным к тому, чтобы возиться и тягаться со своими сверстниками;

кроме того, соревнование со школьными товарищами часто развивает в мальчиках живость и энергию. Но пока вы не найдете такой школы, в которой учитель способен следить за поведением школьников и показывать столь же значительные успехи в деле внедрения добродетели в их души и благовоспитанности в их поведение, как в обучении их классическим языкам, вы должны признать, что приписываете странную ценность словам, если, ставя языки древних греков и римлян выше того, что делало последних доблестными людьми, вы думаете, что стоит рисковать невинностью и добродетелью вашего сына ради слабого познания латыни и греческого. Ведь эта смелость и живость, которую подростки приобретают среди своих школьных товарищей, обычно представляет такую смесь грубости и дурно направленной самоуверенности, что им приходится отучиваться от этих непристойных и неблагородных способов пробиваться в жизни и смывать с себя всю приобретенную окраску, чтобы очистить место для более высоких принципов и таких методов поведения, которые делают человека действительно достойным. Кто примет в соображение, насколько противоположны друг другу умение жить добропорядочно и вести свои дела, как подобает человеку, с одной стороны, и те дерзость, плутовство и насилие, которым научает школьная среда, — с другой, тот согласится, что недостатки домашнего воспитания бесконечно предпочтительнее подобных достижений, и постарается оберечь у себя дома невинность и скромность своего ребенка — качества, более родственные качествам, создающим полезного и способного человека, и легче к ним приводящие. Никто также не найдет и даже не предположит, чтобы уединение и стыдливость, в которых воспитываются его дочери, делали из них менее знающих и менее способных женщин. Когда они вступят в свет, общение с людьми даст приличествующую им уверенность в себе; а грубость и развязность, которые сопутствуют этому качеству, не нужны и мужчинам, ибо мужество и настойчивость, как я их понимаю, не заключаются в грубости и плохой воспитанности.

Добродетель труднее приобрести, чем знание света, и, однажды утраченная молодым человеком, она редко приобретается снова. Застенчивость и незнание света — недостатки, приписываемые домашнему воспитанию, — не являются необходимыми последствиями этого воспитания; но если бы даже было так, то эти недостатки вовсе не являются непоправимым злом. Порок — более упорное и вместе с тем более опасное зло по сравнению с указанными двумя недостатками. Поэтому против него и следует бороться в первую очередь. Если нужно тщательно предотвращать ту застенчивую мягкость, которая часто обессиливает детей, избалованных в условиях домашнего воспитания, то главным образом ради добродетели и из

опасения, чтобы податливый характер не оказался восприимчивым к порочным впечатлениям и не подвергся слишком легко опасности развращения. Чтобы оберечь его добродетели, необходимо, прежде чем молодой человек покинет родительский дом и уйдет из-под надзора воспитателя, укрепить в нем твердость характера и помочь ему узнать людей; иначе он легко может быть увлечен на гибельный путь или в роковую пропасть раньше, чем достаточно хорошо будет осведомлен об опасностях общения с людьми и приобретет достаточную твердость, чтобы не поддаваться всякому искушению. А иначе бы застенчивость молодого человека и его незнание света не нуждались в столь многих ранних заботах. Общение с людьми может в значительной степени исцелить его от этих недостатков, а если оно не даст результата достаточно рано, это может послужить лишь более серьезным основанием к тому, чтобы иметь дома хорошего воспитателя. Ведь если нужно заботиться о том, чтобы молодой человек своевременно обрел мужественность и уверенность в себе, то главным образом ради охраны его добродетели после того, как он вступит в свет и будет предоставлен самому себе.

Итак, если главное назначение решительности и самостоятельности для молодого человека заключается только в обеспечении его добродетели, то ради того, чтобы он приобрел уверенность в себе и известное умение постоять за себя среди людей, неразумно жертвовать его невинностью, которая может пострадать от общения с дурно воспитанными и порочными мальчиками. Ведь, если уверенность в себе или ловкость соединятся в нем с пороком и будут поощрять его к дурным поступкам, он тем вернее потеряет, и вам придется снова уничтожать и искоренять в нем то, что он приобрел от своих товарищей, или же предоставить ему возможность погибать. Мальчики неизбежно приобретут уверенность через общение со взрослыми, когда их будут вводить в общество последних; и это будет достаточно своевременно. А до того скромность и подчинение делают их более подходящими объектами для воспитания, и поэтому вовсе нет надобности вселять в них уверенность раньше времени. Внедрение в них начал добродетели и благовоспитанности и практическое их усвоение — вот что потребует больше всего времени, трудов и настойчивости. Это та приправа, которой они должны быть сдобрены, и притом так, чтобы нелегко было бы ее вытравить. Ею следует зарядить их заблаговременно и основательно, ибо общение с людьми после того, как они вступят в свет, увеличит их знания и придаст им больше уверенности, но слишком легко может нанести кое-какой ущерб их добродетели; поэтому они должны получать большой запас ее и быть ею глубоко пропитанными.

Как подготовить детей к общению с людьми и как вводить их в свет, когда они для этого созрели, мы рассмотрим в другом месте. Но как приобщение мальчика к разношерстной толпе недисциплинированных мальчишек, где он обучится ссорам при игре в трэп или плутовству при игре в спэн-фартинг²⁴, может подготовить его к светскому обращению или к деловым отношениям,— этого я не понимаю. Трудно также разгадать, какие это столь желательные отцу качества можно приобрести в той толпе товарищей, которую школа обычно собирает от самых различных родителей. Я убежден, что тот, кто может нести расходы на содержание домашнего воспитателя, получает у себя дома возможность сообщить своему сыну более изящные манеры, более мужественные мысли, лучшее понимание того, что достойно и прилично, вдобавок и более основательные знания, а также возможность скорее сделать его зрелым человеком, чем это в состоянии сделать любая школа. Я отнюдь не осуждаю за это школьного учителя и не думаю, что это должно быть поставлено ему в вину. Большая разница иметь двух или трех учеников в одном доме или шестьдесят — восемьдесят мальчиков, проживающих в разных местах; ибо, как бы ни было велико усердие и искусство учителя, он в состоянии наблюдать за пятьюдесятью или ста учениками лишь в течение того времени, пока он находится вместе с ними в школе; нельзя также ожидать, что он сможет успешно учить их чему-либо, кроме того, что содержится в учебниках; формирование души и манер требует постоянного внимания и специального приспособления к каждому отдельному мальчику, а это невозможно в условиях большого количества детей и должно остаться бесплодным трудом (даже тогда, когда учитель располагает достаточным временем, чтобы изучать и исправлять специфические недостатки и дурные наклонности каждого), поскольку подросток большую часть суток предоставлен самому себе или главным образом влиянию своих товарищей.

Но отцы, наблюдая, что часто наибольшей удачей в жизни пользуются смелые и пронырливые люди, радуются, когда видят в своих сыновьях ранние проявления бойкости и ловкости; они принимают это за доброе предзнаменование их будущих жизненных успехов; в тех трюках, которые их сыновья выкидывают по отношению к своим товарищам или которым они научаются у них, видят овладение искусством жить и прокладывать себе дорогу в свет. Но я позволю себе сказать, что единственно надежную и правильную линию намечает тот, кто основу жизненных успехов своего сына полагает в добродетели и благовоспитанности. И не проказы и плутни, практикующиеся среди школьников, не их грубое обращение друг с другом и не хитроумные планы обворовывания фруктового сада создают способного

человека, а принципы справедливости, великодушия и умеренности в сочетании с внимательностью и прилежанием, т. е. те качества, которым школьники, как я думаю, мало научаются друг у друга. И если джентльмен, воспитанный дома, не научился им больше, чем мог бы научиться в школе, это значит, что отец его очень неудачно выбрал гувернера. Возьмите какого-либо мальчика из лучших учеников грамматической школы [25] и его сверстника, получившего надлежащее воспитание в отцовской семье, приведите обоих в хорошее общество и посмотрите, кто из них будет в большей мере держать себя по-взрослому и обращаться к незнакомым людям с пристойной уверенностью. Я думаю, что самоуверенность школьника изменит ему или скомпрометирует его; если же она годится ему только для общения с мальчиками, уж лучше ему совсем обойтись без нее.

Если верить общим жалобам, порок в наши дни так быстро созревает и так рано пускает корни среди молодежи, что подросток не будет застрахован от этой распространенной заразы, если вы решитесь выпустить его из дому в общую массу сверстников и в выборе школьных товарищей доверитесь случаю или его собственным склонностям. Какие роковые причины привели к столь пышному расцвету порока среди нас в последние годы и кто доставил ему такое неограниченное господство,— это я предоставляю исследовать другим. Я желал бы, чтобы те, кто жалуется на великий и повсеместный упадок христианского благочестия и христианской добродетели, образования и приобретенной культуры среди джентри нашего поколения, задумались над тем, как это скорее исправить. Я убежден, что если при разрешении этой задачи не положить в основу воспитания юношества внедрение в него добрых начал, то все остальные усилия останутся тщетными. И если не позаботиться о насаждении и сохранении в подрастающем поколении невинности, умеренности и трудолюбия, то будет очень смешно рассчитывать, что те, кому предстоит в ближайшее время выступить на жизненной арене, будут иметь в изобилии добродетели, способности и образование, которые до недавнего времени обеспечивали Англии ее роль в мире. Я бы добавил: и мужество, хотя оно считается природным и наследственным качеством англичан. То, что говорили о недавних действиях на море [26], подобных которым наши предки не знали, дает мне повод сказать, что нравственная испорченность понижает в людях чувство мужества, и когда распущенность разъедает чувство чести, мужество редко переживает его надолго. И я думаю, невозможно найти пример нации, которая — как бы она ни прославилась своим мужеством — сохранила бы славу своего оружия или стала бы грозной для своих соседей после того, как в нее проник разврат и разрушил узы дисциплины, после

того как порок настолько поднял голову, чтобы позволить себе выступать открыто, без всяких стеснений.

Итак, не скороспелая развязность или мелкие приемы житейской хитрости, а добродетель в прямом смысле является высокой и труднодостижимой целью воспитания. Всякие другие цели и достижения должны отступить перед нею на задний план. Это и есть то прочное и существенное благо, которое не должно быть только предметом наставлений и бесед воспитателя, но весь труд и все искусство воспитания должны быть направлены к тому, чтобы вооружить душу добродетелью, закрепить ее в ней, не прекращая этих усилий до тех пор, пока молодой человек органически не полюбит ее и не начнет видеть в ней свою силу, свою славу, свое удовольствие.

Чем быстрее мы добьемся успехов в этом отношении, тем легче будут даваться и все прочие достижения. Ибо тот, кого научили подчиняться добродетели, не будет противиться или упираться ни в чем другом, чего можно от него требовать. Поэтому я не могу не отдать предпочтение домашнему воспитанию юного джентльмена под непосредственным наблюдением отца и руководством хорошего гувернера, когда оно возможно и может быть надлежащим образом организовано; ибо это самый лучший и самый безопасный путь к указанной великой и главной цели воспитания. Дома джентльменов редко обходятся без разнообразного общества, и те должны приучать своих сыновей ко всем посторонним лицам, которые у них бывают, втягивать их в общение с талантливыми и благовоспитанными людьми, лишь только дети станут способны к такому общению. Не знаю также, почему бы тем, кто живет в деревне, не брать сыновей с собой, когда они делают визиты своим соседям. Я уверен, что отец, воспитывающий сына дома, имеет возможность больше держать его в своем обществе и поощрять, когда считает полезным; может лучше оберечь его от дурного влияния слуг и людей низшего сорта, чем при воспитании вне дома. Но решение этого вопроса должно быть в значительной мере предоставлено родителям и определяться их обстоятельствами и соображениями удобства; я только думаю, что это самый плохой способ ведения своих домашних дел, если отец хотя бы немного не старается приложить усилия для воспитания сына — этого наилучшего наследства, которое он может, каковым бы ни было его положение, оставить ему. Но если, поразмыслив, некоторые решат, что домашнее воспитание ограничивает юного джентльмена слишком узким кругом людей, а среда, возможная в обычных школах, не подходит для него, то я думаю, что можно найти способы избежать и того и другого неудобства.

§ 71-80

§71. Учитывая, как велико влияние общества и как мы все, особенно дети, склонны к подражанию, я позволю себе обратить внимание родителей на следующую вещь: кто желает, чтобы его сын относился с уважением к нему и к его предписаниям, тот должен сам относиться с большим уважением к своему сыну. *Maxima debetur pueris reverentia* [27]. Вы ничего не должны делать в его присутствии такого, в чем вы бы не хотели, чтобы он подражал вам. Если вы позволите себе сделать что-либо такое, что ему поставили бы в вину, он обязательно прикроется вашим примером, и притом так, что вам нелегко будет подступиться к нему, когда вы захотите надлежащим образом наказать его за это. Если вы наказываете его за то, что вы сами делаете на его глазах, он не поверит, что ваша строгость проистекает из добрых чувств к нему и что именно поэтому вы озабочены исправлением его недостатка, а склонен будет объяснить ее раздражительностью и деспотическим произволом отца, который без всякого основания отказывает сыну в той свободе и тех удовольствиях, которые он себе разрешает. Если же свободу, которую вы признаете за собой, вы мотивируете как привилегию достаточно зрелого возраста, которой ребенок не должен добиваться, то этим самым вы введете ребенка в еще больший соблазн совершать по вашему примеру подобные поступки. Ибо вы должны всегда помнить, что у детей появляется желание казаться взрослыми раньше, чем это думают, и что брюки им нравятся не своим покроем или удобством, а потому, что ношение их является знаком зрелого возраста или приближения к нему. Сказанное мною относительно поведения отца в присутствии своих детей должно быть распространено на всех, кто пользуется каким-либо авторитетом в их глазах, и на тех, к кому отец желал бы внушить им уважение.

§72. Но вернемся к вопросу о наградах и наказаниях. Поскольку, как я уже говорил, дисциплину розги не следует применять для борьбы со всякими детскими выходками, с неприличным поведением и всем прочим, что непременно исцеляет время и возраст, то вовсе нет надобности так часто бить детей, как это обычно практикуется. Если сюда присоединить обучение чтению, письму, танцам, иностранным языкам и тому подобные занятия, которые должны пользоваться той же привилегией, то при умелом воспитании очень редко представится повод для применения побоев или насилия. Правильный метод обучения этим вещам заключается в том, чтобы внушить детям любовь и склонность к тому, что вы предлагаете им изучить и что потребует от них усердия и прилежания. Сделать это, по моему

мнению, нетрудно, если руководить детьми надлежащим образом и осторожно применять указанные выше награды и наказания, соблюдая вместе с тем в методе обучения следующие немногие правила.

§73.1. Ни один предмет, который они должны изучать, не следует превращать в бремя для них или навязывать им как нечто обязательное. Все, что предлагается в такой форме, немедленно становится скучным; душа проникается отвращением к этому, даже в том случае, если оно раньше было для нее приятно или безразлично. Заставьте ребенка ежедневно гонять свой волчок, не считаясь с тем, хочется ли ему это делать или нет; вмените ему в обязанность, выполнению которой он должен уделить столько-то часов утром и после полудня,— и вы увидите, как скоро ему надоест при таких условиях любая игра. А разве не то же самое бывает и со взрослыми людьми? Разве то, что они с удовольствием делают по своей воле, не становится сразу же для них тягостным и невыносимым, как только они увидят, что это вменяется им в обязанность? Думайте о детях как вам угодно, но им так же хочется показать, что они свободны, что их хорошие поступки исходят от них самих, что они самостоятельны и независимы, как это хочется самому гордому из вас, взрослых людей.

§74.2. Поэтому даже то, к чему вам удалось их расположить, возможно реже заставляйте их делать в такое время, когда у них нет на то охоты и настроения. Человек может любить читать, писать, заниматься музыкой и т. п., однако бывают моменты, когда эти занятия не доставляют ему никакого удовольствия, и если в такие моменты он заставит себя заниматься ими, то будет лишь суетиться и мучиться без всякого толка. То же бывает и с детьми. За этими переменами настроения нужно следить внимательно и неукоснительно пользоваться теми благоприятными периодами, когда у них бывает готовность и расположение. А если дети недостаточно часто сами проявляют готовность, следует внушать им благоприятное расположение, беседуя с ними, прежде чем посадить их за какую-нибудь работу. Я думаю, что это дело нетрудное для благоразумного воспитателя, который изучил характер своего ученика и не затрудняется наполнить его голову подходящими идеями, способными возбудить в нем охоту к предстоящим занятиям. Таким способом можно сберечь много времени и усилий, так как ребенок усвоит в три раза больше, когда он настроен благоприятно, чем при затрате двойного количества времени и усилий, если он это делает неохотно или по принуждению. Если бы на это обращали должное внимание, можно было бы давать детям играть до изнеможения, и все-таки они имели бы еще достаточно времени для

изучения того, что соответствует способностям каждого возраста. Но ничто подобное не учитывается и не может в должной мере учитываться при обычном способе воспитания. Грубая дисциплина розги основана на других принципах, лишена всякой привлекательности, не обращает внимания на настроение детей и не следит за моментами благоприятного настроения. Да и в самом деле, смешно было бы, внушив ребенку принуждением и побоями отвращение к занятиям, ожидать, что он свободно, по собственному побуждению бросит игру и с удовольствием воспользуется случаем поучиться. Между тем при правильной организации дела занятие каким-либо предметом учебной программы можно было бы превращать в такой же отдых от игры, каким игра является после учения. В том и в другом случае труд одинаков. Да и не он отталкивает детей; ибо они любят быть занятыми, а перемены и разнообразие, естественно, увлекают их. Единственная разница в том, что при так называемой игре они действуют по своему усмотрению и добровольно прилагают свои силы (которых, как вы можете заметить, они никогда не щадят), а к учению их принуждают: зовут, сажают насильно, подгоняют. Это-то их сразу отталкивает и охлаждает: они чувствуют утрату свободы. Добейтесь того, чтобы не воспитателю приходилось звать учиться, а чтобы они сами просили его поучить их, как они просят товарищей поиграть с ними; и тогда, удовлетворенные тем, что и здесь они действуют так же свободно, как и в других случаях, они и за учение будут приниматься с таким же удовольствием, и оно не будет отличаться от других их развлечений и игр. Тщательно придерживаясь этих приемов, можно возбудить в ребенке желание научиться всему, чему бы вы хотели его научить. Я признаю, что труднее всего справиться с первым или самым старшим, но, раз вы его поставили на правильный путь, уже нетрудно с его помощью вести остальных, куда вы захотите.

§75. Хотя и не подлежит сомнению, что наиболее подходящим временем для учебных занятий детей является то, когда они настроены и расположены к учению, когда ни душевная вялость, ни сосредоточение на каких-либо других мыслях не делают учение слишком трудным и противным для них, однако следует иметь в виду две вещи: 1) если за такими моментами недостаточно тщательно следят и недостаточно пользуются ими всякий раз, когда они наступают, или если такие моменты наступают не так часто, как следовало бы, то нельзя пассивно допускать, чтобы из-за этого страдали успехи ребенка: нельзя давать ребенку привыкать к лени и этому нерасположению к учению в нем укрепляться; 2) хотя иные вещи плохо усваиваются, когда душа к ним не расположена или занята чем-либо другим, однако очень важно и стоит затрачивать усилия на то, чтобы

приучить душу господствовать над собой и быть способной по собственному выбору освобождаться от увлечения одним предметом, обращаться легко и с удовольствием к другому или в любой момент стряхивать с себя вялость и энергично приниматься за то, что указывает разум или совет другого. Этого нужно добиваться в детях, изредка испытывая их в такие моменты, когда они из-за лени расслабляются или ради развлечения направляют свою энергию на что-либо другое, и пытаюсь заставить их активно заняться предлагаемым предметом. Если удастся таким способом приучить их душу господствовать над собой, отвлекаться, когда этого требуют обстоятельства, от одних мыслей и дел, чтобы заняться другим, менее привлекательным делом, это явится более полезным приобретением, чем знание латыни или логики и большей части тех предметов, которые обычно заставляют детей учить.

§76. Так как дети в эту пору жизни более подвижны и деятельны, чем в какую бы то ни было другую, и так как им безразлично, чем заниматься, лишь бы быть чем-то занятыми, то для них, при равенстве поощряющих условий, все равно — танцевать или играть в скотч-хоппер [28]. Но в отношении тех предметов, изучение которых мы считаем для них необходимым, единственным и главным расхолаживающим фактором является, по моим наблюдениям, именно то обстоятельство, что от них этого требуют, что это вменяется им в обязанность, что из-за этого их бранят и мучают, что они это делают с дрожью и страхом, или, если они приступают к этим занятиям с охотой, их заставляют заниматься ими слишком долго, до крайнего утомления. Все это слишком урезывает их естественную свободу, которой они так сильно дорожат. Между тем только эта свобода сообщает подлинную прелесть и привлекательность их играм. Измените положение, и вы увидите, что они быстро переменяют объекты приложения своих сил, особенно если они будут видеть перед собой примеры других, кого они уважают и ставят выше себя. А если устраивать так, чтобы то, чем занимаются на их глазах другие, прельщало их как привилегия более зрелого возраста или более высокого положения, то честолюбие и желание подвинуться вперед, подняться выше, желание стать похожими на людей более высокого положения заставят их приняться за работу и продолжать ее с усердием и удовольствием, — удовольствием, находимым в том, что они начали ее делать по собственному желанию; и немалым поощрением явится для них в этих условиях наслаждение столь дорогой им свободой. Если ко всему этому присоединить удовлетворение, которое доставят им похвала и хорошая репутация, то я готов думать, что не понадобится никаких других мер поощрения, чтобы возбудить в них прилежание и усердие в той мере,

какая необходима. Конечно, чтобы добиться этого результата, потребуются вначале и терпение и искусство, мягкость и внимание, а также разумное руководство. Но к чему вам нужны были бы воспитатели, если бы здесь не требовалось никакого труда. Зато, раз удалось этого добиться, все остальное придет само собою, гораздо легче, чем в условиях какой-либо более суровой и деспотичной дисциплины. Я думаю, что достигнуть этого совсем нетрудно. Я уверен, что никаких трудностей не должно быть там, где дети не видят перед собой дурных примеров. Поэтому серьезную опасность, по моему мнению, представляют: прислуга, другие плохо воспитанные дети и те порочные люди, которые портят детей как примером своего собственного дурного поведения, так и тем, что доставляют детям две вещи, которых те никогда не должны были бы получать,— я имею в виду порочные удовольствия и их поощрение.

§77. Как побои должны очень редко применяться для исправления детей, так и частая, в особенности страстная, брань, ибо она, по моему мнению, ведет к тем же дурным последствиям. Она умаляет авторитет родителей и уменьшает почтительность в ребенке, ибо вам всегда следует помнить, что дети рано научаются отличать разум от страсти; если они с уважением относятся к тому, что исходит от первого, то у них скоро развивается чувство презрения к проявлениям второй; если эти проявления в первый момент вызывают у них испуг, то он быстро, однако, проходит, и они, естественно, легко привыкают пренебрегать подобными пугалами, создающими большой шум, но не одушевленными разумом. Так как родители должны удерживать детей только от порочных поступков (которые в их нежные годы бывают малочисленны), то одного взгляда или жеста должно оказаться достаточно для их исправления, когда они в чем-либо провинятся; если же иногда нужно реагировать словами, то слова должны быть серьезными, ласковыми и сдержанными и скорее иметь характер объяснения дурных и неприличных сторон поступка, чем сердитой головомойки, учиняемой ребенку, который не в состоянии полностью разобраться, относится ли ваше неудовольствие к нему лично или к его поступку. Страстная брань обычно сопровождается грубыми и скверными словами и поэтому имеет еще то дурное последствие, что научает им детей и служит для них оправданием, когда они их применяют; дети не постесняются применить к другим те эпитеты, которыми их наделяют родители или наставники, раз они видят перед собой столь авторитетное их применение.

§78. Я предвижу, что мне здесь возразят: так что же, вы никогда не

станете бить или ругать детей за какой бы то ни было проступок? Значит, нужно предоставить волю всякой распущенности? Это не так страшно, как представляют себе, если в деле формирования детской души и внедрения в нее почтения к родителям, о котором говорилось выше, с самого начала взят правильный курс. Ведь побои, как мы это постоянно видим, приносят мало добра, если болью, ими причиняемой, исчерпывается все, что ощущается и пугает в наказании, ибо действие наказания быстро исчезает вместе с воспоминанием об этой боли. Однако есть один проступок, и только один, за который, по моему мнению, следует подвергать детей физическому наказанию, именно — упрямство и открытое неповиновение. Но и в этом случае, я думаю, наказание должно по возможности проводиться так, чтобы главное в наказании заключалось в стыде, испытываемом от сечения, а не в боли. Только стыд, внушаемый самим поступком и заслуженным наказанием, является единственным действительным ограничением, совместимым с добродетелью. Боль от розги, если она не сопровождается стыдом, быстро исчезает и забывается и быстро же благодаря привычке теряет свою устрашающую силу. Я знал детей одной почтенной особы, которых угроза снять башмаки держала в таком же послушании, какое другим детям внушалось страхом угрожавшей им розги. Такое наказание я предпочитаю побоям: ибо, если вы хотите, чтобы ваши дети отличались истинно благородным характером, лучше, если им страшен стыд проступка и навлекаемый им позор, а не боль. Но упрямство и упорное неповиновение должны подавляться силой и побоями: ибо против них нет другого лекарства. Вы должны быть уверены в том, что любое ваше предписание и любое запрещение встретят со стороны ребенка повиновение; здесь не должно быть никакого снисхождения, никакого сопротивления. Ибо раз дело доходит до состязания, до спора между вами и ребенком за власть — а это, собственно, и имеет место, когда вы приказываете, а он не слушается, — вы должны непременно добиться своего, скольких бы ударов это ни стоило, раз словами или жестом вам не удалось победить; иначе вы рискуете на всю жизнь остаться в подчинении у своего сына. Одна из моих знакомых, разумная и добрая мать, принуждена была в подобном случае свою маленькую дочь, только что взятую от кормилицы, высесть восемь раз подряд в одно и то же утро, пока ей удалось преодолеть ее упрямство и добиться повиновения в одной, собственно говоря, пустой и незначительной вещи. И если бы она бросила это дело немного раньше и высекла ее только семь раз, дитя было бы испорчено навсегда, и безуспешные побои только укрепили бы ее упрямство, которое впоследствии было бы весьма трудно исправить. Но, разумно настаивая, пока она не согнула ее духа и не сделала податливой ее волю, что является единственной целью исправления и наказания, мать

прочно утвердила свой авторитет при первом же случае и впоследствии встречала со стороны дочери полное послушание и повиновение во всем; так что, если это был первый случай, когда она ее побила, то, мне думается, он же был и последним.

Боль, причиняемую розгой, раз уж пришлось применить эту меру, нужно продолжать усиливать до тех пор, пока она не одержит верх; она должна прежде всего сломить упорство ребенка и установить родительский авторитет, а затем уже рассудительность, соединенная с лаской, должна закрепить его навсегда.

Эти соображения, если бы мы лучше в них вдумались, должны были бы заставить нас быть более сдержанными в пользовании розгой и палкой и разрушить взгляд на побои как на какое-то универсальное средство, которое можно применять наобум во всех случаях. Несомненно, однако, одно: если побои не приносят пользы, то они причиняют большой вред; если они не доходят до души и не делают податливой волю, они ожесточают нарушителя; и какое бы страдание ему ни пришлось перенести за свою вину, от этого столь милое ему упорство станет еще милее, так как, доставив раз победу, оно вооружает его для борьбы и поддерживает надежду на победу в будущем. Поэтому я не сомневаюсь, что плохо применяемые наказания сделали упрямыми и непокорными многих таких детей, которые при иных условиях были бы очень податливыми и послушными. Ибо какое действие это может оказать на его душу, которая главным образом и подлежит исцелению, если вы наказываете ребенка так, как будто вы только мстите за прошлый проступок, возбудивший ваш гнев? Если бы к его проступку не примешалось упрямства и своеволия, в нем не было бы ничего такого, что требовало бы столь суровой меры, как побои. Достаточно ласкового или серьезного увещания, чтобы исправить промахи слабости, забывчивости или рассеянности; а это все, что требуется. Но если здесь проявилась порочная воля, если это было нарочитым и упорным неповиновением, то наказание должно соразмеряться не с важностью или неважностью содеянного самого по себе, а с тем, насколько поступок противоречит требованию должного уважения и подчинения приказаниям отца, и в этом случае наказание должно выполняться со всею строгостью и бить нужно с перерывами до тех пор, пока это не дойдет до души, пока вы не заметите признаков истинного сожаления, стыда и готовности к повиновению.

Для этого, разумеется, требуется нечто большее, чем усадить детей за работу и, если они не выполнили ее или выполнили не так, как мы хотели, только и делать, что сечь их. Требуются осторожность, внимание, наблюдение, тонкое изучение детского характера и тщательная оценка

проступков ребенка, прежде чем прибегать к этому роду наказания. Разве это не лучше, чем вечно держать в руке розгу как единственное орудие дисциплины и, применяя ее то и дело, извратить и лишить это крайнее и полезное средство всякой эффективности в тех случаях, когда в нем есть действительная надобность? А разве можно ожидать чего-либо другого, если пользоваться им без разбора при всяком незначительном промахе ребенка. Если ошибка в грамматическом согласовании или неправильная постановка ударения в стихе должны навлекать суровое наказание плеткой на благонаправного и прилежного мальчика так же неизбежно, как и злостный проступок — на упрямого и испорченного ослушника, то как можно от такого метода исправления ожидать положительного действия на душу? А ведь к этому только и нужно стремиться, и если эта цель достигнута, то вместе с этим придет само собой все остальное, чего только вы можете пожелать.

§79. Где нет дурного направления воли, которое требует исправления, там не может быть надобности в побоях. Всякие другие проступки, при которых душа правильно настроена и не отказывается подчиняться руководству и авторитету отца или воспитателя, представляют собой только ошибки, на которые часто можно смотреть сквозь пальцы; если же они требуют внимания, то здесь достаточны мягкие способы воздействия вроде совета, наставления или упрека, пока повторное и умышленное пренебрежение этими указаниями не покажет вам, что недостаток коренится в умонастроении ребенка и что в основе этого неповиновения лежит явная порочность воли. Но там, где обнаружилось упорство, т. е. открытый вызов, его нельзя спускать или игнорировать, а следует при первом же случае подавить и обуздать; нужно только тщательно избегать ошибок: должна быть уверенность, что это действительно упрямство, а не что-либо другое.

§80. Но так как поводов к наказанию, и в особенности к побоям, следует всячески избегать, то я не думаю, что придется часто прибегать к этому средству. Если удалось внушить ребенку тот почтительный страх, о котором я уже говорил, то в большинстве случаев достаточно бывает простого взгляда. В самом деле, нельзя ожидать со стороны маленьких детей такого же поведения, той же серьезности и прилежания, которых мы требуем от людей более зрелых. Детские шалости и дурачества, свойственные их возрасту, надо, как я говорил, разрешать им и не обращать на это внимания. Небрежность, беззаботность и веселье лежат в природе их возраста, и строгость, о которой я говорил, не следует доводить до неуместного стеснения их в подобных случаях. Помимо того, не следует чересчур

поспешно объяснять упрямством и своеволием то, что является, естественным продуктом их возраста или темперамента. В подобных случаях дурного поведения следует приходить к ним на помощь и таким же образом помогать их исправлению, как мы это делаем по отношению к больным в случаях естественного недомогания: ведь если даже больного предупреждали о возможности рецидива, нельзя вменить ему в вину каждое его повторение, относя это полностью за счет небрежности больного и считая последнего упрямым. К промахам, вызванным легкомыслием, нельзя, правда, относиться с пренебрежением и оставлять их без всякого замечания; однако, если в этих промахах не участвует сознательная воля, не нужно преувеличивать их значение и не надо так строго взыскивать за них, а исправлять мягкими мерами, насколько это допускают время и возраст. В результате дети начнут замечать, что в данном проступке наиболее предосудительно, и научатся избегать этого. Это будет поощрять их направлять свою волю к добру, что станет для них главной задачей, когда они убедятся, что это предохраняет их от проявления сильного неудовольствия и что при всяких других промахах они встречают со стороны воспитателей и родителей ласковое участие и помощь, а не гнев и сердитые упреки.

Удерживайте детей от порока и порочных наклонностей, и тогда на каждой ступени возраста их поведение, как правило, будет принимать форму, соответствующую этому возрасту и обществу, в котором они обычно вращаются; а с возрастом будет улучшаться их внимание и прилежание. Но для того чтобы ваши слова могли всегда иметь вес и авторитет в их глазах, когда это понадобится, вы должны — даже в тех случаях, когда вы предлагаете ребенку бросить какую-нибудь детскую выходку, — быть уверенными в том, что добьетесь своего, вы не должны давать ему власти. Но вместе с тем, повторяю, я предпочел бы, чтобы отец в подобных случаях возможно реже вмешивался со своим авторитетом и приказаниями, да и во всех других случаях, в которых не проявляется склонность к порочным привычкам. Я полагаю, что есть лучшие способы справиться с детьми: мягкое урезонивание в форме рассуждения с ними (если только вы добились исходного пункта — подчинения вашей воле) может в большинстве случаев давать гораздо лучшие результаты.

§ 81-90

§81. Может быть, покажется странным, что я говорю о рассуждении с детьми; тем не менее я вижу в этом наиболее правильный способ обращения

с ними. Дети понимают рассуждения уже с того раннего возраста, когда начинают говорить; и если мои наблюдения меня не обманывают, им раньше начинает нравиться, когда с ними обращаются как с разумными существами, чем обычно думают. Это чувство гордости следует в них поддерживать и в меру возможности использовать в качестве главного орудия воспитания. Но, говоря о рассуждениях, я имею в виду лишь такие, которые подходят к детским способностям и уровню понимания. Никто не станет думать, что с мальчиком трех или семи лет можно рассуждать как со взрослым человеком. Длинные речи и философские рассуждения в лучшем случае приводят детей в изумление или смущение, но несколько не учат их. Поэтому, когда я говорю, что с ними можно обращаться как с разумными существами, я имею в виду, что вы должны мягкостью своего обращения и сдержанностью даже в мерах воздействия на них научить их понимать: то, что вы делаете, исходит от вашего разума, полезно и необходимо для них, что если вы что-нибудь приказываете или запрещаете им, то это не вытекает из каприза, страсти или фантазии. Это они способны понимать; я думаю, что они способны воспринимать доводы касательно любого добродетельного чувства, которое нужно в них возбудить, и любого проступка, от которого их следует удержать; при этом нужно только пользоваться такими доводами, которые доступны их возрасту и уровню понимания, и выражать эти доводы совершенно краткими и простыми словами. Основания, на которых базируются некоторые обязанности и те источники добра и зла, из которых последние вытекают, может быть, нелегко уяснить и взрослым людям, не привыкшим отрешаться в своих мыслях от общепринятых мнений. Дети еще менее способны исходить в своих рассуждениях из далеких от их понимания принципов. Они не в состоянии освоить убедительность длинных дедукций. Доводы, которые на них действуют, должны быть очевидными и соответствовать уровню их мышления, должны быть, так сказать, осязательными, осязательными. Тем не менее, если мы будем учитывать их возраст, характер и наклонности, у нас никогда не будет недостатка в доводах, достаточно для них убедительных. И если не найдется другого, более специального довода, им всегда будет понятен и для них всегда будет достаточно убедителен, чтобы отвратить от проступка, могущего обратить на себя внимание, тот довод, что этот проступок доставит им позор и порицание и возбудит ваше неудовольствие.

§82. Однако самый простой и легкий и вместе с тем самый эффективный способ воспитания детей и формирования их внешнего поведения заключается в том, чтобы показывать на наглядных примерах, как им следует поступать и чего они должны избегать. Если фиксировать их

внимание на таких примерах из поступков знакомых им людей и сопровождать это отзывами о достоинстве или неприличии определенного поступка, это будет больше подталкивать либо удерживать их от подражания, чем какие бы то ни было обращенные к ним отвлеченные рассуждения. Никакие слова не могут сделать столь явными для их понимания добродетели и пороки, как поступки других людей, если вы при этом руководите их наблюдением и фиксируете их внимание на той или иной хорошей или дурной черте в поведении этих людей. И положительные или отрицательные стороны многих вещей, при хорошем ли воспитании или дурном, будут лучше познаваться и глубже запечатлеваться из примеров других людей, чем из тех правил и наставлений, которые могут даваться по этому поводу.

Этот метод следует применять не только, пока дети еще малы, но и в течение всего последующего времени, пока они находятся на чьем-либо попечении или под чьим-либо руководством. Более того, может быть, это наилучший метод, которым отец может пользоваться так долго, как он сочтет нужным, и в любом случае, когда он желает в чем-либо исправить сына. Ибо ничто не проникает так незаметно и так глубоко в душу человека, как пример: какую бы дурную черту люди ни проглядели в себе и ни прощали себе самим, она может внушать им только отвращение и стыд, когда выступает перед ними в других людях.

§83. Относительно порки, когда она становится необходимой как крайнее средство, могут возникнуть сомнения, когда и кто должен производить ее: немедленно ли после совершения проступка, пока еще свежо и сильно впечатление от него, и должны ли сами родители сечь своих детей? По первому вопросу я полагаю, что не следует наказывать немедленно, чтобы не вносить в наказание элемент возбуждения; в этом случае справедливая мера наказания превышает и оно теряет свой должный вес: ибо даже дети в состоянии разобраны, когда мы действуем в состоянии возбуждения. Но как я уже говорил выше, только то получает в глазах детей наибольший вес, что представляется им спокойным проявлением родительского разума; а они умеют замечать эту разницу. Затем, если у вас есть подходящий для этого разумный слуга, участвующий в воспитании вашего ребенка (если у вас есть специальный воспитатель, сомнений здесь не возникнет), то мне думается, что самое лучшее, если боль будет причинена ребенку рукой чужого человека, хотя бы по распоряжению отца, который должен следить за исполнением наказания; здесь предпочтительнее сохранить авторитет отца, а озлобление ребенка, вызванное испытываемой им болью, лучше направить против лица, которое

непосредственно наносит удары. Я бы вообще предпочитал, чтобы отец возможно реже бил своего ребенка, разве только в случае крайней необходимости и в качестве последнего средства; и в этом случае, может быть, полезно будет это делать так, чтобы ребенок не скоро забыл о наказании.

§84. Но как я говорил выше, побои — это самая худшая, а потому самая крайняя из исправительных мер, которые можно применять к детям. Поэтому применять побои следует лишь в случаях крайней необходимости, когда все более мягкие меры испробованы и остались безуспешными; если строго придерживаться этого правила, необходимость в побоях будет возникать очень редко. Ибо нельзя себе представить, чтобы ребенок часто оспаривал (если случается, чтобы он вообще оспаривал) приказание отца в каком-либо конкретном случае; и если отец не станет вмешиваться со своей абсолютной властью, выраженной в форме непререкаемых правил, в сферу детских или безразличных поступков своего сына, в которой тот должен пользоваться свободой, или в сферу его учебных или других полезных для него занятий, в которой не должно применяться никакого принуждения, — тогда разве только при запрещении каких-либо порочных действий ребенок может проявить упорство и, следовательно, заслужить побои; таким образом, тот отец, который здраво мыслит и ведет воспитание ребенка, как следует его вести, будет иметь очень мало поводов для применения этого наказания. В самом деле, в каких пороках может повиниться ребенок в течение первых семи лет своей жизни, кроме лжи и некоторых скверных шалостей, повторение которых после прямого запрещения со стороны отца должно повлечь за собой обвинение его в упорстве и наказание розгой? Если всякая порочная тенденция при первом же ее обнаружении и проявлении в поступках будет встречена должным образом — сначала недоумением, а потом, в случае повторения, неудовольствием, выраженным в строгом взгляде отца, воспитателя и всех окружающих и в таком внешнем обращении, которое являет осуждение, — и если такое обращение будет продолжаться до тех пор, пока ребенок не почувствует этого и не устыдится своего проступка, тогда, я думаю, не будет надобности в каком-либо другом наказании, не будет никакого основания для применения побоев. Необходимость такого наказания обычно является только следствием проявленных ранее снисходительности и небрежности: если бы мы следили за порочными наклонностями с самого начала и исправляли первые же уклонения, ими вызванные, указанными выше более мягкими приемами, нам редко приходилось бы иметь дело более чем с одним ненормальным проявлением распушенности, которое легко было бы исправить без всякого

шума, и для этого не требовались бы такие суровые меры, как побои. Так можно было бы искоренить один недостаток за другим по мере их проявления, не оставляя ни следа, ни воспоминания, что они были когда-то. Но мы предоставляем этим недостаткам развиваться (проявляя снисходительность и оказывая потворство нашим малюткам), и только тогда, когда они стали упорными и многочисленными и их безобразие уже причиняет нам стыд и беспокойство, мы готовы взяться за плуг и борону, за лопату и мотыгу, которыми приходится рыть уже до самых корней, и тогда все наши силы, все умение и усердие, на которое мы способны, едва ли окажутся достаточными, чтобы очистить запущенную грядку, поросшую сорняком, и чтобы восстановить наши надежды на плоды, которые в свое время должны вознаградить нас за наш труд.

§85. Эта система, если она будет соблюдаться, избавит отца и ребенка от неприятности повторения приказаний и многочисленных правил о том, что следует делать и чего нельзя делать. Я, с своей стороны, держусь того мнения, что ни одно из тех действий, в которых проявляется склонность к порочным привычкам (а только такие действия и должны вызывать вмешательство отца с его авторитетом и приказаниями), не должно запрещаться детям раньше, чем они провинились в нем. Ибо, поскольку подобные запрещения предполагают, что дети способны совершить поступки, против которых неведение, может быть, было бы лучшей гарантией, постольку эти запрещения по меньшей мере способствуют поощрению таких поступков, если не приводят к еще более худшим результатам. И наилучшее средство предотвратить их заключается, как я уже говорил, в том, чтобы по поводу каждого поступка, в котором проявляется порочная склонность, выражать глубокое изумление сразу же, как только ребенок будет замечен в этом. Например, если он впервые уличен во лжи или в какой-либо дурной шалости, первое, что нужно сделать,— это поговорить с ним о ней как о такой поразительно чудовищной вещи, которой нельзя было от него ожидать, и таким образом пристыдить его.

§86. На это мне, вероятно, возразят, что я могу воображать что угодно относительно сговорчивости детей и преимуществ указываемых мною более мягких приемов, с помощью которых можно пристыдить и поощрить их, однако много есть таких детей, которые никогда по своей воле не станут братья за книги и за необходимую учебу, пока их не принудят к этому розгами. Однако я боюсь, что это только отговорки обычных школ и рутины, которая никогда не допускала надлежащего испытания других приемов там, где это заслуживало бы внимания. Например, почему при обучении

латинскому или греческому языку требуется применять розги, а при обучении французскому или итальянскому — не требуется? Дети учатся танцевать и фехтовать без воздействия розги; и даже более — они охотно и достаточно хорошо занимаются арифметикой, рисованием и тому подобным, не нуждаясь для этого в побоях. Это должно вызвать подозрение, нет ли чего чуждого, неестественного и непривлекательного для этого возраста в предметах, преподаваемых в грамматических школах, или в тех методах, которые там применяются, если заставить детей ими заниматься можно только жестокой поркой, да и то с большим трудом; или же мнение, будто нельзя обучать детей названным языкам без побоев, ошибочно.

§87. Но допустим, что некоторые дети настолько нерадивы и ленивы, что их нельзя заставить учиться теми мягкими средствами, которые я предлагаю. Конечно, необходимо согласиться, что среди детей встречаются всякие характеры. Отсюда, однако, не следует, что суровая дисциплина палки должна применяться ко всем; в отношении любого ребенка нельзя заключать о неприменимости к нему более мягких методов воспитания, пока эти методы не испытаны над ним со всею тщательностью. И лишь после того, как »они оказались бессильными заставить его проявить все усердие и сделать все, что он в силах сделать, мы не находим извинения для его упорства.

Для таких детей побои являются подходящим средством исправления; но побои должны применяться иначе, чем это обыкновенно делается. Того, кто умышленно пренебрегает учением и упорно отказывается делать то, что ему по силам и чего требует от него отец, выражающий свое требование в форме положительного и серьезного приказания, не следует наказывать двумя или тремя сердитыми ударами за невыполненный урок, повторяя наказание снова и снова после каждого подобного поступка. Нет, если уже дошло до того, что своеволие становится очевидным и вызывает необходимость побоев, то, я думаю, наказание должно быть несколько серьезнее и строже, и порку (вперемену с увещанием) надо продолжать до тех пор, пока впечатление, произведенное ею на душу ребенка, нельзя будет прочесть на его лице, услышать в его голосе, увидеть в покорности ребенка, обнаружившего чувствительность не столько к боли, сколько к совершенному проступку и смягчившегося в искреннем сожалении о нем. Если же подобное наказание, испытанное несколько раз через надлежащие промежутки времени, осуществленное с крайней строгостью и сопровождавшееся все время выражением неудовольствия со стороны отца, не окажет действия, не исправит душу и не побудит к послушанию в

дальнейшем, то чего можно ожидать от побоев и ради какой цели применять их дальше? Порка, если вы не можете ожидать от нее ничего хорошего, скорее будет походить на бешенство разъяренного врага, чем на доброжелательство сострадательного друга; такое наказание только подстрекает к дальнейшим проступкам и не дает надежды на исправление. Если на долю отца выпало несчастье иметь такого испорченного и неукротимого сына, то я уж не знаю, что остается ему еще делать — разве только молиться за него. Но я думаю, что если держаться правильного метода по отношению к детям с самого начала, то лишь очень немногие из них окажутся такими. А если подобные случаи и бывают, то не ими, однако, должны определяться правила воспитания тех детей, которые обладают лучшей натурой и могут быть руководимы при помощи лучших приемов.

§88. Если можно найти воспитателя, который, считая себя на месте отца, приняв его заботы и разделяя вышеизложенные идеи, будет стараться с самого начала осуществить их на практике, то в дальнейшем он убедится, что работа уже совсем легка, и ваш сын, мне думается, сделает такие успехи в учении и в благовоспитанности, каких вы, может быть, не представляете себе. Только никоим образом не разрешайте воспитателю, когда бы то ни было, бить мальчика без вашего согласия и распоряжения, по крайней мере до тех пор, пока вы на опыте не убедитесь в его рассудительности и сдержанности. Но вместе с тем, для того чтобы поднять его авторитет в глазах воспитанника, вы должны скрыть от последнего, что воспитатель не властен применять розги; кроме того, вы обязательно должны и сами оказывать воспитателю большое почтение и заставлять точно так же относиться к нему всю вашу семью. Ибо вы не можете рассчитывать, что ваш сын будет относиться с уважением к человеку, к которому его отец и мать, как он видит, относятся пренебрежительно. Если вы находите, что воспитатель достоин презрения, вы сделали плохой выбор; но если вы обнаруживаете свое презрение к нему, ваш сын навряд ли будет относиться к нему иначе. А коль скоро это случится, то каким бы достойным человеком воспитатель ни был сам по себе и какими бы он ни обладал способностями к своему делу, все это пропадет для вашего сына и уже никогда не сможет стать для него полезным.

§89. Как пример отца должен учить ребенка уважению к своему воспитателю, так пример воспитателя должен побуждать ребенка к тем действиям, исполнение которых он от него требует. Собственное поведение воспитателя ни в коем случае не должно расходиться с его предписаниями, если только он не желает испортить ребенка. Бесцельно со стороны

воспитателя говорить об обуздании страстей, если он дает волю какой-либо собственной страсти; и бесплодными будут его старания искоренить в своем воспитаннике порок или непристойную черту, которые он допускает в себе самом. Дурные примеры, несомненно, действуют сильнее хороших правил, и поэтому он должен всегда тщательно оберегать своего воспитанника от влияния дурных примеров, в особенности наиболее опасных — примеров прислуги: от этого общества следует держать мальчика подальше, притом не путем запрещений, которые только подстрекнут его к такому общению, а другими средствами, на которые я указывал.

§90. Во всем деле воспитания нет другой задачи, которой, видимо, уделялось бы так мало внимания и которая в то же время была бы столь трудно осуществимой, как та, о которой я собираюсь сейчас сказать. Я имею в виду задачу приставить к детям, лишь только они начинают говорить, рассудительного, трезвого, мало того — мудрого человека, на котором бы лежала забота вести их правильно и оберегать от всего дурного, особенно от заразительного влияния дурного общества. Я считаю, что это требует большой трезвости, сдержанности, нежности, усердия и осторожности — качеств, которые вряд ли могут сочетаться в одном лице у тех людей, которых можно иметь за обычное вознаграждение; да и вообще их нелегко найти. Что же касается необходимых для этого расходов, то я думаю, что нет лучшего способа расходовать деньги, чем тратить их на наших детей, и поэтому, если даже этот расход оказался выше обычного, он не должен почитаться чрезмерным. Тот, кто какой бы то ни было ценой доставляет своему ребенку хорошую душу, вооруженную правильными принципами, приспособленную к добродетельной жизни и к практической деятельности и украшенную вежливостью и благовоспитанностью, делает для него лучшее приобретение, чем если бы он израсходовал свои деньги ради увеличения своего имения на несколько акров земли. Экономьте сколько вам угодно на игрушках и забавах, на шелках и лентах, на кружевах и на других бесполезных расходах, но не скупитесь в таком необходимом деле, как это. Создавать ребенку денежное богатство и делать его убогим душой — это не значит разумно хозяйничать. Мне часто приходилось с удивлением наблюдать, как люди щедро тратят деньги на то, чтобы наряжать своих детей в красивые костюмы, роскошно обставлять их квартиру, обеспечивать богатым столом и чрезмерным количеством ненужной прислуги, и в то же время обрекают их на духовный голод, не прилагая достаточных стараний, чтобы прикрыть ту наготу, которая является самой постыдной, т. е. их прирожденные дурные наклонности и невежество. По-моему, это значит лишь приносить детей в жертву собственному тщеславию, так как в этом

больше обнаруживается тщеславие людей, чем действительная забота о благе своих детей. Все, что вы сделаете ради духовного развития вашего сына, покажет вашу истинную привязанность к нему, хотя бы это было связано с уменьшением его денежного состояния. Мудрый и добрый человек вряд ли может не считаться благородным и счастливым человеком или быть им в действительности; но человек глупый или порочный не может быть ни благородным, ни счастливым, какое бы состояние вы ни оставили ему. И я вас спрошу — не предпочтете ли вы, чтобы ваш сын был таким, как некоторые люди с доходом в 500 фунтов в год, чем похожим на известных вам людей, имеющих доход в 5000 фунтов?

§ 91-100

§91. Поэтому соображение о расходах не должно было бы останавливать тех, кто в состоянии их делать. Большая трудность будет в том, где найти подходящего человека; ибо люди молодые, малоспособные и малодобродетельные, непригодны для этого дела, а те, которые обладают этими качествами в большей степени, навряд ли согласятся взять на себя такие обязанности. Поэтому вы должны начать поиски заблаговременно и повсюду расспрашивать, ибо на свете есть люди всякого рода. Я вспоминаю, как Монтень в одном из своих «Опытов» рассказывает, что ученый Кастеллион [29], чтобы не умереть с голоду, был вынужден заниматься изготовлением кухонных досок, в то время как отец Монтеня дал бы сколько угодно денег за такого воспитателя для своего сына, а Кастеллион охотно бы взял на себя эти обязанности на весьма умеренных условиях; но это вышло так потому, что они не знали друг о друге.

§92. Если для вас окажется трудным найти воспитателя, какого вы хотите иметь, вы не должны удивляться этому. Я могу лишь одно сказать: не жалеете ни хлопот, ни расходов, чтобы найти такого. Таким путем можно достигнуть всего, и смею вас уверить, что, если вам удастся получить хорошего воспитателя, вы никогда не пожалеете о своих расходах; напротив, вы всегда будете чувствовать удовлетворение от сознания, что деньги нашли себе наилучшее применение. Но ни в коем случае не берите никого по совету друзей, или из сострадания, или из-за громких рекомендаций. Мало того, если вы хотите сделать как должно, то одной репутации рассудительного человека с большим запасом учености (чего обычно только и требуют от воспитателя) будет недостаточно, чтобы это сослужило вам службу. Выбирая воспитателя, вы должны быть так же разборчивы, как и при выборе жены

для сына, ибо вам не следует думать об испытательном сроке или рассчитывать на возможность последующей замены: это причинит вам большое неудобство, а вашему сыну еще большее. Когда я думаю о той разборчивости и тех предосторожностях, которые я вам рекомендую, мне кажется, что я советую вам нечто такое, что можно предложить, но практически нельзя выполнить. Но тот, кто учтет, как сильно правильно поставленная работа воспитателя отличается от обычных методов воспитания и как далеко не похожа она на то, что думают о ней многие, даже те, кто избирает для себя эту профессию, тот, быть может, согласится со мной, что человека, способного воспитать и формировать душу молодого джентльмена, не повсюду найдешь и что при подборе такого человека необходимо проявить больше энергии, чем обычно принято, иначе вы можете не достигнуть цели.

§93. Качества рассудительного и ученого человека — вот чего всякий, как я выше заметил, требует от воспитателя. Это вообще считается достаточным, и только этого обычно ищут родители. Но когда такой человек вытряхнет из себя всю латынь и логику, которые он вынес из университета, и напицкает ими своего ученика, то разве последний благодаря этим аксессуарам делается утонченным джентльменом? И можно ли ожидать, что он окажется более проникнутым началами и основами истинной добродетели и благородства, чем его юный воспитатель?

Чтобы сформировать молодого джентльмена, каким он должен быть, его воспитатель сам должен быть хорошо воспитан — он должен знать правила обхождения и формы вежливости применительно ко всему разнообразию лиц, времен и мест и заставлять своего воспитанника всегда соблюдать их в той мере, в какой этого требует его возраст. Этому искусству нельзя ни обучить, ни научиться по книгам. Оно дается лишь сочетанием хорошего общества и наблюдательности. Портной может сшить ему платье по моде, учитель танцев может придать грацию его движениям; но это хотя и украшает человека, однако не создает еще благовоспитанного джентльмена, даже в том случае, если к этому присоединяется ученость, которая, когда она дурно направлена, делает его более нахальным и невыносимым в обществе. Только благовоспитанность сообщает блеск и всем остальным его хорошим качествам¹ и делает их полезными для него, доставляя ему уважение и расположение всех, с кем он сталкивается. При отсутствии благовоспитанности остальные его достоинства создают ему лишь репутацию гордого, самодовольного, тщеславного или глупого человека.

В дурно воспитанном человеке смелость принимает вид грубости и так именно воспринимается общественным мнением; ученость становится в нем педантизмом, остроумие — шутовством, простота — неотесанностью, добродушие — льстивостью. В таком человеке не может быть ни одного хорошего качества, которого недостаток воспитания не исказил бы, не обезобразил бы к невыгоде его обладателя. Даже добродетели и таланты, хотя бы они и получили должное признание, недостаточны, чтобы обеспечить человеку хороший прием и сделать его желанным гостем всюду, где он появляется. Никто не удовлетворяется неотделанными алмазами и не станет их носить в таком виде, если желает производить приятное впечатление. Они блещут лишь тогда, когда отшлифованы и вделаны в оправу. Хорошие качества составляют существенное богатство души, но только благовоспитанность служит для них оправой; и тот, кто хочет быть приятным, должен придавать своим поступкам не только силу, но и красоту. Солидности и даже практических талантов недостаточно. Изящная манера и форма во всем — вот что украшает человека и делает его привлекательным. В большинстве случаев манера действовать имеет большее значение, чем самое действие, и от нее зависит вызываемое последним удовольствие или неудовольствие. Манера, о которой мы говорим, заключается не в искусстве снимать шляпу или говорить комплименты, а в надлежащей и свободной непринужденности языка, взглядов, движений, жестов, позы и т. д., соответствующих лицам и обстоятельствам, и может быть усвоена лишь путем привычки и практики. Поэтому, хотя все это не по силам детям и не следует ради этого мучить малышей, однако молодой джентльмен должен начать усваивать это и в значительной мере усвоить, пока он находится под руководством наставника, раньше, чем выйдет в свет и станет держаться на собственных ногах; ибо тогда обыкновенно бывает уже поздно рассчитывать на исправление некоторых некрасивых манер, вошедших в привычку и проявляющихся в мелочах. Ибо манера держать себя еще не такова, какую она должна быть, пока не сделалась естественной во всех мелочах, беря, подобно пальцам искусного музыканта, гармонические аккорды без усилий и без обдумывания. Если душа человека, находящегося в обществе, поглощена тем, что беспокойно следит за каждой мелочью в своем поведении, то вместо того, чтобы благотворно действовать на его душу, поведение его становится принужденным, неловким, лишенным всякой грации.

Помимо сказанного эту сторону воспитания необходимо поручать заботам воспитателя и по следующим соображениям. Промахи в отношении правил благовоспитанности, хотя и замечаются посторонними раньше, чем

всякие другие, однако указываются человеку позже всего. И не потому только, что светское злословие склонно к пересудам, а потому, что этими пересудами всегда занимаются за спиной того, кто должен был бы извлечь из этих отзывов пользу для себя и исправиться благодаря этой критике.

И в самом деле, это настолько щекотливый пункт, не допускающий чужого вмешательства, что даже друзья, которые бы желали исправления данного недостатка, с трудом решаются когда-либо заговорить о нем и указать человеку, которого они любят, что он проявил в том или другом случае неблаговоспитанность. На промахи в других вещах позволительно изредка указывать другому человеку в вежливой форме, и исправление других его ошибок не считается нарушением хороших манер или дружбы. Но благовоспитанность именно и не позволяет касаться такой темы, она именно и не позволяет намекнуть другому человеку, что он проявил недостаток воспитанности. Такие замечания могут исходить только от тех, кто пользуется у него авторитетом; но даже с их стороны эти замечания могут показаться очень неприятными и грубыми взрослому человеку и, хотя бы выраженные в мягкой форме, будут болезненно восприняты тем, кто уже пожил среди людей. Поэтому необходимо, чтобы эта часть воспитания была главной заботой воспитателя, с тем чтобы привычное изящество и вежливость обхождения укрепились в его питомце раньше, чем он выйдет из-под его руководства, и чтобы он не нуждался в советах на этот счет впоследствии, когда у него не будет ни времени, ни охоты принимать их, да и не будет при нем человека, который бы давал их. Поэтому сам воспитатель должен быть прежде всего благовоспитанным, и молодой джентльмен, который усвоит от своего воспитателя хотя бы одно это качество, выйдет в свет, обладая большим преимуществом: он убедится, что одно это достоинство шире откроет ему дорогу, доставит ему больше друзей и обеспечит ему больший успех в свете, чем всякие ученые слова или реальное знание, которые он усвоил из свободных искусств или ученой энциклопедии своего воспитателя. Это не значит, что последними нужно пренебрегать, но ни в коем случае не следует оказывать им предпочтение или допускать, чтобы они приобретались за счет указанного достоинства.

§94. Помимо благовоспитанности воспитатель должен обладать хорошим знанием света, знанием обычаев, нравов, причуд, плутней и недостатков своего времени, в особенности страны, в которой живет. Он должен уметь показать их своему воспитаннику, поскольку находит того способным уразуметь их; должен научить его разбираться в людях и в их манерах, срывать маски, накладываемые на них профессией и притворством,

различать то подлинное, что скрывается за такой внешностью, для того чтобы воспитанник — как это бывает с неопытными молодыми людьми, не получившими надлежащего предостережения, — не принимал одной вещи за другую, не судил по внешности, не поддавался впечатлению внешнего блеска, не обольщался хорошим обхождением или любезной услужливостью. Воспитатель должен учить своего воспитанника угадывать намерения людей, с которыми тот имеет дело, и быть осторожным с ними, не относиться к ним ни с чрезмерной подозрительностью, ни с чрезмерной доверчивостью; а так как молодой человек по своей природе в высшей степени склонен к одной из этих крайностей, то следует его поправлять и направлять в другую сторону. Он должен приучать своего воспитанника составлять себе, насколько это возможно, правильное суждение о людях на основании тех признаков, которые лучше всего показывают, что те представляют собой в действительности, и проникать своим взглядом в их внутреннее существо, которое часто обнаруживается в мелочах, в особенности когда эти люди находятся не в парадной обстановке и не начеку. Он должен ознакомить его с истинным положением вещей и внушить ему привычку не считать человека ни лучшим, ни худшим, ни более умным, ни более глупым, чем он есть в действительности. Так, постепенно, без чувства опасности и незаметно мальчик превратится во взрослого человека; это самый критический переход во всей жизни. Поэтому необходимо проследить со всей тщательностью за этим переломным периодом и провести через него молодого человека с величайшей осторожностью, а не выпускать его, как это обычно делается, сразу из-под руководства воспитателя в свет вполне самостоятельным человеком, подвергая риску быстро приобрести дурные наклонности. В самом деле, ведь нет более частого явления, чем примеры крайней распушенности, безрассудства и разврата, которым предаются молодые люди, как только они избавятся от режима сурового и строгого воспитания, что, по моему мнению, следует приписать неправильному методу воспитания, особенно в данном отношении. Ибо, будучи воспитаны в полном неведении того, что такое свет в действительности, и найдя в нем совсем не то, чему их учили и что они себе представляли, молодые люди легко дают другого сорта воспитателям, которых они обязательно встретят на своем пути, убедить себя, что тяготевшая над ними дисциплина и читавшиеся им лекции только формальности воспитания и что свобода, принадлежащая взрослым, заключается в широком и неограниченном пользовании тем, что раньше им запрещалось. Они показывают юному новичку свет, переполненный модными и блестящими образцами этого пользования, которые сразу его ослепляют. Мой юный джентльмен не прочь показать себя таким же взрослым человеком, как и любой из его блестящих

сверстников, и он впадает во все крайности, которые наблюдает у самых развратных; так он старается завоевать себе репутацию и приобрести облик мужественности, отбрасывая скромность и умеренность, которые ему до сих пор внушались, и считает молодечеством ознаменовать свои первые шаги в свете нарушением всех правил добродетели, проповедававшихся ему его воспитателем.

По моему мнению, одно из лучших средств предупредить это зло — показать ему, каков есть свет на самом деле, до того, как он вступит в него. Надо постепенно осведомлять молодого человека о модных пороках и предостерегать против приемов и намерений тех лиц, которые поставят своей задачей развратить его. Надо сказать ему об ухищрениях, к которым те прибегают, и о сетях, которые они расставляют, а время от времени следует выводить перед его глазами трагические и смешные примеры тех людей, которые погибают или погибли на этом пути; в наше время нет недостатка в подобных примерах, их нужно превратить в охранительные знаки, с тем чтобы страдания, болезни, нищета и позор подававших большие надежды юношей, доведенных таким образом до гибели, могли служить для него предостережением и показывали бы ему, как те самые люди, которые под личиной дружбы и уважения вели тех к гибели и помогали грабить их, пока они разорялись, потом с презрением от них отворачиваются. Он увидит это прежде, чем узнает ценою слишком дорогого опыта, что те, кто убеждает его не следовать разумным советам, полученным от воспитателя, и указаниям своего собственного разума (что, по их словам, означает быть на поводу у других), делают это только для того, чтобы иметь возможность самим руководить им, и уверяют его, будто он действует как самостоятельный человек, по собственному усмотрению и ради собственного удовольствия, когда на деле он, как малый ребенок, увлекается ими в пороки, которые лучше всего служат их целям. Вот знание, которое воспитатель должен стараться внушить ему при каждом удобном случае, добиваясь всеми способами, чтобы он его основательно понял и усвоил.

Я знаю, часто говорят, что открывать молодому человеку пороки века — значит обучать его этим порокам. Конечно, в этом есть значительная доля правды; однако все зависит от того, как это делать. Вот почему и нужен для этого человек рассудительный и способный, который знает свет и умеет судить о характере, наклонностях и слабых сторонах своего воспитанника. Кроме того, надо помнить, что теперь невозможно (как было, может быть, возможно раньше) удерживать молодого джентльмена от порока, оставляя его в полном неведении о нем, если только вы не намерены продержат его

всю жизнь взаперти и никогда не пускать в общество. Чем больше его будут держать таким образом с завязанными глазами, тем меньше он будет видеть, когда выйдет из дома на вольный свет, и тем больше он будет подвержен опасности стать жертвой самого себя или других. Такой взрослый птенец, лишь только он появится со всей степенностью, вынесенной из родного гнезда, непременно привлечет к себе взоры и вызовет гвалт всего городского птичника, где найдется и немало хищных птиц, готовых немедленно броситься в погоню за ним.

Единственная защита от света заключается в основательном знании его, которое нужно давать молодому человеку постепенно, в той мере, в какой он может его усваивать, и, чем раньше, тем лучше, раз он находится в надежных и искусных руках. Занавес следует приоткрывать понемногу, и вводить его нужно шаг за шагом, указывая опасности, ожидающие его со стороны людей разных званий, характеров, намерений и кружков. Следует подготовить его к тому, что одни будут его задирать, другие ласкать; предупредить его, кто, по всей вероятности, будет враждовать с ним, кто — направлять на ложный путь, кто — подкапываться под него и кто — оказывать услуги. Следует научить его, как распознавать и различать этих людей, в каких случаях он должен давать им понять, что видит их цели и махинации, и когда он должен это скрывать. Если же он будет чересчур склонен полагаться на свою силу и умение, то досада и неприятность от могущей временами случиться неудачи, если только она не причиняет ущерба его невинности, здоровью или репутации, могут послужить недурным средством научить его быть более осторожным.

Я должен сказать, что указанные соображения, касающиеся существенных элементов мудрости, не представляют собой продукт нескольких поверхностных мыслей или большой начитанности, а являются результатом опыта и наблюдений человека, жившего в свете с открытыми глазами и общавшегося с людьми разного сорта; поэтому я и считаю весьма важным внушать эти соображения молодому человеку при каждом подходящем случае, для того чтобы он, когда ему придется самостоятельно пуститься в житейское море, не оказался в положении моряка, плывущего без направления, компаса или морской карты; для того чтобы он заранее ознакомился с подводными камнями и мелями, с течениями и движущимися песками, умел бы хоть немного править рулем и не утонул бы до того, как приобретет опыт. Тот, кто не считает это более важным для своего сына и более требующим воспитателя, чем языки и науки, забывает, насколько полезнее правильно судить о людях и разумно вести с ними дела, чем уметь

говорить по-гречески и по-латыни, или аргументировать при помощи модусов и фигур [30], или заполнить голову абстрактными спекуляциями натуральной философии и метафизикой; насколько оно полезнее даже основательного знакомства с греческими и римскими писателями, хотя последнее для джентльмена намного важнее, чем быть хорошим перипатетиком или картезианцем [31], так как эти древние писатели умели наблюдать и изображать мир человека и пролили много света на эту область знания. Кто отправится в восточные части Азии, тот найдет там способных и достойных людей, не имеющих обо всем этом никакого понятия; но нигде нельзя найти вполне культурного и достойного человека, не обладающего добродетелью, знанием света и вежливостью.

Джентльмен в значительной мере может, не очень рискуя умалить собственное достоинство или нанести ущерб своим делам, обойтись без большей части тех знаний, которые обыкновенно преподаются в современных европейских школах и обычно включаются в программу воспитания. Но благоразумие и благовоспитанность необходимы во всех положениях и при всяких обстоятельствах жизни. Между тем большинство молодых людей страдают недостатком этих качеств и вступают в жизнь менее отшлифованными и менее поворотливыми, чем следовало бы. Причина этого заключается именно в том, что этими качествами, воспитать которые более всего необходимо и воспитание которых более всего требует участия и помощи воспитателя, как правило, пренебрегают: считается, что это вовсе не входит в круг обязанностей воспитателя или является лишь маловажной их частью. Все общественное внимание сосредоточивается вокруг латыни и обучения наукам; и главный упор делается на то, чтобы мальчик преуспевал в предметах, значительная часть которых не имеет никакого отношения к жизненному призванию джентльмена, которое предполагает знания делового человека и подобающее его общественному рангу поведение и сводится к тому, чтобы он стал заметным и полезным человеком в своей стране сообразно своему положению. Если часы досуга или желание усовершенствоваться в каких-либо отраслях знания, в которые воспитатель только ввел его, побудят его сесть за учение, то усвоенные им ранее начатки знания в достаточной мере укажут ему путь, чтобы он мог при помощи собственного усердия пойти так далеко, как ему подскажет желание и позволят его способности.

Если же он решит, что руководство преподавателя поможет ему преодолеть некоторые трудности с меньшей затратой времени и сил, то он волен взять себе человека, основательно знающего данный предмет, или

такого, который, по его мнению, лучше всего подойдет для его целей. Но для того чтобы ознакомить питомца с какой-либо отраслью знания в том объеме, какой необходим молодому человеку при обычном ходе его занятий, достаточно обладать обыкновенными познаниями воспитателя. Вовсе не требуется, чтобы он был глубоким ученым или в совершенстве знал все те науки, с которыми молодому джентльмену следует познакомиться лишь в объеме общего обзора или краткой системы. Джентльмен, который пожелал бы иметь более глубокие познания, должен этого добиться уже потом, собственными дарованиями или усердием; ибо никто еще не достигал больших успехов в области знания и не становился выдающимся знатоком в какой-либо науке благодаря дисциплине и принуждению со стороны наставника.

Великая задача воспитателя заключается в том, чтобы формировать поведение и душу своего воспитанника, чтобы привить ему хорошие привычки, заложить в нем основы добродетели и мудрости, научить его постепенно знанию людей, внушить любовь и стремление подражать всему, что прекрасно и достойно похвалы, и вооружать его силой, энергией и усердием в стремлении к этим целям. Занятия, которые воспитатель требует от него, служат, так сказать, лишь для упражнения его способностей и заполнения его времени, для того, чтобы обереечь его от шалопайства и лени, научить его прилежанию, приучить делать усилия и дать ему некоторое представление о том, в чем он должен совершенствоваться уже самостоятельно. Ибо кто может ожидать, что под руководством воспитателя молодой джентльмен сделается законченным критиком, оратором или логиком? Что он постигнет глубины метафизики, натуральной философии или математики, овладеет в совершенстве историей или хронологией?

Правда, кое-какие сведения по всем этим наукам следует ему сообщить, но лишь с тем, чтобы приоткрылась дверь и он мог бы заглянуть в нее и, так сказать, получить первую ориентировку, не останавливаясь, однако, на подробностях. А тот воспитатель, который стал бы задерживать своего воспитанника слишком долго и слишком далеко заводил бы его в большинстве этих наук, заслуживал бы строгого порицания. Но благовоспитанность, знание света, добродетель, прилежание и бережное отношение к доброму имени никогда не могут оказаться в избытке. И тот, кто обладает ими, не будет долго испытывать недостатка во всем остальном, что ему необходимо или желательно.

Так как нельзя надеяться, что он будет иметь достаточно времени и сил, чтобы научиться всему, то наибольшие усилия надлежит приложить к

тому, что более всего необходимо, и обращать главное внимание на то, что более всего и чаще всего пригодится ему в свете.

Сенека жалуется на противоположную практику, господствовавшую в его время; между тем Бургерсдициусы и Шейблеры [32] еще не развелись в те дни в таком обилии, как в наше время. Что бы он подумал, если бы он жил теперь, когда воспитатели считают своей главной обязанностью перегружать занятия и головы своих питомцев подобными авторами? Он имел бы гораздо больше оснований сказать: «Мы учимся не для жизни, а для диспутов» (*Non vitae, sed scholae discimus*) [33], и наше воспитание подготавливает нас скорее для университета, чем для жизни. Неудивительно, если те, кто создает моду, приспособляют ее к тому, чем они сами обладают, а не к тому, что нужно их питомцам. Но раз мода установилась, то нет ничего удивительного, что она преобладает в этом деле, как и во всех других делах, и что большинство из тех, кто находит для себя выгодным подчиниться ей, готово кричать о ереси, когда кто-либо отступает от нее. Но в то же время нельзя не удивляться тому, что люди выдающиеся и талантливые способны так сильно заблуждаться, следуя обычаю и слепой вере. Если бы они советовались со своим разумом, он указал бы им, что время их детей должно тратиться на усвоение того, что может оказаться для них полезным, когда они будут взрослыми, а не на то, чтобы забивать головы массой хлама, большей части которого они не будут вспоминать в течение всей своей жизни (и наверно, никогда им и не понадобится вспоминать, а то, что останется у них в памяти, послужит только во вред). Это настолько хорошо известно, что мне остается только спросить родителей, которые затратили средства на обучение своих юных наследников: разве не смешно будет, если их сыновья вступят в свет с налетом такого рода учености, и разве какое-либо проявление ее не уронит их во взглядах общества и не лишит его расположения? Действительно замечательное приобретение, достойное стать одной из задач воспитания, если оно ставит их в конфузливое положение как раз там, где они наиболее заинтересованы обнаружить свои таланты и воспитание.

Есть еще одно соображение, в силу которого главное внимание следует обращать на учтивость манер и знание света. Оно заключается в том, что способный человек зрелого возраста может сообщить молодому человеку достаточные сведения по любому из упомянутых предметов, даже если сам и не обладает в них глубокими познаниями: их можно почерпнуть из соответствующих книг, которые сообщат ему достаточные знания и превосходство, необходимые для того, чтобы указывать дорогу своему

юному ученику. Но тот, кто сам мало знает свет и в особенности недостаточно воспитан, тот никогда не будет в состоянии правильно наставить другого в том и другом отношении.

Этим знанием он должен обладать — знанием, которое вошло бы в его натуру благодаря практике и общению с людьми и продолжительному культивированию в себе того, что, по его наблюдениям, практикуется и допускается в лучшем обществе. Если он этим знанием не обладает, ему неоткуда будет заимствовать его для пользы воспитанника: даже если бы он мог найти подходящие трактаты по этому предмету в книгах, в которых затрагиваются все частности поведения английского джентльмена, то примеры его собственной неблаговоспитанности, коль скоро он сам воспитан недостаточно, сводили бы на нет все его уроки, так как невозможно, чтобы кто-либо вышел вполне воспитанным из грубой, невоспитанной компании.

Этим я вовсе не думаю сказать, что подходящего воспитателя можно встретить каждый день или что можно получить его за обычное вознаграждение. Я считаю лишь, что те, кто в состоянии это делать, не должны жалеть ни поисков, ни расходов в столь важном деле, а те родители, которым их положение не позволяет пойти на большое вознаграждение, должны, во всяком случае, помнить, на что им следует главным образом обращать внимание при выборе человека, которому они доверяют воспитание своих детей; а если дети остаются на их собственном попечении, то всякий раз, находясь на глазах у детей, они должны помнить, на какую сторону своего собственного поведения обращать главное внимание: родители не должны думать, что все заключается в латыни и французском языке или в каких-то сухих системах логики и философии.

§95. Но вернемся к нашему методу. Хотя я и говорил, что суровый вид отца и внушенный детям в детстве почтительный страх послужат главным инструментом, с помощью которого должно направляться их воспитание, однако я далек от мыслей, что этого метода следует придерживаться в течение всего времени, пока дети находятся в режиме дисциплины и опеки. Я думаю, что такой режим должен ослабляться по мере того, как это будут допускать возраст, благоразумие и хорошее поведение. Я даже думаю, что отец хорошо сделает, если доведет это ослабление режима до того, что будет дружески беседовать со своим сыном, когда тот подрастет и станет способен к этому; и еще лучше, если он будет спрашивать его мнение и советоваться с ним относительно таких вещей, в которых тот что-либо знает или что-нибудь понимает. Этим отец достигнет двух важных результатов. Во-первых, это скорее внесет в мысли сына серьезность, чем какие бы то ни было правила и

советы, которые отец может ему давать. Чем раньше вы начнете с ним обращаться как со взрослым человеком, тем раньше он и станет таковым; и если вы будете временами позволять ему вести серьезные разговоры с вами, вы незаметным образом возвысите его ум над обычными забавами юности и над теми пустяковыми занятиями, на которые она обычно себя растрчивает. Ибо легко заметить, что многие молодые люди дольше остаются школьниками по манере мыслить и общаться, чем это могло бы быть при других условиях, и именно по той причине, что родители удерживают их на этом расстоянии и в этом низком положении всем своим обращением.

§96. Другим очень важным результатом, которого вы достигнете путем такого обращения с ребенком, будет его дружеское отношение к вам. Многие отцы, щедро наделяя своих сыновей карманными деньгами соответственно их возрасту и положению, в то же время так тщательно скрывают от них свое состояние и свои дела, как будто бы оберегают государственную тайну от шпиона или врага. Если это даже не носит характера недоверия, то все же здесь нет признаков дружеской простоты, которую отец должен вносить в отношения с сыном; это отпугивает или подавляет все то живое, всю ту сердечность, с которой сын должен обращаться к отцу и доверяться ему. И я часто удивляюсь, видя отцов, которые, несмотря на всю свою большую любовь к сыновьям, своей постоянной холодностью, властным видом и неприступностью, сохраняемыми всю жизнь, создают такие отношения, как будто у них никогда не было желания иметь радость и утеху от тех, кого они любят больше всего на свете; и так вплоть до того самого момента, когда, переселяясь в другой мир, они расстаются с ними навсегда. Ничто так не утверждает и не скрепляет дружбы и расположения, как доверчивая беседа о своих заботах и делах. Без этого другие проявления расположенности всегда оставляют некоторое сомнение; но если ваш сын видит, что вы открываете ему свою душу, если он убеждается, что вы хотите заинтересовать его своими делами, так как вы желаете, чтобы они со временем перешли в его руки, то он заинтересуется ими как своими собственными, и будет терпеливо ждать своего времени, а до того будет вас любить за то, что вы не держите его на почтительном расстоянии как чужого. Это покажет ему также, что состояние, которым вы обладаете, причиняет также некоторые заботы; и чем лучше он будет это понимать, тем меньше будет завидовать вашему состоянию и тем более будет считать себя счастливым под руководством такого любящего друга и заботливого отца. Навряд ли найдется молодой человек, настолько скудоумный и лишенный чувства, чтобы не радоваться, имея надежного друга, к которому он может обратиться за помощью и

посоветоваться при случае. Сдержанность и неприступность, проявляемые отцами, часто лишают сыновей этого прибежища, которое было бы для них полезнее сотни выговоров и головомоек. Если ваш сын примет участие в какой-либо шалости или позволит себе какую-либо выходку, то не лучше ли будет, если он это сделает с вашего ведома, чем без него? Раз уж приходится делать уступки молодому человеку в подобных вещах, то, чем больше вы будете в курсе его затей и планов, тем легче будет вам предотвращать большие беды; а указывая ему на вероятные последствия, вы обретете верное средство влиять на него в том направлении, чтобы он не делал и менее важных глупостей. Вы хотите, чтобы он открывал перед вами свое сердце и спрашивал вашего совета? В таком случае вы должны это сделать первым по отношению к нему и своим поведением приобрести его доверие.

§97. Но о чем бы он ни посоветовался с вами, если только это не грозит какой-нибудь роковой и непоправимой бедой, советуйте только как более опытный друг; не примешивайте к своему совету ничего похожего на приказание или властный тон. Не вносите сюда ничего такого, что было бы неуместно по отношению к постороннему человеку. Ибо это может навсегда отбить у сына охоту обращаться к вам с вопросами или пользоваться вашими советами. Вы должны иметь в виду, что он молодой человек и что ему свойственны такие удовольствия и прихоти, которые для вас остались достоянием прошлого. Вы не должны ожидать, что его влечения будут точно такими, как ваши, или что в свои двадцать лет он будет думать точно так же, как вы в пятьдесят. Так как юноша должен иметь некоторую свободу также и в проказах, то вам остается желать только одного — чтобы она использовалась с сыновней откровенностью и под наблюдением отца, и тогда большого вреда от этого не получится. А чтобы добиться этого, вам следует, как я уже говорил, беседовать с ним (насколько вы считаете его способным к этому) о ваших делах, ставить ему в дружеском тоне вопросы и спрашивать у него совета, а если он нашел правильное решение вопроса, принимать это решение как его совет; в случае же удачного результата следует также похвалить его. Это нисколько не умалит вашего авторитета, а только усилит его любовь и уважение к вам. Пока вы сохраняете свое состояние за собою, власть будет оставаться в ваших руках; между тем ваш авторитет будет тем вернее, чем больше он будет укрепляться доверием и привязанностью.

Ибо, пока опасение обидеть друга еще не действует в нем сильнее, чем страх потерять какую-либо долю из своего наследства, нельзя еще сказать, что вы имеете над сыном ту власть, какую должны иметь.

§98. Если дружеские беседы уместны между отцом и сыном, то тем более может снисходить до этого воспитатель по отношению к своему воспитаннику. Время, которое они проводят вместе, не должно уходить целиком на уроки и назидательные указания о том, что соблюдать и чему следовать. Выслушивая питомца и приучая его размышлять по поводу того, что ему предлагают делать, воспитатель облегчит ему понимание правил, будет содействовать более глубокому их усвоению и возбудит в нем вкус к занятиям и учению: он начнет ценить знание, видя, что оно научает его рассуждать, и находя для себя удовольствие и честь в том, что ему позволяют участвовать в беседе, что его доводы иногда одобряются и принимаются; в особенности следует его привлекать к обсуждению конкретных случаев из области морали, благоразумия и благовоспитанности, предлагая при этом высказывать свое мнение. Это лучше развивает ум, чем всякие формулы, как бы толково они ни излагались, и лучше закрепляет правила в памяти для практического применения. При таком методе вещи доходят до души и запечатлеваются в ней, сохраняя всю свою непосредственную убедительность, в то время как слова в лучшем случае являются лишь бледными представлениями: они лишь точные тени вещей и гораздо скорее забываются.

Высказывая свое мнение относительно тех случаев, на которых воспитатель остановил его внимание, и обсуждая совместно с ним подходящие примеры, мальчик гораздо лучше поймет основы и критерии пристойного и справедливого и будет получать более живые и более прочные представления о том, как ему должно поступать, чем при молчаливом, вялом и сонном выслушивании наставлений воспитателя, и гораздо лучше, чем из софистики логических диспутов или из составленных им самим декламации на те или иные темы.

Диспуты не ведут мысль к истине, а лишь толкают ее на остроумничанье и фальшивое фразерство; декламации же развивают лукавство, склонность к шумному спору и упорству. И диспуты и декламации разрушают способность суждения и сбивают человека с пути правильного и честного рассуждения; поэтому их должен избегать всякий, кто стремится к самоусовершенствованию и желает быть приятным другим.

§99. Теперь представим себе, что вы дали своему сыну понять, что он от вас зависит и находится в вашей власти, и тем установили ваш авторитет; что непреклонно суровым отношением к нему в тех случаях, когда он упорствует в какой-нибудь дурной, запрещенной вами шалости и особенно

во лжи, вы внушили ему почтительный страх; что, с другой стороны, предоставляя ему полную свободу, подобающую его возрасту, и не подвергая его в своем присутствии никаким стеснениям в его детских проказах и забавах (которые в детстве ему так же необходимы, как пища и сон), вы сделали ваше общество для него приятным; что своей снисходительностью и нежностью и в особенности лаская его в каждом случае, когда он поступает хорошо, и показывая ему свою привязанность в разнообразнейших формах, отвечающих его возрасту, которым природа научает родителей лучше¹, чем я могу научить, вы убедили его в вашей заботливости и любви к нему,— вот в этом случае и можно сказать, что вы привели его в такое состояние, какого могли бы желать; ибо вы взрастили в его душе чувство истинной почтительности, которое вам надлежит и в дальнейшем тщательно поддерживать в обоих его элементах — любви и страхе; а это — два великих начала, которые дадут вам возможность всегда влиять на него и направлять его душу на пути добродетели.

§100. Раз этот фундамент хорошо заложен и вы находите, что чувство почтения начинает в нем действовать, ближайшая задача заключается в том, чтобы тщательно разобраться в его характере, в особенностях его душевной конституции. Упрямство, лживость и злонравные поступки не должны (как уже было сказано) допускаться с самого начала, каковы бы ни были особенности его характера. Нельзя допускать, чтобы эти семена порока пустили какие бы то ни было корни; здесь должен выступить на сцену ваш авторитет: он должен действовать на его душу, как только в ней возникли малейшие проблески сознания, и с силой естественного закона, а именно так, чтобы ребенок не заметил, когда именно ваш авторитет начал действовать, чтобы он не мог представить себе, что когда-либо могло быть иначе. Если почтение, -которое он должен питать к вам, установится таким образом рано, ваш авторитет будет всегда для него священен, и ребенку будет так же трудно противиться ему, как законам своей природы.

§ 101-110

§101. Установив таким образом очень рано свой авторитет и приучая ребенка путем достаточно мягкого его применения стыдиться того, что ведет к безнравственным привычкам (ибо я отнюдь не желал бы, чтобы вы употребляли брань или побои, если только упорство и неисправимость не создают абсолютной необходимости применить эти меры), вы должны, как только вы начинаете замечать в нем такие проявления, разобраться в том, в какую сторону направляет его природный склад души.

Одни люди в силу неизменного склада своей конституции смелы, другие робки, одни самоуверенны, другие скромны, люди бывают покладисты или упрямы, любознательны или беззаботны, подвижны или вялы. В лицах людей и внешних очертаниях их тела наблюдается не больше различий, чем в строе и характере их души; разница здесь лишь в том, что характерные черты лица или линии тела со временем и с возрастом становятся яснее и отчетливее, в то время как особенности душевной физиономии наиболее различимы в детях, пока искусство и хитрость еще не научили их скрывать свои недостатки и прятать свои дурные наклонности под фальшивой внешностью.

§102. Поэтому своевременно начинайте внимательно наблюдать за характером вашего сына. В такие моменты, когда он совершенно непринужденно отдается своей игре и думает, что вы за ним не следите, присматривайтесь к тому, какие страсти и наклонности в нем преобладают: пылок он или кроток, дерзок или застенчив, сострадателен или жесток, откровенен или сдержан и т. д. Ибо сообразно различию этих качеств должны быть различны и ваши методы, и различным же образом должен проявляться ваш авторитет. Эти природные наклонности, эти преобладающие особенности конституции не поддаются исправлению правилами или прямым противодействием; особенно более низменные и дрянные из них, проистекающие из страха и малодушия, хотя, при умении, можно и их в значительной степени исправить и направить на хорошие цели. Но будьте уверены: если даже это удастся сделать, то все-таки груз всегда будет тянуть в ту сторону, куда с самого начала направила его природа. Поэтому если вы тщательно станете наблюдать за свойствами души сына на первых порах жизни, то будете в состоянии судить о направлении его мыслей и желании также и впоследствии, когда его затеи с возрастом усложнятся и ваш сын будет менять их облик.

§103. Я говорил вам раньше, что дети любят свободу и что поэтому нужно заставлять их делать то, что следует им делать, таким образом, чтобы они не чувствовали над собою никакого принуждения. Теперь же я вам скажу, что есть вещь, которую они любят еще больше,— это власть. Она именно и является первоисточником большинства порочных привычек, обычных и естественных. Эта любовь к власти и господству проявляется очень рано и в указываемых мною ниже двух формах.

§104. Мы видим, что дети почти с момента своего появления на свет (и уж, наверное, задолго до того, как научатся говорить) плачут, капризничают, сердятся и расстраиваются только ради того, чтобы добиться

своего. Они хотят, чтобы другие подчинялись их желаниям; они требуют полного послушания от всех окружающих, особенно от тех, кто по возрасту или положению близок к ним или ниже,— лишь только они начинают замечать в других эти различия.

§105. Другое проявление их любви к господству — это желание присваивать себе вещи. Они стремятся к обладанию и к собственности; им нравится та власть, которую, как им кажется, доставляет собственность, то право распоряжаться вещами по своему усмотрению, которое они при этом получают. Кто не замечал в детях очень ранних проявлений этих двух наклонностей, тот плохо наблюдал за детским поведением; а кто не считает нужным уже в ранние годы уничтожать эти два источника всякой неправды и вражды, столь расстраивающие жизнь человечества, и заменять их противоположными привычками, тот упускает подходящий момент для закладки фундамента хорошего и достойного человека. Достижению этого могут, я думаю, в известной мере способствовать следующие вещи.

§106. Я уже говорил, что никогда не следует допускать, чтобы ребенок получал то, чего он требует, даже тогда, когда он просит обычным тоном, но в особенности если «го требование выражается криком. Боюсь, однако, что мои слова будут плохо поняты и истолкованы в том смысле, что ребенок, по моему мнению, никогда ни о чем не должен просить своих родителей; а в этом усмотрят, вероятно, чрезмерное угнетение детской души, могущее пагубно отразиться на той любви и привязанности, которые должны существовать между детьми и родителями. Поэтому я должен объяснить свою мысль несколько подробнее. Дети должны пользоваться свободой заявлять родителям о своих нуждах, и эти заявления следует выслушивать и удовлетворять со всей нежностью, по крайней мере когда они еще в нежном возрасте. Но одно дело говорить: «Я голоден», а другое — «Мне хочется жаркого». Когда дети заявляют о своих желаниях, о естественных желаниях, о страдании, причиняемом голодом, жаждой, холодом или неудовлетворением какой-либо другой естественной потребности, долг родителей и тех, кто ухаживает за детьми,— облегчать эти страдания. Но дети должны предоставлять самим родителям выбирать и решать, что им требуется и в каком количестве; нельзя разрешать им самим выбирать и выражать просьбу таким образом: «Хочу вина», «Хочу белого хлеба»; сама по себе такая манера высказывания должна явиться причиной отказа.

§107. В данном случае родители должны отличать мнимые потребности от естественных, т. е. делать то, чему хорошо нас учит

следующий стих Горация: *Queis humana sibi doleat natura negatis* [34]. Истинно природными потребностями являются те, которые разум один, без помощи чего-либо другого, не в состоянии устранить,— те потребности, которым он не может помешать тревожить нас. Страдания от болезни и ран, от голода, жажды и холода, от бессонницы, от отсутствия отдыха или облегчения утомленных трудом членов ощущаются каждым человеком. Таких страданий не могут воспринимать безболезненно даже люди с прекрасно устроенной душой; поэтому они должны, при первом же появлении этих страданий, стремиться устранить их подходящими способами, без нетерпения и чрезмерной торопливости, если только отсрочка не угрожает каким-либо непоправимым делом. Страдания, которые проистекают от естественных потребностей, служат для нас напоминанием, предназначение которого — оберечь нас от больших бед, предвестниками которых они являются. Поэтому не следует относиться к ним с пренебрежением и доводить их до чрезмерного напряжения. Но чем больше дети будут приучаться благодаря мудрым заботам об укреплении их тела и души к лишениям этого рода, тем это будет для них лучше. Мне нет надобности предостерегать, что при закаливании нужно держаться известных границ и нужно заботиться о том, чтобы страдания, которым подвергают детей, не подавляли их духа и не причиняли вреда их здоровью: родители и сами слишком — в большей мере, чем следовало бы,— склонны к более мягкому обращению.

Но если естественные потребности детей следует удовлетворять, то никогда не надо удовлетворять их капризы; нельзя даже допускать, чтобы они выказывали подобные желания. Самое выказывание таких желаний должно вести к отказу. Детям нужно давать одежду, в которой они нуждаются; но они должны твердо знать, что если будут требовать обязательно такой-то материи или такого-то цвета, то этого-то они и не получат. Я не хочу этим сказать, что родители должны умышленно поступать наперекор желаниям детей, когда речь идет о несущественных вещах. Напротив: если дети этого заслужили своим поведением и вы уверены, что это не испортит их, не разнежит их душу и не разовьет в них любовь к пустякам, то, по моему мнению, нужно сделать все, что возможно, для их удовлетворения, с той именно целью, чтобы дети награждались удовольствием за свое хорошее поведение. Для детей самое лучшее, если они не находят удовольствия в подобных вещах и совсем не видят счастья в исполнении их прихотей, а относятся безразлично ко всему, что сама природа сделала для них несущественным. Этого главным образом должны добиваться их родители и воспитатели; но пока вы этого не добились, нельзя

им предоставлять свободу требования, которая в отношении подобных капризов должна обуздываться постоянными отказами, неизменно следующими за капризными требованиями.

Это может показаться чересчур строгим нежным родителям при их естественной снисходительности; однако это не более как необходимость. Так как предлагаемый мною метод имеет целью отменить розги, то это обуздание детских языков окажется весьма полезным для внушения им того почтительного страха, о котором мы уже много говорили, и для поддержания в них должного уважения и почтения к родителям. Во-первых, это будет приучать их сдерживаться и, таким образом, управлять своими наклонностями. Этим путем вы их научите искусству подавлять свои желания при первом же их проявлении, когда с ними легче всего справиться. Ведь, давая волю своим желаниям, мы придаем им жизнь и силу; а тот, у кого хватает дерзости превращать свои желания в требования, будет очень недалек от мысли, что он должен добиваться их осуществления. Я уверен, что всякому легче самому отказать себе в чем-либо, чем перенести отказ со стороны другого. Нужно поэтому с ранних лет приучать детей советоваться со своим разумом и пользоваться им раньше, чем давать волю своим наклонностям. Уметь останавливать свои желания и принуждать их к молчанию — это большой шаг вперед к господству над ними. Если дети усвоили привычку сдерживать порывы своих желаний и раньше, чем их высказывать, разбираться в их разумности, то эта привычка принесет им немалую пользу и в более важных вещах во всей их дальнейшей жизни. Ибо об одном я не считаю лишним повторять неустанно: о каком бы случае ни шла речь — важном или маловажном, главное (я чуть не сказал — единственное), что следует учитывать в каждом поступке ребенка,— это то, какое влияние он окажет на его душу; какую привычку этот поступок может породить и при известных условиях укоренить в нем; как это скажется в нем, когда он станет старше, и к чему в случае поощрения приведет его, когда он станет взрослым человеком.

Итак, я вовсе не думаю, что нужно умышленно причинять детям неприятности. Это слишком походило бы на бесчеловечность и бессердечие и могло бы заразить их теми же качествами. Нужно их приучать отказываться от своих влечений; их душу, как и тело, надо делать стойкой, свободной и сильной, прививая привычки обуздывать свои наклонности, а тело закалять в лишениях. Но все это нужно делать, не давая им ни малейшего повода заподозрить дурное отношение к ним. Постоянный отказ в том, чего они требуют или хотят самовольно взять, должен научить их

скромности, покорности и умению сдерживаться; а награждение за скромность и молчание теми предметами, которые им хотелось бы получить, убедит их также в любви тех, которые строго требовали от них этого послушания. То, что они сейчас примиряются с отсутствием желаемого, есть добродетель, за которую следует их в другое время вознаградить чем-либо таким, что для них полезно и приятно; нужно только, чтобы это доставалось им как естественный результат их хорошего поведения, а не как выторгованная плата. Но вы потеряете свой труд и, что важнее, любовь и уважение детей, если они смогут получать от других то, в чем вы им отказываете. Против этого нужно твердо бороться, за этим нужно тщательно следить. Здесь опять прислуга становится мне поперек дороги.

§108. Если начать воспитание вовремя, если с ранних лет приучать детей подавлять свои желания, эта полезная привычка сделает их дисциплинированными; по мере же того, как они становятся старше и рассудительнее, можно предоставлять им большую свободу в тех случаях, когда в них говорит разум, а не страсть: ибо к голосу разума всегда следует прислушиваться.

Но если никогда не следует слушать детей, когда они заводят речь об определенных вещах, которые им хотелось бы иметь (если только эти вещи не были раньше им обещаны), то, наоборот, всегда следует их выслушивать и отвечать обстоятельно и ласково, когда они спрашивают о чем-либо, что их заинтересовало, и хотят услышать объяснение от других.

Любознательность в детях нужно так же заботливо поощрять, как другие желания — подавлять. Но если капризы следует строго обуздывать, то есть все-таки одна сфера, в которой детской выдумке надо предоставлять слово и прислушиваться к нему. Развлечения так же необходимы, как труд и пища. Но развлечения невозможны без удовольствий, которые не всегда зависят от разума, а чаще — от воображения; поэтому надо позволять детям не только развлекаться, но и делать это так, как им нравится, если только развлечения невинные и не причиняют вреда их здоровью. В этой сфере, когда они придумывают какой-либо способ развлечения, не следует их связывать запретами. Впрочем, я думаю, что при хорошо поставленном воспитании у детей редко будет возникать необходимость просить о подобной свободе. Нужно заботиться, чтобы они всегда делали с удовольствием то, что для них полезно. Пока же их еще не довели до той степени совершенства, когда какое-либо полезное занятие может стать для них развлечением, необходимо предоставлять им полную свободу в придумываемых ими детских играх; они отстанут от них, когда сами пресытятся ими. Полезные же занятия следует прерывать в такой момент,

когда дети еще занимаются с охотой, по крайней мере раньше, чем они устанут или почувствуют полное отвращение к ним; нужно, чтобы дети могли возвращаться к полезным занятиям как к ожидаемому ими удовольствию. Нечего и думать, что дети правильно воспитаны, раз они еще не способны находить удовольствие в похвальных занятиях и раз чередование телесных и умственных упражнений еще не сделало для них жизнь и учение наслаждением, непрерывным потоком развлечений, в которых утомленные члены постоянно получают отдых и облегчение. Возможно ли это при всяком характере ребенка и захотят ли воспитатели и родители взять на себя этот труд, хватит ли у них благоразумия и терпения, чтобы добиться таких результатов,— я не знаю; но я не сомневаюсь, что в отношении большинства детей это достижимо, если только взять правильный курс на возбуждение в них желания похвалы, чести и доброго имени. А раз в них достаточно крепко заложены такие основы правильной жизни, с ними можно откровенно говорить о том, что им больше всего нравится, и направлять их или предоставлять им в этом отношении свободу, с тем чтобы они почувствовали, что их любят и лелеют, что те, под чьей опекой они находятся, не враги их удовольствий. Такое обращение заставит их любить ту руку, которая их ведет, и ту добродетель, к которой она их ведет.

Предоставление детям свободы в их развлечениях полезно также в том отношении, что в условиях такой свободы раскрываются природные характеры детей, выявляются их наклонности и способности, и разумные родители могут в этом почерпнуть указания относительно выбора для них карьеры и профессии и в то же время относительно способов исправления любого недостатка, который, по их наблюдениям, грозит направить ребенка на дурной путь.

§109. Дети, живущие вместе, часто спорят из-за господства, из-за того, кому из них командовать над остальными. Кто бы ни начал такой спор, его обязательно следует пресекать. Мало того, надо учить детей относиться друг к другу с величайшей уступчивостью, снисхождением и корректностью. Если они будут видеть, что это доставляет им уважение, любовь и признание и что они не теряют при этом ни одного из своих преимуществ, они будут находить в этом больше удовольствия, чем в нахальном командовании, т. е., очевидно, в противоположном складе отношений.

Взаимные обвинения детей, которые обычно выражаются только в гневных выкриках и мести, не должны вызывать с вашей стороны ни участия, ни внимания. Проявлять терпимость к детским жалобам — это

значит расслаблять и изнеживать их душу. А если они иногда переносят противоречия или обиды со стороны других, причем им не разрешают видеть в этом что-то необычайное и непереносимое, то оттого, что они таким образом приучаются терпеть и рано закаляются, никакого вреда для них не будет. Не откликаясь на жалобы обиженных, вы должны, однако, когда являетесь непосредственным свидетелем нанесенной обиды, побранить за нее в присутствии обиженного; если же жалоба действительно заслуживает вашего внимания, а также для предупреждения на будущее время сделайте выговор обидчику наедине, в отсутствие жалобщика, и заставьте его пойти просить у последнего прощения и исправить свою вину: он и сам это сделает охотнее, если выйдет так, как будто он действует по собственному побуждению; да и тот примет извинение более ласково, и, таким образом, дружба между ними укрепитя; помимо того, ваши дети усвоят привычку к вежливости.

§110. Что касается обладания и владения вещами, то учите детей легко и свободно делиться со своими друзьями тем, что у них есть, и заставьте их убедиться на опыте, что самый щедрый человек всегда оказывается и самым богатым да вдобавок еще пользуется признанием и одобрением; и тогда они быстро научатся быть щедрыми на деле. Я полагаю, что таким путем вы скорее сделаете братьев и сестер более ласковыми и вежливыми по отношению друг к другу, а следовательно, и к другим, чем десятками правил о хороших манерах, которыми обычно мучают и стесняют детей. Жадность и желание обладать и иметь под своей властью больше, чем нам нужно, являются корнем всех зол, и поэтому эти качества следует искоренять с ранних лет и со всей тщательностью, а противоположную черту — готовность делиться с другими — всячески поощрять выражениями похвалы и одобрения, всегда при этом заботясь о том, чтобы ребенок ничего не терял из-за своей щедрости. Пусть всегда, во всех случаях проявления подобной щедрости ребенок получает награду, и притом с процентами; и пусть он осязательно чувствует, что доброта, которую он проявляет по отношению к другим, небезвыгодна и для него самого, что она вызывает доброе отношение к нему со стороны как тех, кто воспользовался его добротой, так и тех, кто ее наблюдает со стороны. Делайте это предметом соревнования между детьми, чтобы они старались превзойти друг друга в этом отношении. Когда же, таким образом, благодаря постоянной практике дети станут легко делиться тем, что они имеют, с другими, добросердечие укоренится в них как привычка, и они будут находить удовольствие в том, что они добры, щедры, вежливы с другими, и гордиться этим.

Если следует поощрять в детях щедрость, то уж конечно нужно очень внимательно следить за тем, чтобы они не нарушали правил справедливости; нужно всякий раз, когда дети так поступают, исправлять их, а когда есть для этого основание, и строго взыскивать.

Наши первые действия в большей мере направляются себялюбием, чем разумом или размышлением, поэтому неудивительно, если поступки детей могут сильно отклоняться от истинных критериев справедливого и несправедливого, которые появляются в нашей душе как продукт развитого разума и серьезного размышления. Чем более они склонны делать ошибки в этом отношении, тем тщательнее необходимо следить за ними: не пропускать ни малейшего отступления от этой великой социальной добродетели и исправлять ошибки, и даже в самых незначительных и маловажных случаях нужно проливать свет на их неведение и предупреждать дурные привычки; если предоставить последним развиваться свободно, то, начавшись с пустяковых объектов — с булавок и вишневых косточек, эти привычки перерастут в крупные плутни и могут в конечном результате превратиться в закоренелую нечестность.

При первом же проявлении у детей склонности к какой-либо несправедливости родители и воспитатели должны подавлять ее выражением своего удивления и отвращения. Но так как дети не могут ясно понимать, что такое несправедливость, раньше, чем они поймут, что такое собственность и как она достается отдельным лицам, то самый надежный способ обеспечить честность — это заложить с ранних лет ее основы в форме щедрости и готовности делиться с другими тем, что они имеют или любят. Этому можно их научить рано, еще до того, как они достаточно овладеют языком и мышлением, чтобы составить себе ясное представление о собственности и понять, что принадлежит им по особому праву, исключаящему право других. И поскольку дети получают что-либо в большинстве случаев от своих родителей и редко не в виде подарка, а как-то иначе, то их можно сначала учить не брать и не удерживать у себя ничего, кроме того, что им дано лицами, имеющими, по их представлению, право распоряжаться данным предметом. По мере же их дальнейшего развития можно сообщать и внушать им другие правила и примеры справедливости и права, относящиеся к «моему» и «твоему». Если же какой-либо несправедливый поступок явно проистекает не от ошибки с их стороны, а от порочности воли и мягкие выговоры и стыд не в состоянии исправить эту порочность и корыстную наклонность, то нужно применить более суровые средства исправления. Но отнимать у детей то, что они ценят и считают своей собственностью, должны только отец, воспитатель или же кто-либо

другой по их поручению. На подобных примерах можно дать детям понять, как мало для них выгоды несправедливо присваивать себе то, что принадлежит другому, раз есть на свете люди посильнее и постарше их. Если же постараться — что я считаю возможным — внушить им с ранних лет искреннее отвращение к этому постыдному пороку, то это будет верным и действенным способом его устранения: это лучше предохранит их от бесчестности, чем все соображения, основанные на интересе. Ибо привычки действуют с большим постоянством и с большей легкостью, чем разум, к совету которого мы прибегаем редко и которому мы еще реже повинемся именно в те моменты, когда наиболее в нем нуждаемся.

§ 111-120

§111. Такой недостаток, как привычка плакать, не должен быть терпим в детях; и не только потому, что детский плач наполняет дом неприятным и неприличным шумом, а по более важным соображениям, касающимся самих детей, т. е. затрагивающим нашу главную цель в воспитании.

Плач детей бывает двоякого рода: упорный и властный или жалобный и ноющий.

1. Плач детей часто является выражением притязания на господство и открытым проявлением их дерзости и упорства; не будучи в силах добиться осуществления своего желания, они хотят криком и плачем утвердить свое притязание и право на его удовлетворение. Это означает, что они явно настаивают на своем требовании и по-своему протестуют против угнетения и несправедливости тех, кто отказывает им в их желании.

§112.2. Иногда же детский плач вызывается подлинным страданием или искренним огорчением и является выражением жалости к себе по поводу этих страданий.

При внимательном наблюдении легко различить эти два рода плача по выражению лица, по взглядам, по действиям и особенно по тону самого плача; но ни того ни другого не следует допускать и еще менее следует поощрять.

Упорный или капризный плач ни в коем случае не должен быть терпим, ибо это означало бы в другой форме потакать их желаниям и поощрять их страсти, обуздание которых является нашей главной задачей. А

если, как это часто бывает, подобный плач следует за полученным наказанием, то он совершенно уничтожает все его полезное действие, ибо наказание, которое оставляет детей в состоянии открытой оппозиции, только способствует их порче. Всякие взыскания и наказания, налагаемые на детей, оказываются неудачными и бесплодными, если они не побеждают их волю и не научают их подавлять страсти, если они не делают их душу уступчивой и послушной указаниям родительского разума и этим не готовят к тому, чтобы впоследствии следовать указаниям своего собственного разума. Но если вы позволяете им в каждом случае, когда не исполняется их желание, уходить с плачем, то в результате получается, что они только укрепляются в своем желании, поддерживают в себе злость и вместе с тем заявляют о своем праве и решимости при первом удобном случае удовлетворить свою склонность. Это соображение является, следовательно, лишним аргументом против частого применения побоев: ибо всякий раз, когда вы прибегаете к этой крайней мере, не достаточно просто высечь или побить, но вы должны продолжать это наказание до тех пор, пока не убедитесь, что подчинили их душу, что они принимают наказание с покорностью и терпением; а обнаружить это вы лучше всего можете по их плачу и по тому, что они перестают плакать по вашему приказанию. Иначе телесное наказание детей превращается в бессмысленное мучительство: причинять детям телесную боль, не принося пользы их душе,— это чистая жестокость, а не способ исправления. Будучи доводом против частого применения телесных наказаний, указанный прием вместе с тем устраняет самую необходимость часто прибегать к ним. Ибо, если всякий раз, когда вы наказываете их, делаете это бесстрастно, трезво и вместе с тем основательно, нанося удары и причиняя боль не с бешенством и не сразу, а размеренно, чередуя удары с увещаниями, наблюдая за их действием и прекращая наказание лишь тогда, когда оно сделало ребенка покорным и послушным и вызвало в нем раскаяние, тогда дети редко будут нуждаться в повторении наказания, так как будут стараться избегать самих проступков, заслуживающих наказания. Кроме того, если наказание при таком способе не может остаться бесплодным, поскольку не было ни слишком слабым, ни недейственным, то оно не будет и чрезмерным, так как мы прекращаем его в тот момент, когда заметили, что оно дошло до души и исправило ее. Брань и побои должны всегда допускаться в возможно меньших дозах; но если это делается в пылу гнева, то необходимая мера редко соблюдается, а обыкновенно превышает, хотя и с эффектом менее чем достаточным.

§113.2. Многие дети склонны плакать по поводу всякой незначительной боли, испытываемой ими, и малейшая случившаяся с ними

неприятность вызывает с их стороны жалобы и вопли. Не многие дети свободны от этого: это у них первый и естественный способ заявлять о своих страданиях и нуждах, пока они еще не научились говорить; сострадание же, которое считается обязательным по отношению к этому нежному возрасту, безрассудно поощряет и поддерживает в них эту привычку долгое время уже после того, как они научились говорить. Я понимаю, что долг тех, кто смотрит за детьми,— относиться к ним с сочувствием, когда последние испытывают какое-либо страдание; однако не следует выражать это в виде соболезнования. Помогайте им, облегчайте их страдания как только можете, но ни в коем случае не стоните жалобно над ними. Это расслабляет их душу, и они начинают поддаваться малейшей боли, выпадающей на их долю; благодаря этому боль глубже проникает в ту часть тела, в которой она в данный момент сосредоточена, и наносит более тяжелые раны, чем вызвала бы сама по себе. Дети должны быть закалены против всяких страданий, особенно телесных; они должны обладать лишь той чувствительностью, которая вытекает из искреннего стыда и из живого сознания своего доброго имени. Многочисленные превратности, которым подвержена наша земная жизнь, требуют от нас, чтобы мы не были слишком чувствительны к любому незначительному страданию. То, чему не поддается наша душа, производит лишь слабое впечатление и не причиняет нам особенно большого вреда. Только душевное страдание причиняет боль и затягивает ее. Эта стойкость и нечувствительность души — лучшее оружие, какое только и может быть у нас против обычных бед и случайностей жизни. А так как такая закалка достигается упражнением и привычкой в большей мере, чем каким-либо иным путем, то соответствующую практику необходимо начать своевременно; и счастлив тот, кто рано приобрел ее. Изнеженность духа, которую следует предупреждать и излечивать, ничем, насколько мне известно, не усиливается у детей в такой степени, как плачем; поэтому ничто так не приостанавливает ее развитие и не подавляет ее, как запрещение такого рода жалоб. Когда дети испытывают незначительную боль от ушиба или падения, следует не выражать свою жалость, а не разрешать им повторять это. Таким образом, вы не только прекратите их плач, но и скорее вылечите их от неосторожности и предупредите дальнейшие падения, чем бранью или преувеличенными выражениями жалости. Но каковы бы ни были полученные ими ушибы, прекращайте их плач: это доставит им больше спокойствия и облегчения в данный момент и закалит их на будущее время.

§114. Первый род плача требуется прекращать строгостью; и когда для этого недостаточно одного только взгляда или прямого приказания,

нужно побить: поскольку причина плача лежит в гордости, упорстве и строптивости, нужно сломить ту волю, в которой сидит порок, нужно покорить ее, применяя силу, достаточную для ее одоления. Второй же род плача вызывается обыкновенно душевной слабостью, т. е. причиной совершенно противоположной; поэтому к нему следует относиться с большей мягкостью. Уговоры, отвлечение мыслей в другую сторону, подтрунивание над хныканьем могут оказаться на первый раз подходящими приемами; но при этом необходимо учитывать обстоятельства каждого случая и особенности характера ребенка; никаких определенных и неизменных правил здесь нельзя дать: дело должно быть предоставлено благоразумию родителей и воспитателя. Можно, однако, как мне думается, в качестве общего правила рекомендовать на этот род плача всегда реагировать выражением порицания: отец должен всегда, пользуясь своим авторитетом, прекращать его — выражением большей или меньшей строгости в своих взглядах и словах в зависимости от возраста и степени упорства ребенка; во всяком случае каждый раз следует проявлять достаточную суровость, чтобы прекратить хныканье и положить конец беспорядку.

§115. Трусость и храбрость так тесно связаны с упомянутыми чертами характера, что нельзя здесь не остановиться на них. Страх — это чувство, которое, если им надлежащим образом управлять, имеет свою полезную сторону. И хотя редко бывает, чтобы себялюбие не поддерживало в нас это чувство бдительным и на достаточной высоте, однако возможен и избыток отваги. Безрассудная смелость и нечувствительность к опасности так же мало разумны, как и трепет и испуг в случае приближения малейшей беды. Страх дан нам как предостережение, побуждающее нас напрягать наши способности и остерегаться грозящего зла; поэтому не бояться вовсе наступающей беды, не пытаться точно оценить опасность, а бросаться в нее очертя голову, не думая, какая от этого будет польза или что из этого выйдет,— это не решительность разумного существа, а ярость зверя. Тем, чьи дети обнаруживают такой темперамент, остается только пробудить в них разум, к голосу которого быстро заставит их прислушаться чувство самосохранения, если только (как это обычно бывает) какая-либо другая страсть не заставит их действовать очертя голову, без смысла и соображения. Нежелание испытать несчастье настолько естественно, что, я думаю, нет человека, который бы не боялся его; ведь страх есть не что иное, как беспокойное состояние ожидания, что с нами случится что-то неприятное. Следовательно, если кто-либо идет навстречу опасности, мы можем сказать, что его толкает на это или незнание, или веление какого-либо более

властного чувства, ибо никто не враг себе настолько, чтобы идти на страдание добровольно и искать опасность ради опасности. Поэтому, если гордость, тщеславие или бешенство заглушают в ребенке страх или мешают ему последовать указанию этого чувства, нужно соответствующими мерами побороть указанные мотивы, чтобы небольшое рассуждение могло охладить его пыл и заставить его сообразить, стоит ли попытка риска. Но так как среди детей этот недостаток не так уж часто встречается, то я не буду подробно останавливаться на средствах его исправления. Гораздо более распространенным недостатком является малодушие, которое требует поэтому большего внимания.

Мужество является стражем и опорой всех других добродетелей, и без него человек навряд ли будет тверд в исполнении своего долга и навряд ли проявит характер истинно достойного человека.

Мужество, помогающее нам бороться с опасностями, внушающими нам страх, и с бедствиями, которые мы переживаем, очень полезно в том положении, в котором мы находимся в этой жизни, где нападения возможны со всех сторон. Поэтому весьма благоразумно снабжать детей указанным оружием возможно раньше. Правда, природный характер играет здесь большую роль; но даже в том случае, когда характер неполноценен и сердце само по себе слабо и робко, правильное воспитание может сделать его более решительным. Я уже указал, что нужно делать для того, чтобы предупредить расслабление детской души страхами, внедренными в нас с детства, или хныканьем при каждом незначительном страдании. Теперь нам нужно рассмотреть, как закалить их характер и укрепить в них мужество, когда мы обнаруживаем, что они слишком подвержены страху.

Истинное мужество человека заключается, по моему мнению, в спокойном самообладании и в невозмутимом выполнении своего долга, какие бы бедствия его ни постигали и какие бы опасности ни лежали на его пути. Людей, обладающих этим качеством, так мало среди взрослых, что мы не можем ожидать его от детей. Однако кое-что сделать можно, а именно разумным руководством, незаметными переходами привести их к гораздо большим достижениям, чем мы ожидаем.

Невнимание к этой важной задаче в годы детства является, возможно, причиной того, что так мало людей обладает в полной мере этой добродетелью, уже будучи взрослыми. Я бы не сказал этого о нации, обладающей такой природной храбростью, как наша, если бы я считал, что истинное мужество требует лишь храбрости в бою и пренебрежения жизнью перед лицом врага. Конечно, эти качества являются немаловажными

элементами мужества, и нельзя отрицать, что лавров и почестей достойны те доблестные люди, которые рискуют жизнью ради своего отечества. Однако это еще не все. Опасности угрожают нам и в других местах, не только на поле битвы: хотя смерть — царь ужасов, однако страшные лики физического страдания, бесчестья и нищеты также способны расстроить большинство людей, на которых они грозят обрушиться; и есть люди, которые, не робея перед одними опасностями, испытывают смертельный ужас перед другими. Истинное мужество готово встретиться с любой опасностью и остается непоколебимым, какое бы бедствие ни угрожало. Я не хочу этим сказать, что оно недоступно никакому страху вообще. Где опасность налицо, там не может не возникнуть чувство страха, если только мы не имеем дело с человеком тупоумным; где есть опасность, должно быть и сознание опасности, а также такая мера страха, которая держала бы нас настороже и заставила бы напрячь внимание, активность и энергию, не нарушая в то же время нашей способности спокойно думать и не мешая нам следовать указаниям разума.

Первый шаг к приобретению этой благородной и мужественной твердости заключается, как я уже упоминал, в том, чтобы тщательно оберегать детей, пока они малы, от всякого рода страхов. Не допускать, чтобы детям рассказывали о разных ужасах и пугали их страшными предметами. Это часто настолько потрясает и расстраивает душу, что она уже никогда больше не может оправиться, и человек в течение всей своей жизни при первом намеке, при первом же возникновении какого-либо страшного представления теряется и смущается: тело расслабляется, душа в смятении, человек перестает быть самим собою и теряет способность к спокойному и разумному действию. Вызывается ли это привычным движением животных духов [35], проникших в организм при первом сильном впечатлении, или каким-либо изменением конституции, которое произошло менее понятным путем, но факт остается верным сам по себе. Примеры людей, которые на всю Жизнь сохранили в своей слабой и робкой душе впечатление ужаса, пережитого в детстве, мы можем встретить повсюду; поэтому подобные впечатления нужно всячески предупреждать.

Затем следует постепенно и осторожно приучать детей к тем предметам, в отношении которых у них существует преувеличенный страх. Но здесь требуется большая осмотрительность: не следует проявлять чрезмерную торопливость и начинать это лечение слишком рано, иначе вы можете усилить зло, вместо того чтобы его устранить. От маленьких детей, которых еще носят на руках, нетрудно устранять пугающие их предметы; а

пока они еще не умеют говорить и не способны понимать то, что им говорят, они едва ли воспримут рассуждения и доказательства, которыми приходится пользоваться, чтобы убедить их, что ничего опасного нет в тех страшных предметах, с которыми мы хотим их познакомить, приводя их постепенно в более близкое соприкосновение с ними. Поэтому редко приходится по отношению к детям применять этот прием раньше, чем они научатся ходить и говорить. Но если бы случилось, что ребенок испугался какого-либо предмета, который нелегко устранить из его обстановки, и если каждый раз, когда этот предмет бросается ему в глаза, ребенок обнаруживает признаки испуга, то следует применять всяческие способы успокоения его страха, пока этот предмет не станет для него привычным и безобидным, отвлекая мысль ребенка к другому или соединяя с данным предметом какие-либо занимательные и приятные впечатления.

Нетрудно, мне думается, заметить, что дети в первое время после рождения реагируют одинаково на все предметы, попадающие в поле их зрения, если только последние не действуют болезненно на их зрение, что они не больше пугаются черного негра или льва, чем своей кормилицы или кошки. Что же в таком случае вызывает у них впоследствии чувство страха в известных сочетаниях форм и красок? Не что иное, как опасение вреда, ассоциирующегося с этими вещами. Я думаю, что если бы дитя каждый день сосало грудь другой кормилицы, оно бы в своем шестимесячном возрасте меньше пугалось перемены лиц, чем люди в возрасте шестидесяти лет. Причина, по которой ребенок не идет к постороннему человеку, заключается в том, что, привыкнув получать пищу и ласку от одного или двух лиц, постоянно находящихся при нем, ребенок боится, как бы, перейдя на руки к чужому человеку, он не лишился того, кто ласкает и кормит его и постоянно удовлетворяет его нужды, столь часто испытываемые; отсюда тот страх, который овладевает ребенком, когда его кормилица куда-нибудь уходит.

Единственное, что вызывает у нас естественный страх,— это страдание или утрата удовольствия. И так как эти чувства не связаны с формой, цветом или размером видимых предметов, то ни один предмет не возбуждает в них страха до тех пор, пока он не причинил им страдания или пока им не указали, что он может причинить вред. Веселый блеск и яркость огня и пламени так привлекают детей, что в первое время они всегда стремятся схватить огонь руками; лишь после того, как постоянный опыт, сопровождающийся мучительной болью, покажет им, как огонь жесток и безжалостен, они начинают бояться дотронуться до него и тщательно его избегают. Когда источник страха таков, нетрудно найти, откуда он возникает

и как исцелить от него в тех случаях, когда страх, внушаемый предметом, основан на ошибке. Когда же душа окрепнет и научится владеть собою и преодолевать свои обычные страхи в маловажных случаях, она будет хорошо подготовлена к тому, чтобы встретиться с более реальными опасностями. Ваш ребенок поднимает крик и пускается бежать при виде лягушки — пусть другой поймает ее и положит на значительном расстоянии от него. Раньше всего приучите его спокойно наблюдать за этой лягушкой, а когда он к этому привыкнет — подходить к ней ближе и спокойно смотреть на ее прыжки; затем слегка дотрагиваться до нее, когда другой крепко держит ее в руке, и так далее, пока ребенок не научится обращаться с ней так же доверчиво, как с бабочкой или воробьем. Таким же путем могут быть устранены и другие неосновательные страхи; нужно только стараться делать это не торопясь и не тянуть ребенка на следующую ступень уверенности, пока он крепко не утвердился на предыдущей. Так следует готовить юного воина к житейским битвам; при этом не надо рисовать опасность большей, чем она встречается в действительности; и каждый раз, когда вы заметите в нем преувеличенный страх, следует вести его вперед нечувствительными переходами, пока наконец, освободившись от своих страхов, он не справится с затруднением и не выйдет из него с честью. Если такие успехи будут повторяться часто, они заставят его убедиться в том, что опасности вовсе не всегда столь несомненны и велики, как рисуют нам наши страхи, и, чтобы избежать их, вовсе не следует обращаться в бегство или поддаваться дезорганизующему, подавляющему и обессиливающему действию страха там, где наша честь или долг велят нам идти вперед.

Но поскольку главной основой страха у детей является боль, закаливать и вооружать их против страха и опасности можно, приучая их переносить ее. Вероятно, нежные родители сочтут это противоестественным по отношению к своим детям; а большинство родителей признает неразумным пытаться приучить кого-либо к боли, причиняя ее. Скажут, что это может внушить ребенку отвращение к человеку, который причиняет ему страдание, но никогда не сделает для него приемлемым самое страдание. Станный, скажут, метод! «Вы не хотите, чтобы детей секли и наказывали за проступки, и в то же время идете на то, чтобы мучить их, когда они ведут себя хорошо, ради самого мучения». Я не сомневаюсь, что такие возражения Мне будут сделаны и что меня признают непоследовательным или фантазером за это предложение. Я признаю, что проводить это следует с большой осторожностью, и поэтому совсем неплохо, если это будет принято и одобрено лишь теми, кто правильно мыслит и вникает в суть дела. Я не хочу, чтобы детей часто били за их проступки, так как не хочу, чтобы они

считали телесную боль величайшим наказанием. Но на этом же основании я хотел бы, чтобы им иногда причиняли боль при хорошем поведении с их стороны с той именно целью, чтобы они могли научиться переносить ее, не видя в боли величайшего из зол.

Насколько путем воспитания можно приучить молодежь переносить боль и страдания, достаточно показывает пример Спарты; и те, которые пришли к убеждению, что телесное страдание вовсе не самое большое зло и вовсе не то, чего нужно больше всего бояться, сделали немалый шаг на пути к добродетели. Я не настолько неразумен, чтобы предлагать спартанскую дисциплину в наш век и при нашей конституции. Тем не менее я утверждаю, что, осторожно приучая детей переносить не морщась не столь уж сильную боль, мы можем внушить им твердость духа и заложить в них основы мужества и решительности на всю последующую жизнь.

Первый и необходимый шаг к этому — не хныкать над ними и не позволять им самим хныкать по поводу всякой незначительной боли, которую они испытывают. Но об этом я уже говорил в другом месте.

Кроме того, следует иногда умышленно причинять им боль, но делать это нужно в такое время, когда ребенок находится в хорошем настроении и уверен, что человек, причиняющий ему боль, именно в данный момент сердечно к нему расположен. Затем, это не должно сопровождаться никакими проявлениями ни гнева или неудовольствия, с одной стороны, ни сочувствия или раскаяния — с другой; необходимо также, чтобы причиняемая боль не была больше той, которую ребенок способен вынести без ропота и не принимая это ошибочно за наказание. Я видел, как при таких обстоятельствах и при соблюдении указанной меры ребенок, получивши несколько крепких ударов по спине, убежал со смехом; между тем этот самый ребенок заплакал бы от одного неласкового слова и очень чувствительно реагировал бы на наказание со стороны того же человека, хотя бы оно выразилось только в суровом взгляде. Убедите ребенка постоянным проявлением вашей заботы и лаской в полной вашей любви к нему, и вы сможете постепенно приучить его покорно и без жалоб переносить очень мучительное и суровое обращение с вашей стороны; аналогичное мы можем ежедневно наблюдать во взаимоотношениях детей при играх. Чем нежнее, по вашему мнению, ребенок, тем больше вы должны искать подходящих возможностей закалить его. Главное искусство заключается здесь в том, чтобы начинать с самого незначительного страдания, постепенно и незаметно затем усиливая его, и притом делать это в такие моменты, когда вы играете и забавляетесь с ним или хвалите его. И если вы добьетесь того, что в похвале, получаемой за мужество, он находит компенсацию за

испытанное страдание, что он гордится этими проявлениями своего мужества, что он предпочитает пользоваться репутацией смелого и стойкого юноши, а не уклоняться от незначительной боли или малодушно на нее реагировать, то вы можете надеяться, что со временем, опираясь на поддержку со стороны его растущего разума, вы одолеете в нем робость и исправите слабость его конституции. Когда он подрастет, нужно подвигать его на более смелые действия, чем те, на которые он способен в силу своего природного характера; если вы видите, что он отступает перед чем-либо таким, с чем, по вашему основательному предположению, вполне бы справился, если бы только имел смелость взяться за это, то сначала поддержите его, затем постарайтесь постепенно подвинуть его вперед, пользуясь присущим детям чувством стыда, пока наконец он не обретет уверенности в себе, а вместе с нею и власти над собою; в награду за свое достижение он должен получить похвалу и одобрение других. Когда же он таким образом постепенно приобретет достаточную решительность, чтобы не уклоняться из страха перед опасностью от исполнения своего долга; когда страх не будет в неожиданных или опасных случаях расстраивать его душу и приводить в дрожь его тело, лишая его способности к действию и побуждать уклониться от него — тогда можно будет сказать, что он обладает мужеством разумного существа. Таковую именно закалку мы должны путем привычки и упражнений давать детям, используя для этой цели каждый подходящий случай.

§116. Я часто наблюдал у детей следующую черту: когда им попадет в руки какое-нибудь беспомощное создание, они склонны дурно обходиться с ним: часто мучают и очень жестоко обращаются с маленькими птичками, бабочками и другими подобными беспомощными животными, оказавшимися в их власти, причем делают это с каким-то видимым наслаждением. Я считаю, что нужно здесь за ними следить и, если у них проявляется склонность к такой жестокости, учить их противоположному обращению; ибо под влиянием привычки мучить и убивать животных их душа будет постепенно грубеть также по отношению к людям; и те, которые находят удовольствие в причинении страданий и уничтожении низших существ, не будут особенно склонны проявлять сострадание и кроткое отношение к себе подобным. Наша практика учитывает это тем, что исключает мясников из состава присяжных, решающих вопросы жизни и смерти человека. Нужно с самого начала воспитывать в детях чувство отвращения к убийству или истязанию какого бы то ни было живого существа; нужно приучать их не портить и не уничтожать ни одной вещи, кроме тех случаев, когда это необходимо для сохранения или пользы чего-

либо другого, более ценного. В самом деле, если бы каждый ставил своей целью — в той мере, в какой это от него зависит,— сохранение всего человечества, что действительно является долгом каждого, и если бы эта цель сделалась регулятивным принципом нашей религии, нашей политики и морали, то человечество пользовалось бы большим покоем и было бы нравственнее, чем теперь. Но вернемся к нашей теме. Я не могу не одобрить благоразумие и доброту одной матери, моей знакомой, которая всегда относилась снисходительно к желанию своих дочерей иметь собак, белок, птичек или тому подобных животных, которыми маленькие девочки обыкновенно любят забавляться; но когда они получали этих животных, им вменялось в обязанность: хорошо обращаться с ними и старательно заботиться, чтобы те ни в чем не нуждались и не подвергались дурному обращению. Если же они проявляли небрежность в уходе за ними, это считалось большим проступком, за который дети или лишались животного, или по меньшей мере получали выговор. Таким образом они с ранних лет приучались к заботливости и добросердечию. И право, необходимо, как мне думается, приучать детей с самой колыбели мягко относиться ко всем чувствующим существам, и никому из них не приносить вреда, и никого из них не уничтожать.

Это удовольствие, которое они находят в причинении зла, под которым я подразумеваю бесцельную порчу любой вещи, и в особенности удовольствие, получаемое от причинения боли всему, что способно ее чувствовать, я могу себе объяснить только склонностью, внушенной им извне, привычкой, заимствованной из обычаев окружающей среды. Взрослые учат детей драться; взрослые смеются, когда дети причиняют боль другому, когда дети смотрят, как причиняется вред другому. Таким образом, примеры окружающих в большинстве случаев только укрепляют детей в этом чувстве. Все, чем их занимают и что им рассказывают из истории, сводится почти исключительно к войнам и убийствам; а почет и слава, окружающие завоевателей (которые в большинстве своем были только великими мясниками человечества), еще больше сбивают с правильного пути подрастающую молодежь, которая, таким образом, начинает думать, что кровопролитие — дело, достойное человека, и самая героическая из добродетелей. Так постепенно внедряется в нас противоестественная жестокость; и то, от чего отвращается чувство человечности, санкционируется и рекомендуется нам обычаем как путь к славе. Так благодаря обычаю и общественному мнению становится удовольствием то, что само по себе таковым не является и быть не может. За этим нужно тщательно следить и с ранних лет принимать противоборствующие меры:

насаждать и культивировать в детях противоположные, более естественные чувства доброты и сострадания, действуя при этом такими же осторожными методами, какие должны применяться по отношению к двум другим недостаткам, упомянутым выше. К этому, пожалуй, будет уместно присоединить только следующее предостережение: не следует вовсе взыскивать с детей или взыскивать очень мягко, когда они причиняют друг другу повреждения во время игр по неосторожности или неведению и не из желания причинить ущерб, а действуя безотчетно, хотя бы порою этот ущерб и был значителен. Ибо я не устану повторять, что, в каком бы проступке ребенок ни провинился и каково бы ни было последствие этого проступка, при взыскании нужно обращать внимание только на его корни, нужно учитывать лишь то, к какой привычке он может привести: именно на это должны быть ориентированы меры исправления, и поэтому ребенка не следует подвергать никакому наказанию за вред, причиненный игрою или неосторожностью. Исправления требуют лишь те недостатки, которые коренятся в душе; а если они таковы, что будут исправлены временем и не грозят породить никакой дурной привычки, то следует проходить мимо данного проступка и оставлять его без всякого взыскания, какими бы неприятными обстоятельствами он ни сопровождался.

§117. Другой способ внушать и поддерживать в молодежи чувства гуманности заключается в том, чтобы приучать ее к вежливости в разговоре и обращении с низшими и простонародьем, особенно с прислугой. Довольно часто приходится наблюдать, что дети в семьях джентльменов говорят с домашней прислугой языком господ, властным тоном, употребляют пренебрежительные клички, как будто это люди другой, низшей расы и низшей породы. Внушается ли это высокомерие дурным примером, преимуществом положения или природным тщеславием, безразлично: его всегда следует предупреждать и искоренять и на его место внедрять мягкое, вежливое и приветливое обращение с людьми низшего ранга. Превосходство молодых джентльменов от этого несколько не умалится, их достоинство и авторитет только повысятся, если к внешней почтительности нижестоящих людей присоединяется еще чувство любви и если в подчинении последних будет играть известную роль также личное уважение к тем, кому они подчиняются; к тому же слуги будут нести свою службу с гораздо большей готовностью и охотой, когда увидят, что их не третируют из-за того, что судьба поставила их ниже других, поставила у ног их хозяина. Нельзя допускать, чтобы дети утрачивали уважение к человеку из-за случайностей внешнего положения. Нужно внушить им, что, чем больше им дано, тем они должны быть добрее, сострадательнее и мягче к своим собратьям, стоящим

ниже их и получившим более скудную долю в жизни. Если допускать, чтобы дети плохо обращались и грубо третировали людей на том основании, что, ввиду отцовского титула, приписывают себе некоторую власть над ними, то в лучшем случае это сделает их неблаговоспитанными; а если не принять против этого мер, то гордость превратится в привычное презрение к людям низшего положения. А к чему другому это может в конечном счете привести, как не к угнетению и жестокости?

§118. Любопытство у детей (о котором я имел случай упомянуть в § 108) есть не что иное, как влечение к знанию; оно должно быть поэтому поощряемо не только как хороший симптом, но и как великое орудие, данное им природой для устранения невежества, с которым они родились и которое, при отсутствии этой деятельной пытливости, сделало бы их тупыми и бесполезными созданиями. Средства для поощрения этого влечения и для сообщения ему активности и действенности заключаются, по моему мнению, в следующем: 1. С каким бы вопросом ребенок ни обратился, не следует обрывать или обескураживать его, как и допускать, чтобы над ним смеялись, а нужно отвечать на все его вопросы, объяснять ему все, что он желает знать, и делать это настолько понятным для него, насколько возможно при его возрасте и развитии. Но не сбивайте его с толку объяснениями или понятиями, ему недоступными, или разнообразием и обилием предметов, не относящихся непосредственно к предложенному им вопросу. Обращайте внимание на то, что в данном случае по существу интересуется ребенка, а не на слова, которыми он это выражает; и если вы будете удовлетворять его любознательность, вы увидите, как расширяются его мысли, и убедитесь, насколько высоко можно поднять его, отвечая на его вопросы, выше, чем вы, может быть, воображаете. Ведь знание так же приятно для ума, как свет для глаз: дети радуются и увлекаются им чрезвычайно, в особенности когда они видят, что к их вопросам относятся внимательно и что желание знать встречает поощрение и одобрение. Я не сомневаюсь, что главная причина, заставляющая многих детей целиком отдаваться глупым играм и бессмысленно тратить все свое время на пустяки, заключается в том, что они убедились, что их любознательность натолкнулась на стену и к их вопросам относятся с пренебрежением. Но если бы к детям относились более ласково и с большим уважением и на их вопросы давали бы надлежащие и удовлетворительные ответы, то я не сомневаюсь, что они находили бы больше удовольствия в учении и увеличении своих знаний, всегда находя здесь занимающую их новизну и разнообразие, чем в постоянном возвращении к своим играм и игрушкам.

§119. Помимо того что нужно давать детям серьезные ответы на вопросы и обогащать их ум сведениями, которые их в данный момент интересуют как что-то им действительно нужное, необходимо применять еще кое-какие специальные приемы и поощрения. Говорите в присутствии детей другим людям, с мнением которых они считаются, что дети знают такие-то и такие-то вещи: мы все, можно сказать, с колыбели — тщеславные и горделивые существа; так пусть же их тщеславие будет польщено такими вещами, которые пойдут им на пользу; пусть гордость заставит их поработать над тем, что может им пригодиться. С этой точки зрения вы должны будете убедиться, что нет лучшего стимула заставить старшего брата учиться чему-нибудь, чем возложить на него обучение его младших братьев и сестер тому же предмету.

§120. Если не следует с пренебрежением относиться к вопросам, задаваемым детьми, то следует в то же время тщательно заботиться о том, чтобы они никогда не получали неверных и уклончивых ответов. Дети легко замечают, когда к ним относятся пренебрежительно или обманывают их, и быстро научаются тем приемам пренебрежительного отношения, притворства и фальши, которые наблюдают со стороны других. Мы не должны нарушать правду в общении с кем бы то ни было, но менее всего — в общении с детьми; ибо если мы играем с ними в ложь, мы не только обманываем их ожидания и мешаем им получать знания, но и развращаем их невинность и учим их самому худшему из пороков. Они ведь путешественники, недавно прибывшие в чужую страну, о которой ничего не знают; поэтому совесть обязывает нас не вводить их в заблуждение; пусть вопросы их иногда кажутся не очень серьезными, но ответы должны быть серьезны; эти вопросы могут показаться праздными нам, давно знакомым с ними, но для тех, кто еще ничего не знает, они имеют значение. Дети в отношении всего, что нам уже известно, — те же иностранцы: все вещи, с которыми они сталкиваются, вначале им так же неизвестны, как они были когда-то неизвестны и нам. И счастливы дети, которые встречаются с предупредительными людьми, готовыми снизойти к их невежеству и помочь им от него избавиться.

Если бы мы с вами в настоящий момент очутились в Японии со всей нашей мудростью и нашими познаниями, преувеличенная оценка которых, быть может, и является причиной нашего пренебрежительного отношения к мыслям и вопросам детей, и пожелали бы узнать все, что нужно знать в тамошних условиях, то я не сомневаюсь, что нам пришлось бы задать тысячу вопросов, которые какому-нибудь надменному или нерассудительному японцу показались бы весьма праздными и

назойливыми, хотя для нас эти вопросы были бы весьма существенны и нам важно было бы получить на них ответы; и мы были бы рады найти человека достаточно снисходительного и любезного, который удовлетворил бы наши запросы и просветил бы наше невежество.

Когда дети сталкиваются с новым для них предметом, они обыкновенно задают обычный вопрос иностранца: «Что это такое?» Под этим они обычно подразумевают одно только название; поэтому сказать им, как это называется, обычно и означает дать правильный ответ на их вопрос. За этим обыкновенно следует вопрос: «А для чего это?» И на этот вопрос надо ответить прямо и точно: сказать о назначении вещи и применительно к уровню их понимания объяснить, каким образом она служит своему назначению. Точно так же нужно реагировать на всякие другие вопросы с их стороны: не отделяться от детей, пока вы не дали ответа, доступного их пониманию, более того, своими ответами наводить их на дальнейшие вопросы. А может быть, подобный разговор окажется и для взрослого человека вовсе не таким праздным и маловажным, как мы склонны думать. Естественные и не внушенные вопросы пытливых детей часто наводят на такие вещи, которые могут дать толчок мысли и умному человеку. И я думаю, что неожиданные вопросы ребенка могут научить большему, чем разговоры со взрослыми людьми, высказывающими ходячие мысли, которые лишь отражают заимствованные понятия и предрассудки, привитые воспитанием.

§ 121-130

§121.4. Быть может, не мешает иногда возбуждать любопытство детей, нарочно сталкивая их с необычными и новыми для них предметами с целью подстрекнуть их пыливость и предоставить им случай получить сведения об этих предметах. Если же случится, что любопытство заставит их задать вопрос о том, чего они не должны знать, то гораздо лучше, чем отделяться от них ложью или каким-нибудь пустым ответом, прямо сказать, что этого им еще не следует знать.

§122. Бойкость, проявляющаяся иногда так рано, вытекает из начала, которое редко сочетается с сильной телесной конституцией и редко развивается в интеллектуальную силу. Я думаю, что если захотеть сделать из ребенка более бойкого болтуна, то можно найти пути к этой цели; но я полагаю, что разумный отец предпочтет видеть своего сына способным и дельным человеком, когда тот вырастет, тому, чтобы он составлял приятную

компанию и доставлял развлечение другим в детские годы. Если же я должен и на этом остановиться, то я сказал бы, что приятнее иметь ребенка, умеющего здраво рассуждать, чем ребенка, умеющего мило болтать. Поэтому поощряйте его любознательность, как только можете, удовлетворяя его запросы и обогащая его ум знаниями в пределах его способностей. Если рассуждения ребенка сколько-нибудь сносны, пусть он получает одобрение и похвалу; если же он совершенно запутался, нужно осторожно выводить его на правильный путь, а не смеяться над его ошибками; если он обнаруживает склонность рассуждать о вещах, с которыми сталкивается, старайтесь, насколько можете, чтобы никто не подавлял в нем этой склонности и не давал ей дурного направления софистической и фальшивой манерой разговаривать с ним. Ибо после всего прочего воспитание этой высшей и важнейшей способности нашей души заслуживает величайшей заботы и внимания с нашей стороны: правильное усовершенствование и упражнение нашего разума есть высшее совершенство, которого человек может достигнуть в этой жизни.

§123. В противоположность деятельному и пытливому темпераменту у детей иногда наблюдается вялое равнодушие, отсутствие интереса к чему бы то ни было и несерьезное отношение даже к своему делу. Это шалопутное настроение я считаю одним из самых худших качеств, какие только могут проявиться у детей, и одним из тех качеств, которые труднее всего исцелить, если они свойственны ребенку от природы. Но так как в этом отношении возможны в иных случаях ошибки, необходимо заботиться о правильной оценке этого несерьезного отношения детей к книге и к занятиям, на которое мы нередко слышим жалобы. При первом появлении у отца подозрения, что его сын имеет склонность к бездельничанью, он должен тщательно проследить, проявляются ли вялость и равнодушие во всех действиях его сына, или же он вял и медлителен лишь в некоторых вещах, а в других проявляет активность и живость. Ибо, хотя бы мы и заметили, что ребенок зевает за книгой и большую часть времени, которое он проводит в своей комнате или в классе, бездельничает, нельзя, однако, сейчас же делать заключение, что это происходит от лени, лежащей в его характере. Может быть, это ребячество, а может быть, он предпочитает учению что-нибудь другое, что привлекает его мысли, и его нелюбовь к книге, естественно, вызвана тем, что книга навязывается ему как обязательный урок. Чтобы вполне в этом разобраться, вы должны понаблюдать за ним во время игры, когда он находится за пределами классной комнаты и в часы, свободные от учебных занятий, отдается своим склонностям, и посмотреть, не проявляет ли он подвижности и активности,

не увлекается ли он той или другой целью, усердно и бодро добиваясь ее, пока не достигнет того, к чему стремится, или же он проводит свое время в ленивой и вялой дремоте. Если эта вялость появляется у него только тогда, когда он сидит за своим учебником, я думаю, что от нее легко вылечить его. Если же она лежит в самом характере, то для ее устранения потребуется несколько больше труда и внимания.

§124. Если по серьезности, проявляемой им в игре или в чем-либо другом, что его занимает в промежутках между часами занятий, вы убедились, что по натуре своей он вовсе не склонен к лени и что только отсутствие интереса вызывает у него равнодушие и вялое отношение к книжным занятиям, то сначала следует попытаться мягко поговорить с ним о неразумности и неправильности такого поведения, указывая, что оно приводит к значительной потере времени, которое он мог бы использовать для развлечения. Но обязательно говорите с ним в спокойном и ласковом тоне, вначале особенно не распространяясь, а ограничиваясь лишь этими краткими и простыми доводами. Если это привело к успеху, вы достигли цели самым желательным путем: доводами и лаской. Если же этот более мягкий прием не имел успеха, тогда попытайтесь его пристыдить, посмеиваясь над ним, задавая ему каждый день за столом вопрос — если только нет при этом посторонних людей,— много ли он занимался сегодня своими уроками, а если он не приготовил их, хотя времени было достаточно, чтобы справиться с ними, высмеивайте его. Однако не присоединяйте к этому брани; ограничивайтесь только холодным тоном разговора и так держитесь по отношению к нему до тех пор, пока он не исправится. И пусть подобным же образом ведут себя по отношению к нему мать, воспитатель и все окружающие. Если и это не окажет желанного действия, то скажите ему, что больше не будете его принуждать заниматься с воспитателем, несущим заботы о его воспитании; что вы не намерены больше тратить денег на воспитателя ради того только, чтобы тот празднично проводил с ним время; что раз он предпочитает вместо книг заниматься тем-то и тем-то (смотря по тому, какой игрой он увлекается), то отныне только этим он и должен будет заниматься; и посадите его всерьез за его любимые игры, делайте это настойчиво и серьезно, утром и после полудня, до тех пор, пока он не пресытится полностью и у него не явится желание во что бы то ни стало заменить это несколькими часами книжных занятий. Но если вы задали ему урок в виде игры, то или вы сами должны обязательно присмотреть за ним, или же поручить кому-либо другому неуклонно следить за тем, чтобы он занимался, и не допускать, чтобы он и здесь проявлял свою лень. Я говорю: следите сами, ибо, как бы отец ни был занят, исцеление сына от такого

крупного порока, как нежелание заниматься, заслуживает того, чтобы отец посвятил своему сыну два-три дня.

§125. Такие меры я предлагаю для тех случаев, когда мы имеем дело не с ленью, коренящейся в характере мальчика, а со специфическим или приобретенным отвращением к учению; это вы должны тщательно исследовать и различать. Но, следя за ним и наблюдая, что он делает в те часы, которыми располагает по своему усмотрению, вы или кто-либо другой вместо вас должны это делать незаметно для него, иначе ваше наблюдение будет мешать ему отдаваться своей склонности: будучи всецело ею поглощен, но не смея из страха, внушенного вами, добиваться того, к чему его влекут его мысли и сердце, он будет кое-как заниматься всем остальным, к чему у него нет влечения; и, таким образом, может показаться, что он ленив и вял, хотя в действительности он только проникнут сейчас желанием делать другое и не решается на это из опасения, что вы увидите или узнаете об этом. Чтобы можно было в этом ясно разобраться, наблюдение должно производиться в вашем отсутствии, когда ребенка не связывает подозрение, что кто-то следит за ним. В эти часы полной свободы пусть кто-либо, на кого вы можете положиться, следит за т&м, как он проводит время: не уходит ли оно у него в полном безделье именно тогда, когда он, ничем не сдерживаемый, предоставлен своей собственной склонности. Таким образом, по тому, чем он занимается в такие часы своей свободы, вы легко разберете, что именно заставляет его лениться в часы учения: вялость ли характера или отвращение к учебнику.

§126. Если какой-нибудь изъян конституции наложил печать на его душу и он вял и сонлив от природы, то справиться с этим малообещающим предрасположением — очень нелегкое дело; ибо, сопровождаемое обыкновенно безразличным отношением к будущему, оно характеризуется отсутствием двух великих стимулов к действию: предусмотрительности и желания. Возникает вопрос: как же привить и развить эти свойства в тех случаях, когда природа создала противоположный, холодный характер? Как только вы убедились, что перед вами такой случай, вы должны тщательно выяснить, не существует ли что-либо такое, что доставляет ребенку удовольствие; узнайте, что ему больше всего нравится, и, если вы в состоянии открыть в его душе какое-либо определенное влечение, усиливайте это влечение как только можете и используйте последнее, чтобы заставить его работать и возбудить его усердие. Если ему приятны похвала, игра или красивое платье и тому подобное или, с другой стороны, он боится боли, позора или вашего неудовольствия и тому подобного — что бы он ни

любил больше всего (исключая, разумеется, лень, ибо она никогда не заставит его работать),— используйте это для того, чтобы влить в него жизнь и расшевелить его. При подобном равнодушном темпераменте вам нечего опасаться (как во всех других случаях) чрезмерно усилить влечение своим поощрением. Именно это вам и нужно, и потому вы должны стараться возбуждать в нем и усиливать его желание: ибо там, где нет желания, не может быть никакого усердия.

§127. Если вам не удастся таким путем оказать на него достаточное влияние и возбудить в нем бодрость, вызвать в нем активность, то вы должны занять его постоянным физическим трудом — этим можно развить в нем привычку делать что-нибудь. Правда, лучший способ сообщить ему привычку упражнять и применять свой интеллект заключался бы в том, чтобы заставить его усердно изучать какой-либо предмет. Но так как здесь незаметно, насколько он внимателен, и никто не может сказать, ленится ли ребенок или нет, то вы должны найти для него физическую работу, которую он был бы обязан выполнять постоянно; и если такая работа несколько тяжела и постыдна, то это не так уж плохо, ибо она тем скорее надоест ему и возбудит в нем желание вернуться к своему учебнику. Но если вы заменяете для него учебник другой работой, вы обязательно должны давать ему такое задание, чтобы это не давало ему возможности лениться. Только после того, как вы таким способом заставите его быть более внимательным и прилежным за учебником, вы можете, в виде награды за выполнение учебного задания в положенное время, давать ему некоторую передышку от этой другой работы и затем постепенно уменьшать эту работу по мере того, как замечаете, что его прилежание становится все более и более выдержанным, и совершенно освободить его от нее, когда он излечится от лентяйничанья за книгой.

§128. Мы уже отметили выше, что дети любят разнообразие и свободу и что именно это делает для них игры привлекательными, и поэтому не следует делать принудительную работу из их уроков и вообще из всего того, чему мы желаем их научить. Их родители, воспитатели и учителя склонны забывать это, и то нетерпение, которое они проявляют в своем желании засадить детей за полезную для них работу, мешает им втягивать последних в работу незаметным для них способом; а по частым понуканиям дети быстро распознают, что от них требуют и чего не требуют. Если эта ошибочная тактика уже внушила ребенку антипатию к учебнику, то лечение нужно начать с другого конца. Но так как теперь уже слишком поздно пытаться превратить для него учение в игру, то вы должны наметить

обратный путь: вам нужно проследить, какой игрой он больше всего увлекается, и превратить ее в обязанность; заставляйте его каждый день определенное количество часов играть, и притом не в виде наказания, а в качестве занятия, которое вменяется ему в обязанность. При таких обстоятельствах, если я не ошибаюсь, самая любимая игра надоест ему за несколько дней настолько, что он предпочтет ей свой учебник или что-либо другое, особенно если это избавит его хотя бы от части возложенного на него урока обязательной игры и ему позволят часть времени, предназначенного для указанного урока, уделить учебнику или какому-либо другому действительно полезному для него занятию. Я, по крайней мере, думаю, что это более действенное средство, чем прямое запрещение (которое обычно усиливает желание) или какое бы то ни было другое наказание, для исправления этого недостатка. Ибо если благодаря вашим усилиям аппетит его удовлетворен настолько, что наступило пресыщение (что можно безопасно проделать во всем, только не в еде и питье), и довели вы до этого пресыщения тем именно, от чего вы желали его отучить, то этим самым вы внушили ему отвращение, и вам нечего уже бояться, что у него снова появится та же страсть.

§129. Мне представляется достаточно очевидным, что праздность дети, как правило, ненавидят. Поэтому вся наша забота должна быть направлена к тому, чтобы их деятельный дух был всегда занят чем-либо полезным для них; если хотите этого добиться, вы должны превращать для них необходимые, по вашему мнению, занятия в развлечение, а не делать из них обязательную работу. Как это делать, чтобы дети в то же время не могли заметить умысла с вашей стороны, я здесь указал, а именно предлагая или заставляя их под тем или иным предлогом заниматься до пресыщения тем, от чего вы хотите их отучить, и внушая им таким способом отвращение к этому делу. Например, ваш сын слишком увлекается игрой с волчком. Заставляйте его играть по несколько часов в день и следите за тем, чтобы он это действительно делал: вы увидите, как быстро эта игра надоест и как захочется ему бросить ее. Этим путем — превращая развлечения, которые вам не нравятся, в обязательное для него занятие — вы добьетесь того, что он сам будет охотно браться за дело, которым вы бы хотели заставить его заниматься, особенно если это будет предлагаться ему в виде награды за выполнение урока предписанной ему игры. А разве вы не думаете, что, если заставить его каждый день гонять волчок до тех пор, пока это ему основательно не надоест, он охотно возьмется за учебник и даже будет жаждать его, когда вы это предлагаете ему как награду за то, что он усердно гонял волчок все положенное время? Дети видят малую разницу в том, что

они делают, если только данная работа соответствует их возрасту; предпочитая одну вещь другой, они оглядываются на окружающих, и то, что те превращают в награду для детей, становится для них действительной наградой. Поэтому от их гувернера будет зависеть, явится ли скотчхоппер для них наградой за танцы или танцы — наградой за скотч-хоппер и что им будет приятнее: игра ли с волчком или чтение, игра ли в мяч или изучение глобуса? Все, что им хочется,— это быть занятыми, и притом тем, что, как им кажется, избрано ими самими или разрешено им в знак расположения их родителями и другими лицами, к которым они питают почтение и с которыми они хотели бы быть в хороших отношениях. Я думаю, что группа детей, руководимая таким образом и охраняемая от влияния дурного примера других, вся до единого будет учиться читать и писать и всему другому, чего бы вы захотели, с таким же рвением и удовольствием, с каким другие дети отдаются своим обычным играм. Так вы втянете самого старшего из них, и этим будет задан тон жизни в доме; и тогда уже невозможно будет оторвать детей от учения, как их обычно невозможно оторвать от игр.

§130. Я считаю, что дети должны иметь игрушки, и притом игрушки разного рода; но эти игрушки должны храниться у их воспитателей или у кого-либо другого, ребенок же должен получать в свое распоряжение одновременно лишь одну игрушку и, только когда он ее возвратит, получать другую. Это приучает с ранних лет остерегаться утраты или порчи вещей, находящихся в их обладании; обилие же и разнообразие игрушек, получаемых детьми в полное распоряжение, делает их легкомысленными и беспечными и с самого начала приучает быть мотами и расточителями. Я соглашусь, что это мелочи, которые могут показаться недостойными внимания воспитателя; но не следует упускать из виду и относиться с пренебрежением ни к чему, что формирует душу ребенка; все, что прививает детям привычки и навыки, заслуживает заботы и внимания со стороны воспитателя и, если смотреть на это с точки зрения последствий, вовсе не является мелочью.

Еще один момент в вопросе о детских игрушках заслуживает внимания родителей. Хотя мы согласились, что они должны быть разнообразными, однако, по моему мнению, ни одну из них не следует покупать. Этим устранится то большое разнообразие, которое часто создает для детей перегрузку и служит лишь к тому, что приучает их к постоянной погоне за переменной и изобилием, к беспокойству, к вечному желанию чего-то нового, к вечной неудовлетворенности тем, что они имеют. Подарки,

которые принято делать детям родителей с солидным общественным положением в целях угождения, причиняют малюткам большой вред. Это развивает в последних гордость, тщеславие и жадность чуть ли не ранее, чем они научаются говорить. Я знал маленького ребенка, который был настолько поглощен обилием и разнообразием своих игрушек, что утомлял свою няню, ежедневно перебирая их; ребенок так привык к этому изобилию, что никогда не считал его для себя достаточным и то и дело спрашивал: «А еще что, еще что? Что мне еще дадут?» Замечательное начало в ограничении желаний и замечательный путь к тому, чтобы сделать человека довольным и счастливым!

Но меня спросят: если никаких игрушек не следует покупать, то откуда дети будут получать те игрушки, которые им разрешается иметь? На это я отвечу: пусть они сами их делают или по крайней мере стараются делать, и пусть занимаются этим; а до того пусть обходятся без игрушек, да у них и нужды не будет в особо хитрых игрушках. Гладкий камешек, кусок бумаги, связка ключей матери и любой предмет, которым они не могут поранить себя,— все это так же может развлекать маленьких детей, как и дорогие и затейливые игрушки из магазина, которые сейчас же портятся и ломаются. Дети никогда не скучают и не огорчаются из-за отсутствия таких игрушек, если только их не приучили к ним; когда они малы, игрушкой для них может явиться все, что попадает им в руки; когда же они становятся старше, они сами смогут их делать, если только другие не будут неразумно тратить на то, чтобы их снабжать ими. Конечно, когда они начнут что-либо изобретать сами, нужно учить их и помогать им; но пока они сидят празднично в ожидании, что получают все из чужих рук, без всякого старания с своей стороны, не следует ничего им давать. А если вы помогаете им, когда они находятся в затруднении, вы будете им милее, чем если бы стали покупать им дорогие игрушки. Правда, такими игрушками, изготовление которых превышает их умение и пользование которыми связано с затратами труда, как, например, волчком или ракеткой [36] и другими в этом роде, нужно снабжать их: они должны получать их не ради разнообразия, а для упражнения; но из этих игрушек также нужно давать им самые простые. Если у них есть волчок, то кнутик и ремень нужно предоставить им сделать и приладить самим. Если же они сидят разинув рот в ожидании, что эти вещи сами свалятся им в руки, то пусть они остаются без них. Это приучит их добиваться того, что им нужно, собственными силами и собственным трудом, а тем самым они будут приучаться к скромности в желаниях, к трудолюбию, усердию, размышлению, сметливости и расчетливости; эти качества будут им полезны, когда они станут взрослыми, и поэтому должны

приобретаться возможно раньше и усваиваться возможно глубже. Все игры и развлечения детей должны быть направлены к развитию в них хороших и полезных привычек, иначе они будут приводить к дурным. Все, что они делают в нежном возрасте, оставляет известный отпечаток, и отсюда они получают склонность к доброму или дурному; и ничего из того, что оказывает подобное влияние, не следует упускать из виду.

§ 131-140

§131. Ложь — это такой удобный и общедоступный покров для любого дурного поступка, и она настолько распространена среди всякого рода людей, что ребенок вряд ли может не заметить, как ею пользуются во всех случаях; и только самой тщательной заботой можно уберечь его от опасности впасть в этот порок. Но ложь — столь дурное качество и мать столь многих пороков, которые она же и порождает и прикрывает, что необходимо внушать ребенку величайшее отвращение к ней. О лжи (если случайно, по какому-либо поводу, о ней заходит речь) следует всегда говорить с величайшим негодованием как о качестве, настолько несовместимом с именем и природой джентльмена, что ни один человек, пользующийся хоть каким-нибудь уважением, не может потерпеть, чтобы его обвинили во лжи; о ней нужно говорить как о признаке крайней бесчестности, низводящей человека на последнюю ступень постыдной низости и ставящей его на один уровень с самой презренной частью человечества и самыми отвратительными негодьями, как о чем-то, что не может быть терпимо ни в ком, кто желает иметь дело с порядочными людьми или пользоваться каким-либо уважением или доброй репутацией в свете. Когда ребенок в первый раз замечен во лжи, целесообразнее реагировать на это изумлением, как на нечто неожиданное и чудовищное с его стороны, а не наказывать его как за обыкновенный проступок. Если это не удержит его от повторения, то в следующий раз он должен получить строгий выговор и почувствовать большую немилость отца или матери и всех окружающих, знающих о его поступке. А если и этот способ не действует, вы должны прибегнуть к побоям, ибо после таких предупреждений умышленная ложь должна всегда рассматриваться как упорство и никогда не должна оставаться безнаказанной.

§132. Дети, боясь, чтобы их проступки не обнаружили во всей своей наготе, склонны, подобно всем остальным сынам Адама, придумывать для себя оправдания. Это недостаток, который обычно граничит с ложью

или приводит к ней и потому не должен быть терпим в них; но устранять его нужно скорее пристыженьем, чем суровостью. Поэтому если ребенок, спрошенный о чем-нибудь, начинает с оправдания, то советуйте ему в серьезном тоне рассказать правду: если и после этого он упорно продолжает хитрить и лгать, его следует наказать. Но если он сразу сознается, вы должны похвалить его за искренность и простить ему его проступок, каков бы он ни был, и простить так, чтобы никогда больше не попрекать им и не напоминать о нем. Ибо если вы хотите, чтобы ему нравилось быть чистосердечным, если вы хотите постоянной практикой привить ему привычку быть чистосердечным, то вы должны заботиться о том, чтобы это никогда не причиняло ему ни малейшей неприятности. Напротив, откровенное признание с его стороны должно не только влечь за собой полную безнаказанность, но и поощряться какими-нибудь знаками одобрения. Если его оправдание в каком-либо случае таково, что вы никак не можете установить в нем какую-либо ложь, то пусть оно сойдет за правду. И вы ни в коем случае не должны выказывать какое-либо подозрение. Пусть он ценит свое доброе имя, которым пользуется в ваших глазах, возможно выше; ибо, если он однажды убедится, что его потерял, вы тем самым утратите сильное и лучшее средство влиять на него. Поэтому до тех пор, пока вы можете так поступать, не поощряя в нем лживости, не давайте ему думать, что вы считаете его лжецом. Из этого соображения можно на маленькие отступления от истины смотреть сквозь пальцы. Но после того как он был однажды наказан за ложь, вы уж никогда ни в коем случае не должны прощать ее, как только заметите, что он провинился в ней. Ибо, раз этот проступок был ему запрещен и он мог в дальнейшем его избежать, если бы не стремился к нему умышленно, повторение проступка свидетельствует о полной испорченности и должно повлечь за собой подобающее наказание.

§133. Таковы мои мысли относительно общего метода воспитания молодого джентльмена. Я склонен думать, что этот метод может оказать известное влияние на общий ход его воспитания; но я далек от мысли, что им охвачены и все частные моменты, которые могут возникнуть с возрастом или вследствие особенностей характера. Предпослав эти общие соображения, мы должны теперь перейти к более специальному рассмотрению некоторых частных вопросов воспитания джентльмена.

§134. Я полагаю, что каждый джентльмен, сколько-нибудь заботящийся о воспитании своего сына, стремится к тому, чтобы сын его, помимо того состояния, которое он ему оставит, обладал еще следующими четырьмя вещами: добродетелью, мудростью, благовоспитанностью и

знанием. Я не буду сейчас заниматься разбором того, применяются ли иногда некоторые из указанных терминов для обозначения одного и того же и не покрывают ли они в действительности друг друга. Для моей цели достаточно применять эти слова в общепринятом их значении, вполне, как мне думается, ясном, чтобы я мог быть понят без затруднения.

§135. Я считаю добродетель первым и самым необходимым из тех упомянутых качеств, которыми должен обладать [простой] человек или джентльмен, и вижу в ней абсолютное условие, при котором он только и может пользоваться признанием и любовью других и иметь цену и какое-либо значение в собственных глазах. Без нее, я думаю, он не будет счастлив ни в этом, ни в ином мире.

§136. В качестве основы добродетели в душе ребенка следует очень рано запечатлеть истинное понятие о боге как о независимом высшем существе, творце и создателе всех вещей, от которого мы получаем все блага, который любит нас и дарует нам все. Поэтому вы должны поселить в ребенке любовь и почтение к этому высшему существу. Для начала этого достаточно, и в дальнейшие подробности этой темы входить не следует, ибо нужно опасаться, что если мы станем слишком рано рассказывать ребенку о духах и будем раньше времени пытаться сделать для него понятной непостижимую природу этого бесконечного существа, то мы только наполним голову ребенка ложными представлениями о нем или собьем с толку непонятными идеями. Говорите ему только при случае, что бог создал все вещи и управляет ими, что он все видит, и слышит, и делает всяческое добро тем, кто его любит и повинуется ему. Вы убедитесь, что, слыша о таком боге, он довольно скоро додумается до других мыслей о нем, которые вам надлежит исправлять, как только вы обнаружите в них что-либо неправильное. И я думаю, что было бы лучше, если бы люди вообще оставались при такой идее о боге и не стремились слишком развить свои представления о существе, которое все должны признать непостижимым.\

В этом своем стремлении многие люди, не обладающие достаточной силой и ясностью мысли, чтобы установить границу между тем, что они способны понять, и тем, чего они понять не в состоянии, впадают в суеверие или атеизм: или создают бога по своему подобию, или (не будучи в состоянии представить себе что-либо другое) вовсе отрицают его существование. И я склонен думать, что если заставлять детей постоянно, каждое утро и каждый вечер, обращаться к богу как своему создателю, хранителю и благодетелю с простой и короткой молитвой, соответствующей

их возрасту и пониманию, то от этого получится гораздо большая польза для них с точки зрения усвоения религии, знания и добродетели, чем если занимать их мысли мудреными исследованиями его таинственной сущности и бытия.

§137. Внедрив в его душу (постепенно и сообразуясь с уровнем его понимания) подобную идею о божестве и научив его молиться богу и прославлять его как своего творца и создателя всех благ, которыми ребенок наслаждается или может наслаждаться, воздерживайтесь от всяких бесед с ним о других духах до тех пор, пока упоминание о них, как, например, в случае, приводимом мною ниже, а также чтение Священного писания не наведут его на этот вопрос.

§138. Но даже тогда и во все время, пока он мал, непременно оберегайте его нежную душу от представлений и идей о духах и привидениях и от всяких страхов, связанных с темнотой.

Опасность в этом смысле угрожает со стороны неразумности слуг, имеющих привычку пугать детей, заставляя их слушать рассказы о «кровавой голове» и «окровавленных костях» и другие подобные повествования, с которыми связываются представления о чем-то страшном и опасном, чего дети имеют основание бояться, когда остаются одни, особенно в темноте. Против этого необходимо принимать самые тщательные меры, ибо хотя этим глупым приемом можно удержать детей от маловажных проступков, однако такое лекарство значительно хуже самой болезни: оно запечатлевает в воображении детей представления, которые потом преследуют их, наполняя страхом и ужасом. Подобные представления о страшных призраках, однажды проникшие в нежные души детей, производят сильное впечатление и глубоко западают им в душу, поскольку связаны с чувством ужаса; они так прочно фиксируются в детской душе, что нелегко, а иногда совершенно невозможно их оттуда изгнать; пока же эти представления остаются в душе, они часто тревожат ее странными видениями, заставляя детей и впоследствии трусить, когда они остаются одни, и даже в течение всей жизни бояться собственной тени и темноты,- На это мне жаловались уже взрослые люди, которые были таким образом напуганы в детстве; хотя разумеется исправил в них воспринятые ложные идеи и они убедились, что нет никакого основания больше бояться невидимых существ в темноте, чем при свете, однако эти представления были способны при случае снова возникать в их предрасположенной фантазии, и освободиться от них стоило немалого труда. А чтобы показать вам,

насколько прочны страшные образы, засевшие в душе в ранние годы, я расскажу довольно примечательную правдивую историю. В одном западном городе жил человек с расстроенным умом, которого мальчишки обыкновенно дразнили, когда он попадался им навстречу. Однажды этот человек, увидев на улице одного из своих мучителей, забежал в ближайшую оружейную лавку и, схватив обнаженную саблю, погнался за мальчиком. Последний, увидев его с этим оружием, бросился бежать, и, к счастью, у него хватило сил и проворства, чтобы добежать до отцовского дома раньше, чем сумасшедший мог его настигнуть. Дверь была только на щеколде; и когда мальчик уже схватился за щеколду, то повернул голову, чтобы посмотреть, как близко находится его преследователь; последний был уже у самого крыльца, держа поднятую саблю и готовый ударить его, и мальчик еле успел захлопнуть дверь, чтобы избежать удара, который хотя и не коснулся его тела, но глубоко задел его душу. Этот страшный образ произвел на мальчика столь глубокое впечатление, что оно сохранилось у него на многие годы, если не на всю жизнь. Ибо, передавая эту историю уже взрослым человеком, он говорил, что после этого случая он ни разу (насколько помнит) не подходил к той двери без того, чтобы не оглянуться назад, чем бы ни были заняты его мысли и как бы далеки они ни были перед тем от мыслей об этом сумасшедшем.

Если бы дети были предоставлены самим себе, они бы не больше боялись темноты, чем дневного, ясного солнечного света, они бы одинаково приветствовали темноту ради сна, как и свет ради своих игр. И не следует внушать им разными рассказами, что в темноте им будто бы угрожают опасности и более страшные вещи, чем при свете. А если глупость кого-либо из окружающих навязывает им идею, будто есть разница в том, находиться ли в темноте или при свете, то вы должны возможно скорее вытравить ее из их сознания. Научите детей, что бог, который создал все для их блага, создал ночь для того, чтобы они могли спать крепче и спокойнее, и что раз они находятся под его защитой, то и в темноте нет ничего такого, что могло бы им повредить. Дальнейшее просвещение их насчет бога и добрых духов нужно отложить до того момента, о котором будет речь ниже; что же касается злых духов, то будет хорошо, если вы сможете оградить их от всяких ложных представлений до тех пор, пока они не созреют для этого рода знаний.

§139. Если в ребенке уже заложены основания добродетели в виде истинного понятия о боге (которому мудро учит нас исповедание веры и которое усвоено ребенком в той мере, в какой позволяет ему возраст), а

также в виде привычки молиться этому богу, то ближайшая задача заключается в том, чтобы приучить его говорить безусловную правду и всеми мыслимыми способами развить в нем добрый характер. Ребенок должен знать, что ему скорее простятся двадцать других проступков, чем один случай уклонения от истины с целью прикрыть вину каким-нибудь оправданием. Научить его своевременно любви и доброму отношению к другим людям — это значит уже с самого начала заложить истинную основу честного человека; ведь все несправедливости обыкновенно проистекают из нашей преувеличенной любви к себе и недостаточной любви к другим людям.

Это все, что я могу в основном сказать об этом предмете и что является достаточным, чтобы заложить в ребенке первый фундамент добродетели. По мере того как он становится старше, необходимо следить за направлением его природных наклонностей. Если эти природные тенденции отклоняют его больше, чем следует, в ту или другую сторону от истинного пути добродетели, необходимо принимать надлежащие меры. Ибо немногие из сынов Адама настолько счастливы, чтобы не родиться с какими-либо отклонениями природного характера, устранение или уравнивание которых составляет задачу воспитания. Но входить в подробности этого значило бы выйти за рамки этого краткого трактата о воспитании. Я не ставлю себе задачи разобрать все добродетели и пороки и вопрос о том, какими путями может быть достигнута каждая конкретная добродетель и какими специальными средствами может быть исправлен каждый конкретный порок; впрочем, о наиболее обычных недостатках и о способах их исправления я говорил.

§140. Мудрость я понимаю в общепринятом смысле — как умелое и предусмотрительное ведение своих дел в этом мире. Она является продуктом сочетания хорошего природного характера, деятельного ума и опыта и в этом смысле недоступна детям. Самое большее, чего можно добиться в этом направлении,— это не дать им, насколько мы в силах, сделаться хитрецами; хитрость, это обезьянье подобие мудрости, как нельзя более далека от последней и так же уродлива, как уродлива сама обезьяна ввиду сходства, которое у нее имеется с человеком, и отсутствия того, что действительно создает человека. Хитрость есть только отсутствие разума: не будучи в состоянии достигнуть своих целей прямо, она пытается добиться их плутовскими и окольными путями; и беда заключается в том, что хитрость помогает только раз, а потом всегда лишь мешает. Совершенно невозможно сделать такое толстое или тонкое покрывало, которое скрывало бы тебя.

Никому еще не удавалось быть настолько хитрым, чтобы скрыть это свое качество. И после того как хитрец разоблачен, всякий его боится, никто ему не доверяет, и все охотно объединяются против него, чтобы нанести ему поражение. Между тем человеку открытому, честному и мудрому никто не ставит препятствий, и он идет к своей цели прямым путем. Самая лучшая подготовка ребенка к мудрости заключается в том, чтобы привить ему правильные понятия о вещах, не успокаиваясь раньше, чем он их усвоит, в том, чтобы возбудить его ум к высоким и достойным мыслям, чтобы держать его вдали от фальши и хитрости, всегда содержащей в себе большую примесь фальши. Но всего остального, чему можно научиться с течением времени из опыта и наблюдений, из знакомства с людьми, с их характерами и намерениями, нельзя ожидать от непросвещенной и беспечной детской природы или необдуманной горячности и беспечности юности. Все, что можно сделать в этом направлении в период незрелого возраста,— это — повторяю — приучить их к правде и искренности, к подчинению разуму и, насколько возможно, к обдумыванию своих поступков.

§ 141-150

§141. Следующее хорошее качество, необходимое джентльмену,— благовоспитанность. Есть два вида благовоспитанности: первый заключается в робкой застенчивости, второй — в непристойной небрежности и непочтительности в обращении. И того и другого можно избежать соблюдением одного правила: не быть низкого мнения ни о себе, ни о других.

§142. Первую часть указанного правила следует понимать не в том смысле, что она направлена против скромности, а в смысле необходимости быть уверенным в себе. Мы не должны быть настолько высокого мнения о себе, чтобы переоценивать самих себя, и не должны приписывать себе превосходство над другими из-за какого-либо преимущества, будто бы свойственного нам. Мы должны лишь скромно принимать то, что нам приписывают как заслуженное. Но мы должны также иметь достаточно хорошее мнение о себе, чтобы быть в состоянии те действия, которые составляют нашу обязанность и которых ждут от нас, выполнять без смущения и растерянности в чьем бы то ни было присутствии, соблюдая при этом те почтение и сдержанность, которые подобают рангу или положению каждого. Люди, и особенно дети, часто проявляют неуклюжую застенчивость в присутствии людей посторонних или выше стоящих: они

путаются в своих мыслях, словах и взглядах и в этом своем смущении настолько теряются, что неспособны что-либо делать, по крайней мере с теми непринужденностью и изяществом, которые нравятся в людях и делают их привлекательными. Единственное средство исправить этот, как и любой другой, недостаток заключается в том, чтобы путем практики привить противоположную привычку. Но так как мы не можем привыкнуть к общению с посторонними и важными людьми, не бывая в их обществе, то эта сторона неблаговоспитанности может быть устранена только общением с разнообразными и вышестоящими людьми.

§143. Если вышеупомянутое проявление неблаговоспитанности заключается в чрезмерной озабоченности человека тем, как ему держаться по отношению к другим, то другое ее проявление выражается в недостаточном по внешности старании нравиться и оказывать почтение тем, с кем мы имеем дело. Чтобы быть свободным от этого недостатка, требуются две вещи: во-первых, душевная склонность не обижать других и, во-вторых, наиболее подходящий и приятный способ выражения этой склонности. По первому признаку мы называем людей обходительными, по второму — людьми с хорошими манерами. Второе из этих качеств заключается во внешней приятности и изяществе взгляда, голоса, слов, движений, жестов и всего внешнего поведения, которые в обществе пленяют и доставляют тем, с кем мы общаемся, чувство легкости и большого удовольствия. Это как бы язык, который служит выражением внутренней деликатности души, и поскольку этот язык, как и другие языки, в очень большой мере регулируется модой и обычаем каждой страны, то изучать его, в его правилах и практике, следует главным образом путем наблюдений и по поведению тех, кому удалось получить абсолютно хорошее воспитание. Другая сторона, которая лежит глубже, чем внешняя, заключается в общей благожелательности и внимании ко всем людям, побуждающим человека не проявлять в своем обращении какого бы то ни было презрения, неуважения и небрежности, а выражать свое уважение и признание каждому сообразно его положению и рангу и в согласии с обычаями и формами, принятыми в его стране. Такая настроенность души проявляется непосредственно в поведении человека, благодаря чему никто не чувствует себя стесненным в его обществе.

Я укажу здесь на четыре качества, которые являют наиболее выраженную противоположность этой первой и самой привлекательной из всех социальных добродетелей: любое из этих четырех качеств служит обыкновенно источником неделикатности. Я опишу их для того, чтобы можно было предохранить или исправить детей от их дурного влияния.

1. Первое качество состоит в природной грубости, которая делает человека нелюбезным к другим, невнимательным к их наклонностям, характерам, положению. Первый признак грубого человека — это не думать о том, что нравится или не нравится тем людям, в обществе которых он находится. Между тем часто можно встретить модно одетого человека, не признающего границ для своего нрава и готового толкать или наступать на ноги всякому, кто стоит ему на дороге, нисколько не заботясь о том, как тот к этому отнесется. Такая грубость бросается в глаза и вызывает отвращение в каждом; она никому не может быть приятна, и поэтому ее не должно быть у того, кто хочет, чтобы его считали хотя бы немного благовоспитанным. Ибо истинное назначение благовоспитанности заключается в том, чтобы сгладить природную резкость и настолько смягчить характеры людей, чтобы они могли быть обходительными и приспособляться к людям, с которыми им приходится иметь дело.

2. Презрительность, или отсутствие должного уважения, обнаруживающаяся во взглядах, словах или жестах, от кого бы это ни исходило, всегда вызывает неприятное чувство: никто не может спокойно переносить пренебрежительное отношение к себе.

3. Придирчивость и выискивание недостатков у других являются прямой противоположностью вежливости. Люди — независимо от того, повинны ли они в чем-либо или нет,— не желают, чтобы их недостатки выставлялись напоказ, выставлялись на свет, безразлично — перед ними ли самими или перед другими людьми. Клеймо, наложенное на человека, всегда причиняет стыд, и раскрытие или простое приписывание какого-нибудь недостатка не переносится им без некоторого неприятного чувства.

Насмешка — наиболее утонченный способ выставлять недостатки других; но так как обычно она облекается в остроумную и приличную словесную форму и, кроме того, развлекает общество, то у людей возникает ошибочное мнение, что в насмешке, если она держится в надлежащих границах, нет ничего невежливого. Поэтому-то такая шутовская разговора допускается в среде лучшего общества, и подобные остряки благосклонно выслушиваются и обычно встречают одобрение и смех присутствующих. Но им следовало бы подумать о том, что увеселение остальной части общества происходит в данном случае за счет того, кого выставляют в шутовском свете и вынуждают испытывать неприятность, если только то, за что над ним посмеиваются, на самом деле не представляет чего-либо похвального. Ибо в последнем случае забавные образы и представления, из которых складывается шутка, одновременно содержат в себе похвалу и развлечение, и высмеиваемый также получает удовлетворение, принимая участие в общем

развлечении. Но так как не всякий способен правильно оперировать этим тонким и щекотливым искусством, в котором малейший промах может все испортить, то я думаю, что те, кто не желает задевать других, особенно молодые люди, должны тщательно воздерживаться от насмешек, которые из-за небольшой ошибки или неправильного оборота речи могут надолго оставить в душе задетого человека воспоминание о том, как его больно, хотя и остроумно, укололи за какую-нибудь предосудительную черту.

Наряду с насмешливостью есть другая форма осуждения, в которой часто проявляется неблагоприятность,— это противоречие. Вежливость вовсе не требует от нас, чтобы мы всегда принимали все рассуждения и сообщения, которыми обмениваются в обществе, или проходили мимо всего, что нам приходится услышать. Иногда истина и доброе чувство требуют, чтобы мы выступили против мнения другого или исправили его ошибку, и это нисколько не противоречит требованию вежливости, если только делается с должной осторожностью и с учетом обстоятельств. Но встречаются люди — всякий может их наблюдать,— которые как бы одержимы духом противоречия и всегда, невзирая на правду или неправду, спорят в обществе с тем или другим, а то и с каждым, что бы те ни говорили. Это настолько очевидная и оскорбительная форма осуждения, что вряд ли найдется человек, который не сочтет себя задетым в подобном случае. Во всяком возражении на слова другого так легко заподозрить осуждение, и оно так редко принимается без некоторого чувства унижения, что высказывать его следует в самой осторожной форме и в самых мягких выражениях, какие только могут быть подысканы; в таких выражениях, которые в сочетании со всем поведением указывали бы на отсутствие желания противоречить. Возражение должно сопровождаться всеми знаками уважения и благожелательности, чтобы, выигрывая в споре, мы не теряли и расположения тех, которые слушают нас.

4. Раздражительность есть другой недостаток, который является противоположностью вежливости, и не только потому, что он часто толкает на неприличные и обидные выражения и поступки, но также и потому, что оказывается как бы косвенным обвинением и упреком в невежливости по адресу тех, против кого мы раздражены. Подобного подозрения или намека никто не примет без неприятного чувства. Кроме того, раздражительный человек расстраивает компанию, и согласие исчезает из-за одной выходки такого сварливого человека.

Так как счастье, к которому все столь упорно стремятся, заключается в удовольствии, то нетрудно понять, почему деликатный человек нравится больше, чем дельный человек. Я думаю, что способности, искренность и

доброе намерение солидного и достойного человека или действительного друга редко удовлетворяют нас в тех случаях, когда проявления их важности или солидности причиняют нам неприятные чувства. Власть и богатство и даже сама добродетель ценятся лишь постольку, поскольку они ведут нас к счастью. Поэтому плохо рекомендует себя другому в смысле содействия его счастью тот, кто, оказывая ему услуги, делает это в неприятной для него форме. Кто умеет доставлять приятное людям, с которыми он общается, не унижаясь в то же время до низкой, рабской лести, тот обрел истинное искусство жить среди людей и быть желанным и ценным повсюду. Поэтому приучение детей и молодых людей к вежливости должно стоять на первом плане, и делать это нужно с большою тщательностью.

§144. Есть еще один недостаток с точки зрения хороших манер — это преувеличенная церемонность, упорное стремление навязывать другому такие достоинства, которых у того нет и которых тот не может признать за собою, если он не сумасшедший или бесстыдный человек. Это больше походит на желание выставить человека на смех, чем на желание угодить ему, и по меньшей мере производит впечатление какого-то состязания в превосходстве и в лучшем случае только смущает; поэтому оно не имеет ничего общего с благовоспитанностью, вся цель и назначение которой только и заключаются в том, чтобы люди чувствовали себя приятно и получали удовлетворение от общения с вами. Правда, лишь немногие молодые люди подвержены этому недостатку, но если он у них проявляется или можно заметить в них такую наклонность, то необходимо им указывать на это и предостерегать их против такой ложно понимаемой вежливости. То, к чему они должны стремиться при общении с людьми, сводится к проявлению уважения, признания и благожелательности, к выказыванию по отношению к каждому обычной внешней почтительности и подобающего, согласно правилам вежливости, внимания. Вести себя так, не вызывая подозрений в лести, притворстве и низости,— это дело большого умения, которому могут научить лишь здравый смысл, разум и хорошее общество; но это имеет столь большое значение в общежитии, что стоит этому поучиться.

§145. Хотя умение держать себя хорошо в указанном смысле называется благовоспитанностью, как если бы это было специально результатом воспитания, однако, как я уже сказал, не следует чересчур донимать детей в этом отношении; я имею в виду такие требования, как снимать шапку по установленным правилам, расшаркиваться и т. д. Научите их скромности и благожелательности, если можете, и остальные хорошие манеры явятся сами собою; ведь истинная вежливость есть не что иное, как

старание не выказывать при общении с людьми ни пренебрежения, ни презрения по отношению к кому бы то ни было. Каковы наиболее употребительные и наиболее ценимые способы ее выражения, мы уже говорили выше. Они так же своеобразны и различны в разных странах мира, как и языки, а потому, если здраво рассуждать, правила и наставления, даваемые на этот счет детям, так же бесполезны и неуместны, как если бы мы стали время от времени сообщать одно-два правила испанского языка тому, кто вращается только среди англичан. Беседуйте сколько угодно с вашим сыном о вежливости, но, каково будет его общество, таковы будут и его манеры. Читайте сколько хотите лекции хлебопашцу, вашему соседу, который ни разу не выезжал за пределы своего прихода,— он останется по речи и манерам таким же придворным, каким был раньше, т. е. ни в том, ни в другом отношении он не сделается учтивее тех, среди кого он постоянно вращается. Поэтому единственное, о чем следует в этом отношении позаботиться,— это, когда ребенок подрастет, взять для него воспитателя, который сам должен быть хорошо воспитанным человеком. Да в сущности, говоря по правде, если дети не делают ничего из упрямства, гордости или дурного нрава, уж вовсе не так важно, как они снимают шляпу или расшаркиваются. Если вы можете научить их любить и уважать других людей, то они найдут, когда этого потребует их возраст, способы для выражения этих чувств в приятной для всех форме, в тех манерах, к которым они приучались. Что же касается телодвижений и манеры держаться, то, как я уже сказал, учитель танцев в свое время научит их тому, что требуется в этом отношении. А до тех пор, пока они еще малы, никто не ждет от детей повышенного внимания к этим церемониям; беспечность допускается в этом возрасте, она так же приличествует детям, как учтивость — взрослым людям; и если очень требовательные люди усмотрят в этом недостаток, то, по моему убеждению, это по меньшей мере такой недостаток, на который следует смотреть сквозь пальцы и исправление которого надо предоставить времени, воспитателю и обществу. Поэтому я и думаю, что вам не стоит из-за этого мучить или бранить своего сына (как это часто, по моим наблюдениям, делают с детьми) ; только в тех случаях, если в его поведении проявляется гордость или дурной нрав, нужно исправлять его, действуя убеждением или пристыживая.

Хотя и не следует донимать детей, пока они малы, правилами и церемониальной частью воспитания, однако есть один род невежливости, который может развиваться вместе с ростом детей, если не помешать этому в ранние годы,— это страсть прерывать других во время речи, останавливать говорящего каким-нибудь возражением. Не знаю, обычай ли диспутов или

репутация талантливости и учености, которую обыкновенно доставляет искусство диспутирования (как будто это единственное мерило и доказательство знания), развивают в молодых людях эту преувеличенную склонность при первом же случае и поводе поправить другого в его речи и блеснуть собственными талантами; но во всяком случае, как я убедился, в этом отношении особенно часто вызывают порицание школьники. Нет большей грубости, чем перебивать другого во время его речи; ибо если это не несносная глупость — отвечать другому, еще не зная, что он хочет сказать, то, во всяком случае, оно равносильно недвусмысленному заявлению, что нам надоело слушать говорящего, что мы пренебрегаем его мнением и, считая его неинтересным для общества, желаем, чтобы он выслушал нас, имеющих сказать нечто достойное его внимания. Это свидетельствует о большом неуважении, которое не может не быть оскорбительным. Между тем такой результат почти всегда получается при перебивании. Если же, как обычно бывает, к этому присоединяется исправление какой-либо ошибки или противоречие тому, что было сказано, то оно становится проявлением еще большей гордости и самомнения, поскольку мы таким образом навязываемся в учителя и берем на себя исправить рассказ другого или показать ошибки в его суждении.

Я не хочу этим сказать, что, по-моему, не должно быть никакого расхождения мнений при общении людей и никаких возражений в разговорах: это значило бы уничтожить величайшую пользу, которую приносит общение вообще и компания умных собеседников в частности, где вопрос освещается противоположными аргументами способных людей, аргументами, которые выявляют различные стороны и аспекты предмета; эти возможности были бы совершенно упущены, если бы каждый был обязан только соглашаться и поддакивать тому, кто говорил первым. Мои соображения направлены не против самого высказывания кем-либо своего разногласия с другим, а против формы, в которой оно высказывается. Молодых людей нужно учить, чтобы они не вмешивались в разговор со своим мнением, если их не спрашивают и пока другие не высказались и не замолчали; но и в этом случае — чтобы высказывались, лишь ставя вопросы, а не поучая. Они должны избегать категорических утверждений и учительского тона и скромно, как ученики, задавать свои вопросы, пользуясь общей паузой.

Такая подобающая им скромность не оставит в тени их способности и не ослабит силу их разума, но обеспечит им более благосклонное внимание и придаст больший вес их высказываниям. Слабый аргумент или ординарное замечание, высказанные в такой форме, предваренные

выражением признания и уважения к мнению других, доставят молодому человеку больше похвалы и одобрения, чем самое едкое остроумие или самая глубокая ученость, сочетающиеся с грубой, назойливой и шумной манерой, что всегда шокирует слушателей; у последних всегда остается о таком человеке дурное мнение, даже в том случае, если он своими аргументами заслужил лучшего.

Итак, нужно тщательно следить за проявлениями этого недостатка у молодых людей, останавливать их при первом его проявлении и прививать им противоположную привычку, которой бы они держались во всех случаях общения с людьми. Это тем более необходимо, что страсть говорить, перебивать другого в споре и вести спор в повышенном тоне слишком часто можно наблюдать среди взрослых людей, даже принадлежащих к высшему обществу. Индейцы, которых мы называем варварами, соблюдают в своих разговорах и беседах гораздо больше пристойности и вежливости: они выслушивают собеседника в полном молчании, пока тот не закончит совершенно свою речь, и уже затем отвечают спокойно, без шума и страсти. И если не так обстоит дело в нашей цивилизованной части света, то мы должны это приписать небрежности воспитания, которое еще не искоренило в нас этого пережитка древнего варварства. Скажите, разве не было забавным зрелище, когда однажды две знатные дамы с двух противоположных сторон зала, по кругу которого сидели гости, затеяли спор и, все более возбуждаясь в пылу его и постепенно сближая свои стулья, очень скоро совсем сошлись вместе посередине зала, яростно продолжая при этом свой порядочно затянувшийся спор, похожие на двух бойцовых петухов, и не обращая никакого внимания на окружающих, которые не могли удержаться от улыбки. Это мне рассказала одна знатная особа, присутствовавшая при этом бое и не преминувшая отметить, до какой непристойности доводит людей горячность в споре; этому недостатку, который благодаря подражанию получил слишком большое распространение, воспитание должно уделять самое большое внимание. Всякий осуждает его в других, но обыкновенно не замечает его у себя; а многие, сознавая за собой этот недостаток, хотя и борются с ним, но не могут избавиться от него, так как небрежное воспитание позволило ему превратиться в привычку.

§146. Сказанное выше относительно общества, если это хорошо продумать, откроет, быть может, перед нами более широкую перспективу и покажет, что влияние общества идет значительно дальше. Та печать, которую накладывает на человека общение с другими людьми, выражается не в одних

только формах вежливости — влияние среды идет глубже этой внешней стороны; и если давать правильную оценку нравственности и религиям мира, мы, возможно, открыли бы, что подавляющее большинство человечества даже те взгляды и обряды, за которые оно готово положить свою жизнь, восприняло скорее из обычаев своих стран и из постоянной практики окружающих людей, чем из доводов своего разума. Я говорю это лишь с целью показать, какое большое значение имеет, по моему мнению, общество для вашего сына во всех сторонах его жизни и как тщательно поэтому следует взвешивать и учитывать этот фактор, оказывающий на него более сильное влияние, чем все другое, что вы в состоянии делать.

§147. Вы, может быть, удивитесь, что я ставлю учение на последнее место, особенно если я скажу вам, что придаю ему наименьшее значение. Это может показаться странным в устах книжного человека и тем более похожим на парадокс, что обычно главным образом вопрос об учении вызывает оживленнейшее обсуждение, когда речь идет о детях, и почти только этот вопрос и имеется в виду, когда люди говорят о воспитании. Когда я размышляю о том, сколько шума поднимается вокруг вопроса о маленькой дозе латыни и греческого языка, сколько лет тратится на ее усвоение и сколько бесплодных забот и хлопот на это уходит, то я едва могу удержаться от мысли, что сами родители продолжают жить под страхом розги школьного учителя, в которой они видят единственное орудие воспитания, как будто вся цель последнего заключается в изучении одного-двух языков. Ибо иначе как был бы возможен тот факт, что детей держат прикованными к скамье в течение семи-восьми или десяти лучших лет их жизни ради усвоения одного или двух языков, которые, как мне думается, можно было бы усвоить с гораздо меньшей затратой труда и времени и изучить почти играючи.

Поэтому — простите меня — я не могу спокойно думать о том, что молодого джентльмена считают необходимым толкнуть в общее стадо и затем погонять его розгой и плеткой из класса в класс, как бы сквозь строй «ad sapiendain ingenii cultum» [37]. Как же, скажете вы, по-вашему, он не должен уметь читать и писать? Неужели он должен быть невежественнее нашего приходского пономаря, который Гопкинса и Стернхольда [38] считает лучшими поэтами в мире да к тому же своим плохим чтением превращает их в нечто худшее, чем они есть на самом деле?

Не торопитесь, пожалуйста. Читать и писать, обучать наукам — все это я признаю необходимым, но не главным делом. Я думаю, что вы сочтете

совершенным глупцом того, кто добродетельного или мудрого человека не поставит бесконечно выше большого ученого. Я вовсе не отрицаю, что обучение наукам очень способствует развитию и добродетели и мудрости в людях с хорошими духовными задатками, но необходимо также согласиться с тем, что в других людях, не имеющих таких задатков, оно ведет лишь к тому, что они становятся еще более глупыми и дурными. Я говорю это с тем, чтобы вы, размышляя о воспитании вашего сына и подыскивая для него учителя или воспитателя, не имели в своих мыслях только латынь и логику. Обучать мальчика нужно, но это должно быть на втором плане, только как вспомогательное средство для развития более важных качеств. Ищите человека, который знал бы, как можно благоразумно сформировать характер мальчика; отдайте его в такие руки, которые смогут, в пределах возможного, охранить его невинность, любовно поддерживать и развивать в нем хорошие начала, мягкими приемами исправлять и искоренять все дурные наклонности и прививать ему хорошие привычки. Это самое главное; и если вы хорошо позаботитесь об этом, то к этому можно присоединить также и учение, осуществляя это, как мне думается, наиболее легким путем с помощью методов, которые мы обсудим ниже.

§148. Когда ребенок умеет говорить, можно уже начать учить его читать. Но по этому поводу позвольте мне здесь снова напомнить о том, что слишком легко забывается, а именно: необходимо всячески заботиться о том, чтобы учение никогда не превращалось в обязательную работу, чтобы ребенок не смотрел на это как на задание. Как я уже сказал, мы по природе своей с самой колыбели любим свободу и поэтому питаем отвращение ко многим вещам только потому, что они нам предписываются. Я всегда держался того взгляда, что учение можно превратить в игру и развлечение для детей и что можно внушить им желание учиться, если привлекать их к учению как к делу чести и славы, если преподносить его как удовольствие и развлечение, как награду за исполнение чего-то другого и никогда не бранить и не наказывать их за пренебрежение учением. В этом убеждении меня укрепляет пример португальцев, у которых дети учатся чтению и письму с таким увлечением и чувством соревнования, что их невозможно удержать от этого занятия; они учатся друг у друга, и с такой настойчивостью, как будто это им запрещалось. Припоминаю, как, будучи в доме одного моего друга, младшего сына которого, тогда малого ребенка, трудно было засадить за книжку (его учила читать дома мать), я посоветовал не требовать этого от него в качестве обязательного занятия, а испытать другое средство; и вот мы нарочно в его присутствии, не обращая на него внимания завели между собой разговор о том, что быть ученым — это

привилегия и преимущество наследников и старших братьев; что это делает их утонченными джентльменами, пользующимися общей любовью, и что по отношению к младшим братьям является уже милостью то, что их воспитывают; что обучение чтению и письму есть уже нечто большее того, что им полагается; что, если это им нравится, пусть остаются грубыми и неотесанными людьми. Это так подействовало на мальчика, что он сейчас же пожелал учиться и не оставлял в покое свою няню, раньше чем она выслушает его урок. Я не сомневаюсь, что подобный прием может быть использован и в отношении других детей и что, изучив их характер, мы можем внушить им некоторые мысли, которые возбудят в них охоту учиться и заставят их добиваться учения как своего рода игры и отдыха. Но при этом, как я уже раньше говорил, никогда не следует возлагать на них учение в виде какого-то задания или превращать это в предмет доуки. Чтобы научить детей азбуке в процессе игры, можно пользоваться костями и игрушками с надписанными на них буквами; можно придумать еще двадцать приемов применительно к особенностям характера каждого, чтобы обращать этот метод обучения в развлечение для ребенка.

§149. Так можно, незаметно для детей, ознакомить их с буквами и научить читать, пользуясь методом, при котором они находили бы в этом только развлечение и, играя, усваивали бы то, чему других детей учат с помощью розги. На детей не следует возлагать ничего похожего на работу, никакого серьезного дела: они не в состоянии вынести это ни душевно, ни физически. Это приносит только вред их здоровью; и я не сомневаюсь, что многие возненавидели книги и учение на всю жизнь именно потому, что их пытались силой засадить за книгу в том возрасте, который не выносит такого принуждения; это подобно пресыщению, после которого остается неустранимое отвращение.

§150. Так я пришел к мысли, что, приспособляя для этой цели детские игрушки, которые обыкновенно ни к чему не служат, можно при помощи разных уловок обучать детей чтению таким образом, чтобы они думали, что только играют. Можно, например, сделать шар из слоновой кости вроде тех, которые применяются в лотерее королевского дуба [39] и имеют 32 грани или, еще лучше, 24 или 25 граней, и на одних гранях приклеить А, на других — В, на третьих — С, на четвертых — D. Я бы предложил начинать только с этих четырех букв (а, может быть, для начала достаточно и двух), с тем чтобы только после того, как ребенок вполне их усвоит, добавлять другие, продолжая так до тех пор, пока каждая грань не будет иметь по одной букве и на шаре не составит весь алфавит. Затем я предложил бы, чтобы эту игру

вели другие в присутствии ребенка: эта игра, если делать ставку на то, кто первый выкинет букву А или В, не менее занимательна, чем игра в кости, в которой выигрывает выбрасывающий шестерку или семерку. Ведя эту игру между собой, не пытайтесь привлекать к ней ребенка, чтобы этим не превратить ее в обязательное занятие: пусть он думает, что это игра только для взрослых, и тогда, я не сомневаюсь, он сам захочет поиграть в нее. А для того чтобы у него было лишнее основание считать, что это такая игра, к которой его допускают изредка из расположения к нему, прячьте по окончании игры шар в надежное и недоступное для него место; иначе он, получив возможность отдаваться этой игре в любое время, может потерять к ней вкус.

§ 151-160

§151. Чтобы поддержать в ребенке рвение к этой игре, внушите ему мысль, что она составляет привилегию взрослых. А после того как он ознакомится таким путем с азбукой, он сможет, комбинируя буквы в слоги, незаметно для себя и научиться читать, ни разу притом не подвергшись ни брани, ни другим неприятностям и не получая отвращения к книгам из-за сурового обращения и мучений, которым он мог бы из-за них подвергаться. Если вы наблюдаете за детьми, то можете убедиться, что они берут на себя огромный труд, чтобы научиться некоторым играм, которые вызывали бы у них только отвращение, если бы они навязывались им как обязательное занятие. Я знаю одного очень знатного человека (еще больше заслуживающего уважение за свою ученость и добродетель, чем за свой сан и высокое положение), который, наклеив на шести гранях игральной кости шесть гласных букв (ибо в нашем языке У является гласной) и на гранях трех других костей восемнадцать согласных, устроил из этого следующую игру для своих детей: кто выбросит одновременно наибольшее количество слов на четырех костях, тот выигрывает. Таким способом его старший сын — ребенок, еще носивший детское платье,— научился, играя, читать по складам, проявляя большое рвение и ни разу не подвергшись брани или принуждению.

§152. Я видел маленьких девочек, которые целыми часами упражнялись, затрачивая много энергии, в игре в «камешки» [40], как они ее называют. Глядя на них, я думал, что недостает только какой-нибудь удачной выдумки, чтобы заставить их направить все свое рвение на что-нибудь более полезное для них; и по моему мнению, только ошибкой и небрежностью

взрослых можно объяснить, что этого не делается. Дети гораздо менее склонны к лени, чем взрослые; и если некоторая часть этого деятельного настроения не направляется на полезные вещи, то в этом винить следует взрослых: полезные вещи могли бы стать для них не менее приятными, чем те, которыми они обычно занимаются, если бы взрослые хотя бы наполовину проявляли такую же готовность указывать им путь, с какой эти маленькие обезьянки стали бы следовать по нему. Я представляю себе, что бы было, если бы какие-нибудь мудрые португальцы некогда ввели этот прием среди детей своей страны, где, как мне говорили (об этом я уже упоминал), невозможно удержать детей от занятий чтением и письмом; а в некоторых местах Франции дети с колыбели учат Друг Друга петь и танцевать.

§153. Буквы, наклеиваемые на сторонах игральных костей или многогранника, лучше всего брать того же размера, что в Библии in folio [41], притом без прописных букв; коль скоро ребенок научится читать напечатанное этими буквами, он через недолгое время научится и прописным; вначале же не следует его путать разнообразием. С такими же костями вы можете также устроить игру, очень похожую на «королевский дуб», что явится новой вариацией, и играть на вишни, яблоки и т. д.

§154. Кроме упомянутых выше можно изобрести еще двадцать других игр, основанных на буквах; тот, кому нравится этот метод, без труда придумает их и пустит в ход. Но упомянутые выше игральные кости я считаю настолько простыми и полезными, что трудно найти что-нибудь лучшее; да и вряд ли в этом окажется надобность.

§155. Вот все, что я считаю нужным сказать об обучении ребенка чтению. Никогда не следует при этом применять ни принуждения, ни брани; втягивайте его в чтение, если можете, обманом, но не делайте из этого обязательного занятия. Лучше ему научиться читать годом позже, чем получить в результате подобного метода отвращение к учению. Если вам приходится ссориться с ним, то, во всяком случае, по важным делам, из-за правды и добронравия; но не принуждайте его заниматься азбукой. Используйте свое искусство для того, чтобы сделать его волю уступчивой и податливой разуму: учите его любить добрую репутацию и похвалу, бояться дурного и низкого мнения о самом себе, особенно с вашей стороны и со стороны матери, и тогда все остальное будет достигнуто без большого труда. Но если вы хотите этого добиться, вы не должны его связывать и ограничивать правилами в вещах малозначительных или выговаривать ему за каждый незначительный проступок, хотя бы другим этот проступок показался важным. Но об этом я уже говорил.

§156. Когда в результате — под влиянием этих мягких приемов — ребенок начнет читать, дайте ему в руки какую-нибудь легкую и занимательную книгу, доступную его пониманию, содержание которой могло бы увлечь его и вознаградить за труд, потраченный на чтение, но во всяком случае не такую, которая набила бы ему голову совершенно бесполезным хламом или заложила бы в нем начала порока и неблагоразумия. Для этой цели лучше всего могут, по моему мнению, служить басни Эзопа, так как эти рассказы, пригодные для того, чтобы позабавить и заинтересовать ребенка, в то же время способны навести на полезные размышления даже взрослого человека; и если он запомнит их на всю жизнь, то не пожалеет, что они содержатся в его памяти рядом со зрелыми мыслями и серьезными вещами. Если его Эзоп снабжен картинками, он еще более его заинтересует и поощрит к чтению, расширяя вместе с тем его знания; ибо когда детям о предметах зрительного восприятия только рассказывают, то это и бесполезно, и не удовлетворяет их, пока у них нет никакого представления об этих предметах; ибо эти представления создаются не звуками, а непосредственно самими предметами или их изображениями. Поэтому я считаю, что, как только ребенок начнет читать по складам, нужно давать ему возможно больше картинок, изображающих животных, с напечатанными на них названиями: это будет одновременно побуждать его к чтению и давать ему материал, возбуждающий любознательность и обогащающий знанием. Другой книгой, которая, по моему мнению, может быть использована для той же цели, является «Рейнеке Лис» [42]. А если лица, окружающие ребенка, будут часто беседовать с ним о прочитанных им рассказах и выслушивать его пересказы, то помимо других положительных результатов это еще больше поощрит и приохотит его к чтению, поскольку он убедится, что оно приносит известную пользу и развлечение. Такими приманками, видимо, совершенно пренебрегают при обычном методе, и обыкновенно проходит много времени, прежде чем учащиеся находят какую-нибудь пользу или удовольствие в чтении, которые могли бы поощрить их; поэтому они видят в книгах лишь модное развлечение или несносную доuku, ни к чему не нужную.

§157. Молитву господню, символ веры и десять заповедей ребенок должен твердо выучить наизусть, но, как мне думается, не путем самостоятельного чтения по молитвеннику, а со слов кого-либо другого, и даже до того, как он научился читать. Однако смешивать заучивание наизусть и обучение чтению, по моему мнению, не следует, чтобы одно не мешало другому. Обучение чтению нужно сделать, насколько возможно, мало похожим на трудное и обязательное занятие.

Не знаю, какие еще имеются книги на английском языке вроде вышеупомянутых, которые могли бы понравиться детям и поощрять их к чтению; но я склонен думать, что вследствие господства в деле воспитания детей школьных методов, ориентированных на то, чтобы принуждать их к учению страхом розги, а не привлекать к занятиям удовольствием, получаемым от него, такого рода полезные книги теряются среди массы всяких глупых книг и остаются в пренебрежении; насколько мне известно, из этой категории книг только и ценятся, что обычные hornbook [43], молитвенник, псалтырь, Новый завет и Библия.

§158. Что касается Библии, которой обычно заставляют детей заниматься ради упражнения и усовершенствования их способности к чтению, то я думаю, что сплошное чтение ее — без разбора, подряд, глава за главой — настолько лишен" какой бы то ни было пользы для детей и в смысле усовершенствования их в чтении, и в смысле утверждения в основах религии, что хуже этого, пожалуй, и не придумать. Ибо какое удовольствие или поощрение может ребенок получать, упражняясь в чтении тех частей книги, в которых он ничего не понимает? И в какой мере могут соответствовать умственному уровню ребенка законы Моисея, Песнь Соломона и пророчества Ветхого завета, Послания и Апокалипсис Нового завета? История евангелистов и Деяния, хотя и несколько легче, в целом, однако, также очень мало соответствуют детскому пониманию. Я согласен, что принципы религии нужно извлекать отсюда, и притом выраженные словами Писания; но ребенку нужно предлагать только то, что соответствует его способностям и понятиям. А это далеко не означает необходимости читать всю Библию подряд и притом ради самого чтения. К тому же какая должна получиться в голове ребенка несуразная путаница мыслей относительно религии — если вообще такие мысли у него могут возникнуть,— когда он читает в своем нежном возрасте всю Библию подряд, как слово божие, не делая никаких различий. Я склонен думать, что это именно и было настоящей причиной того, что некоторые люди всю жизнь не имели ясных и определенных идей о религии.

§159. Раз я уже коснулся этого предмета, то позвольте мне сказать, что некоторые места Писания могут оказаться подходящими для того, чтобы приохотить ребенка к чтению. Таковы история Иосифа и его братьев, Давида и Голиафа, Давида и Ионафана и т. п., а также другие места, которые следовало бы давать ему читать ради поучения, например: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» [44], а также другие подобные доступные и ясные моральные правила, которые, если их

надлежащим образом выбрать, могут быть использованы и для чтения, и для наставления. Пусть он перечитывает их часто, пока они не запечатлеются крепко в памяти; впоследствии же, когда он станет старше и созреет для их понимания, можно будет в подходящих случаях напоминать ему о них как о твердых священных правилах жизни и поведения. Чтение же всей Библии без разбора я считаю совершенно неподходящим занятием для детей, если это делается раньше, чем они ознакомились с наиболее ясными и основными частями ее и получили нечто вроде общего представления о том, чему они должны главным образом верить и следовать в жизни; причем это представление они должны, по моему мнению, воспринять в подлинных выражениях Писания, а не в тех выражениях, которые склонны применять и навязывать им люди, находящиеся во власти систем и аналогий. Чтобы избежать этого, доктор Уортингтон составил катехизис, в котором все ответы даны точными словами Писания [45]. Это — пример, достойный подражания, а форма изложения настолько удачна, что ни один христианин не может отвергнуть ее как непригодную для обучения его сына. После того как ребенок заучит наизусть молитву господню, исповедание веры и заповеди, ему полезно будет заучивать из такого катехизиса каждый день или каждую неделю по одному вопросу, насколько его разум способен воспринять их и память удержать. А после того как он основательно выучит на память этот катехизис настолько, чтобы сразу и гладко отвечать на любой вопрос из этой книги, может быть, уместно внедрить в его душу все остальные нравственные правила, рассеянные в разных местах Библии; это явится лучшим упражнением памяти и, кроме того, даст ему готовое руководство на всю жизнь.

§160. Когда ребенок уже умеет хорошо читать по-английски, пора приступить к обучению его письму. Для этого следует раньше всего научить его правильно держать перо; и только после того, как он полностью освоится с этим, можно позволить ему приложить перо к бумаге. Ибо не только детей, но и любого человека, желающего научиться делать что-либо хорошо, никогда не следует заставлять делать сразу слишком много или одновременно совершенствоваться в двух действиях, когда их можно разделить. Я считаю наилучшим итальянский способ держать перо только между большим и указательным пальцами; но относительно этого вы можете посоветоваться с каким-нибудь хорошим учителем чистописания или другим лицом, умеющим писать хорошо и быстро. Когда ребенок научится правильно держать перо, следует показать ему, как он должен класть перед собой бумагу и какое положение придать своей руке и телу. Когда он овладеет этими приемами, можно без больших затруднений научить его

писать, доставши доску с вырезанными на ней буквами такой формы, какая вам больше всего нравится; но следует помнить, что буквы должны быть значительно крупнее тех, которыми он станет писать потом; ибо у каждого человека почерк естественно и постепенно становится мельче по сравнению с тем, с которого он начал, но никогда не становится крупнее. С такой выгравированной доски нужно сделать оттиски на нескольких листах хорошей бумаги красными чернилами, и обучающемуся остается только обводить буквы хорошим пером черными чернилами. Если предварительно показать ему, как надо начинать писать каждую букву и как обводить ее, его рука быстро освоится с формами этих букв. Когда он научится хорошо обводить буквы, он должен перейти к упражнениям на чистой бумаге. Таким приемом вы легко сможете научить его писать любым почерком по вашему желанию.

§ 161-170

§161. Когда ребенок научился писать хорошо и быстро, я считаю целесообразным не только продолжать его упражнения в письме, но и развивать эту практику письма дальше — в умении рисовать: это умение во многих случаях оказывается для джентльмена очень полезным, особенно если он путешествует; ибо оно часто помогает человеку несколькими удачно скомбинированными линиями выразить то, чего не передаст и не сделает понятным целый лист исписанной бумаги. Сколько зданий может увидеть человек, сколько машин и костюмов, образ которых можно воспроизвести и передать другим при небольшом умении рисовать! Между тем, передавая их словами, даже при самом точном описании, рискуешь вовсе утратить эти представления или, в лучшем случае, сохраняешь их в искаженном виде. Я не хочу сказать, что ваш сын должен быть настоящим живописцем; чтобы стать таковым хотя бы в сколько-нибудь приемлемой степени, от юного джентльмена потребовалось бы больше времени, чем он мог бы урвать от других, более важных занятий. Но ознакомиться с перспективой и искусством рисования настолько, чтобы сносно воспроизводить на бумаге любой предмет, который видишь, за исключением лиц, можно, мне думается, в короткое время, особенно если у него есть к этому способность. Но все, к чему у него нет способностей, за исключением вещей абсолютно необходимых, лучше спокойно оставить в стороне, чем бесцельно мучить его; в данном случае, как и во всех других случаях отсутствия безусловной необходимости, имеет силу правило: «Nil invita Minerva» [46].

1. Скоропись (искусство, как мне говорили, известное только в Англии [47], пожалуй, заслуживает изучения ради двух целей: для более быстрого записывания того, что мы хотим сохранить в своей памяти, и для зашифровки того, что мы хотели бы скрыть от чужого глаза. Кто усвоил уже какой-либо способ письма, легко может его изменять для своего личного применения или по своей фантазии и вносить в него сокращения, соответствующие той практической области, в которой он будет ими пользоваться. Система мистера Рича [48] — наиболее удачно придуманная из всех, с которыми я знаком,— может, думается мне, быть значительно сокращена и упрощена всяким, кто хорошо знает и принимает в соображение грамматику. Но для изучения этого способа сокращенного письма незачем торопиться с поисками учителя; мальчик не опоздает, если займется этим в любой момент, когда представится благоприятный случай, но при том только условии, если рука его уже хорошо тренирована в четком и быстром письме. Ибо мальчикам редко приходится прибегать к скорописи, и они ни в коем случае не должны заниматься ею раньше, чем научатся писать хорошо и приобретут основательный навык.

§162. Как только мальчик научился говорить по-английски, пора ему начать учиться какому-либо другому языку; ни у кого не возникает сомнений, когда в качестве такого языка предлагается французский. Причина лежит в том, что все свыклись с правильным методом обучения этому языку: он заключается в усвоении детьми языка из постоянных разговоров, а не с помощью грамматических правил. Этим же методом было бы легко обучать и латинскому языку, если бы воспитатель, всегда находясь с учеником, обращался к нему только на этом языке и заставлял его всегда отвечать на нем же. Но так как французский язык — живой язык и больше употребляется в разговоре, то ему нужно учиться раньше, для того чтобы еще гибкие органы речи могли привыкнуть к правильному образованию его звуков и мальчик усвоил хорошее французское произношение; чем дальше откладывать обучение, тем оно становится труднее.

§163. Когда мальчик уже хорошо говорит и читает по-французски (что при указанном методе обучения достигается обычно в один или два года), он может перейти к латинскому языку; странно только то, что родители, имея перед собой опыт с французским языком, не считают нужным обучать детей латыни тем же методом разговора и чтения. Нужно только позаботиться о том, чтобы мальчик за то время, что он обучается этим иностранным языкам, читая и разговаривая с воспитателем только на этих языках, не забыл читать по-английски. Это может предотвратить его мать или кто-либо еще,

заставляя его ежедневно читать вслух избранные места из Библии или другую английскую книгу.

§164. Латынь я считаю для джентльмена абсолютно необходимой: действительно, благодаря обычаю, который преобладает над всем, латынь сделалась настолько важной частью воспитания, что ее вколачивают в детей при помощи порки и заставляют их тратить на нее много мучительных часов своего драгоценного времени, даже тех детей, которым по выходе из школы никогда в жизни не придется больше иметь с ней дело. Может ли быть что-нибудь смешнее того, что отец тратит свои деньги и время сына, заставляя его изучать язык римлян, в то же время предназначая его для профессии, в которой тот не найдет для своей латыни никакого применения? Ведь он забудет в этих условиях и то небольшое, что вынес из школы и к чему он — можно в том поручиться десятью против одного — питает отвращение из-за тех мучений, которые оно ему доставило. И если бы не имелись среди нас на каждом шагу подобного рода примеры, то разве можно было бы поверить, что ребенка заставляют учиться начаткам языка, которым он никогда не будет пользоваться на предназначенном для него жизненном поприще, и в то же время пренебрегают чистописанием и счетоводством, которые приносят большую пользу во всяких условиях жизни, а для большинства профессий абсолютно необходимы. Но хотя знания, требующиеся для промышленности и торговли и вообще для деловых занятий в этом мире, в грамматических школах приобретаются редко или вообще не приобретаются, тем не менее не только джентльмены посылают в эти школы своих младших сыновей, предназначенных для торгово-промышленной деятельности, но туда отдают своих детей также торговцы и фермеры, хотя они не имеют ни намерения, ни возможности сделать из них ученых. Если вы спросите их, почему они это делают, они сочтут такой вопрос столь же странным, как если бы вы спросили их, почему они ходят в церковь. Здесь обычай заменяет разум, и этот метод настолько освящен в глазах тех, кто принимает обычай за разум, что они почти религиозно его соблюдают и крепко держатся за него, как будто их дети получают неправовое воспитание, не заучив грамматики Лилли [49].

§165. Но при всей необходимости латыни для одних и убеждении в ее необходимости для других, которым она совершенно не нужна, я, во всяком случае, не могу, после некоторых размышлений, одобрить метод преподавания ее в грамматических школах. Доводы против этого метода настолько очевидны и убедительны, что побудили несколько благоразумных лиц отказаться от обычного пути и не без успеха применить другой метод —

хотя и не совсем совпадающий с самым, как я считаю, легким,— который, коротко говоря, заключается в следующем: вовсе не мучить ребенка грамматикой, а учить его латыни, как учили его английскому языку, т. е. с помощью разговора и не докучая никакими правилами. Ведь если поразмыслить, то новорожденному ребенку английский язык так же незнаком, как латинский; между тем английскому он научается без учителя и без правил грамматики; если бы при нем находился человек, с которым он мог бы постоянно разговаривать на латинском языке, он мог бы тем же способом научиться и этому языку, как научился ему Туллий [50]. Если мы видим, как француженка научает английскую девочку говорить и читать по-французски в один-два года, не прибегая ни к каким грамматическим правилам и ни к каким-либо другим приемам, а лишь болтая с ней, то я могу лишь удивляться, что джентльмены упускают этот метод при обучении сыновей, как будто считают их более тупыми и менее способными, чем своих дочерей.

§166. Итак, если бы вы могли найти человека, который, умея сам говорить по-латыни, постоянно находился бы при вашем сыне, всегда говорил бы с ним и разрешал бы ему говорить и читать только на этом языке, то это было бы верным и настоящим способом, который бы я рекомендовал как самый легкий и наилучший, ибо этим путем ребенок без труда и не подвергаясь брани усвоит язык, из-за которого других детей семь-восемь лет подряд секут в школах; но помимо того, этот метод позволяет одновременно формировать ум и манеры ребенка и вдобавок сообщать ему сведения из различных областей знания, например значительную часть географии, астрономии, хронологии, анатомии, а также некоторые части истории и сведения из всех остальных отраслей знания о вещах, доступных внешним чувствам и требующих лишь немного большего, чем память. Ибо если идти правильным путем, то здесь именно и начинается наше знание, и фундамент нашего знания складывается из этих вещей, а не из отвлеченных понятий логики и метафизики, которые более способны доставлять забаву, чем обогащать наш разум сведениями с того момента, когда он впервые начинает их искать. Занявшись некоторое время этими абстрактными спекуляциями и не добившись ни успеха, ни пользы, которых они ожидали, молодые люди готовы прийти к низкому мнению о науке или о себе самих; у них появляется желание прекратить занятия и забросить свои книги, в которых нет ничего, кроме трудных терминов и пустых звуков, или утвердиться во мнении, что если в этих книгах и содержится реальное знание, то им не хватает интеллектуальных способностей для его усвоения. Что это так, я, пожалуй, мог бы убедить вас, ссылаясь на свой личный опыт.

В число предметов, которым молодой джентльмен должен учиться при пользовании указанным методом, пока другие его сверстники целиком заняты латынью и другими языками, я бы включил также геометрию: я знаю одного молодого джентльмена, воспитанного приблизительно таким образом, который умел доказывать некоторые теоремы Евклида, не достигши еще тринадцати лет.

§167. Но если вы не можете найти такого человека, который хорошо говорит по-латыни и, будучи вместе с тем способен просветить вашего сына в упомянутых областях знания, взялся бы выполнять эти задачи указанным методом, то наилучшей заменой последнего был бы следующий способ обучения, наиболее к нему близкий: выберите какую-нибудь легкую и занимательную книгу вроде басен Эзопа, выпишите английский перевод (возможно более буквальный) в одной строке, а все латинские слова, соответствующие английским,— в точно соответствующем месте в верхней строке. Пусть учащийся каждый день многократно перечитывает их до тех пор, пока основательно не освоится с латинским текстом басни; потом пусть займется другой басней, также до полного ее усвоения, не оставляя, однако, ранее заученного, а время от времени просматривая его, чтобы закрепить в своей памяти. Когда же он перейдет к письму, пусть переписывает их, что кроме упражнения в письме также подвинет его в изучении латыни. Это менее совершенный метод, чем разговорный способ обучения латинскому языку, и для усвоения духа и характера этого языка, который изменяет значение глаголов и существительных не посредством префиксов, подобно современным языкам, а путем изменения последних слогов, необходимо будет основательно заучивать глагольные формы, а затем склонение существительных и местоимений. Большие познания в грамматике, я думаю, ребенку не нужны, до тех пор пока он не научится читать самостоятельно «*Sanctii Minerva*» с примечаниями Сциоппия и Перизония [51].

Кроме того, я считаю необходимым при обучении детей соблюдать еще следующее правило: когда они становятся перед чем-либо в тупик, в большинстве случаев не следует усиливать их затруднения, заставляя их самих выпутываться из положения, например, предлагая вопросы вроде: как будет в именительном падеже слово в предложении, которое они должны составить? Или задавать вопрос: «Что значит *aufero*?» [52]— с целью навести на значение слова «*abstulere*» и тому подобное, когда они не могут правильно ответить на этот вопрос. Это значит только тратить время, сбивая их с толку,

тогда как нужно, пока они учатся и занимаются прилежно, поддерживать в них хорошее настроение и делать каждую вещь насколько возможно легкой и приятной для них. Поэтому всякий раз, когда они останавливаются в затруднении и хотят из него выйти, помогите им сейчас же преодолеть это затруднение, не делая ни выговора, ни упрека. Помните, что более грубые приемы имеют своим единственным источником тщеславие и сварливость учителя, ожидающего, что дети сразу усвоят все, что он сам знает, тогда как ему скорее следовало бы думать о том, что его дело — насаждать в них привычки, а не вдавливать сердито правила, которые приносят нам в жизни мало пользы и, во всяком случае, никакой пользы не приносят детям, забывающим их сейчас же после того, как вы им их дали. Я не стану отрицать, что в науках, значение которых заключается в упражнении разума, этот метод может иногда меняться и что там можно умышленно создавать трудности с целью возбудить рвение и приучить ум пользоваться своей силой и сообразительностью в рассуждении; но я думаю, что пока дети очень малы, а также при самом начале изучения какого-либо предмета этого не следует делать. В такой момент всякая вещь сама по себе трудна для них, и большое умение и искусство учителя заключаются в том, чтобы все сделать для них возможно более легким; и особенно бывает неуместно ставить детей перед затруднениями при обучении их языкам. Языки усваиваются зубрежкой, практикой и памятью, и на них говорят совершенно безукоризненно лишь тогда, когда не думают ни о каких грамматических правилах. Я согласен, что бывают случаи, когда приходится тщательно изучать грамматику языка, но такое изучение бывает нужно только взрослому человеку, когда он желает изучить какой-либо язык критически; а этим редко кто занимается, кроме профессиональных ученых. Я думаю, со мною согласятся, что если джентльмену и следует изучить какой-либо язык, то это язык его родины, ибо он должен как можно лучше знать тот язык, которым постоянно пользуется.

Есть еще одно соображение, в силу которого учителя и преподаватели не должны создавать никаких трудностей для своих учеников, а, наоборот, должны облегчать им путь и с готовностью помогать двинуться с места, когда те останавливаются в затруднении. Детский ум узок и слаб и способен схватывать сразу лишь одну мысль. Если что-нибудь западет в голову ребенка, оно целиком ее заполняет на некоторое время, особенно если он движим какой-либо страстью. Поэтому, когда дети чему-либо учатся, умение и искусство учителя должны быть направлены к тому, чтобы очистить их головы от всяких других мыслей, чтобы освободить место для того, что он хочет вложить в них и что они должны усваивать со вниманием и усердием;

иначе учение не дает никакого результата. Натура детей располагает их мысль к рассеиванию. Только новое захватывает их; что бы это новое ни представляло, дети сейчас же этим увлекаются и быстро же удовлетворяются. Одна и та же вещь им быстро надоедает, и почти все их удовольствие заключается в перемене и разнообразии. Фиксировать их летающие мысли — это значит вступить в противоречие с естественным состоянием детства. Зависит ли это от особенностей их интеллекта или от подвижности и неустойчивости их животных духов, над которыми их душа еще не имеет полной власти, однако ясно: сосредоточивать упорно свои мысли на одном каком-либо предмете для детей мучительно. Продолжительное и непрерывное внимание — одна из самых трудных задач, какую только можно на них возложить; поэтому, если кто-либо требует от них прилежания, он должен постараться сделать свое задание насколько возможно привлекательным и приятным для них и по меньшей мере не допускать, чтобы с этим связывалась какая-либо неприятная или устрашающая идея. Если они не принимают за свои книги с любовью и охотой, то нет ничего удивительного в том, что их мысли постоянно уносятся от того, что внушает им отвращение, и ищут лучшего развлечения в более приятных предметах, за которыми они и будут неизбежно гоняться.

Я знаю, что обычно способ воспитателей добиваться внимания со стороны своих учеников и сосредоточивать их мысли на том, чем они в данный момент занимаются, сводится к выговорам и наказаниям за малейшую рассеянность. Но такое обращение обязательно производит обратное действие. Слова, выражающие раздражение, или побои со стороны воспитателя наполняют душу ребенка ужасом и страхом, которые немедленно завладевают им всецело и не оставляют места для других впечатлений. Думаю, что каждый читающий эти строки вспомнит при этом, какой беспорядок вызывали в его мыслях нетерпеливые и властные слова его родителей и учителей; как они на некоторое время сбивали его с толку настолько, что он едва соображал, что он говорит и что ему говорят. Он сейчас же терял из виду предмет, которым был занят; душа наполнялась беспорядком и смятением, и он утрачивал в этом состоянии способность сосредоточить внимание на чем бы то ни было. Конечно, родители и воспитатели должны устанавливать и укреплять свой авторитет над теми, кто находится под их опекой, внушать им для достижения этой цели почтительный страх и при помощи своего авторитета управлять ими. Но, получив такое господство над ними, они должны пользоваться им с большой умеренностью и не делать из себя пугало, в присутствии которого ученики вечно должны дрожать. Такая строгость может облегчить им управление, но

ученикам она принесет очень мало пользы. Дети ничему не могут научиться, пока их мысли охвачены и расстроены каким-либо аффектом, в особенности когда это аффект страха, который производит сильнейшее впечатление на их еще нежный и слабый дух. Держите их душу в непринужденном и спокойном состоянии, если вы хотите, чтобы она воспринимала ваши наставления или обогащалась знанием. В трепещущей душе так же невозможно вычертить чуткие и правильные буквы, как и на трясущейся бумаге.

Великое искусство учителя заключается в том, чтобы вызвать и удержать внимание своего ученика; если это ему удалось, он может уверенно подвигаться вперед настолько быстро, насколько позволяют способности учащегося; но при отсутствии этого условия все его шумные старания не приведут к цели. Чтобы добиться этого, он должен заставить ребенка понять (насколько это возможно) пользу того, чему он его учит, и показать ему, что то, чему он научился, помогает ему делать то, чего раньше он не умел делать, а именно то, что дает ему некоторую власть и реальное преимущество перед другими, кто этих сведений не приобрел. С этим учитель должен сочетать еще мягкость во всех своих наставлениях, а также нежность в обращении, дабы дать ребенку почувствовать, что его любят и желают ему только добра,— это единственный способ приобрести любовь ребенка, которая заставит последнего внимательно слушать уроки учителя и находить удовольствие в том, чему тот его учит.

Только на упорство ребенка следует реагировать повелительным тоном и резким обращением. Все другие недостатки должны исправляться при помощи мягких мер: мягкие слова увещания оказывают лучшее и более действенное влияние на податливую душу и в значительной мере предупреждают ту непокорность, которую резкое и властное обращение часто порождает даже в хорошо настроенных и благородных душах. Правда, упорство и умышленная небрежность должны подавляться, хотя бы ценою побоев; однако я склонен думать, что непокорность учеников часто создается капризным характером учителя и что большинство детей редко заслуживало бы побоев, если бы ненужная и неудачно проявляемая резкость не портила их нрава и не внушала им отвращения к учителю и ко всему, что от него исходит.

Невнимательность, забывчивость, непостоянство и рассеянность мысли представляют собою естественные недостатки детства; поэтому если мы не видим, чтобы это было умышленным, то должны только мягко

указывать детям на эти недостатки, а устранение их предоставить времени. Если каждый промах подобного рода будет вызывать гнев и взыскание, то поводы для выговоров и взысканий будут представляться столь часто, что воспитатель сделается для своих воспитанников источником постоянного страха и беспокойства. А этого достаточно, чтобы помешать им извлечь пользу из его уроков и сделать безуспешными все его приемы преподавания.

Пусть почтительный страх, внушенный воспитателем детям, настолько умеряется постоянными выражениями нежности и расположения к ним, чтобы привязанность к нему поощряла их к выполнению долга и чтобы они находили удовольствие в исполнении его требований. Это создаст хорошее отношение между детьми и воспитателем, заставит их слушаться его, как своего друга, который их любит и трудится для их блага; благодаря этому их мысли будут свободны и непринужденны в его присутствии; только при таком душевном состоянии ум и способен усваивать новые сведения и воспринимать новые впечатления; если же дети не будут получать их и удерживать, то все, что они вместе со своим воспитателем делают, должно пропасть даром: 'будет много неприятностей и мало учения.

§168. Когда указанным выше способом подстрочного чередования латинского и английского текстов мальчик приобрел известные познания в латинском языке, он может пойти немного дальше и перейти к чтению какой-либо другой легкой латинской книги, вроде, например, Юстина или Евтропия [53], а для того чтобы сделать чтение и усвоение книги менее скучным и трудным для него, разрешите ему пользоваться, если он захочет, английским переводом. Возражение, что при таких условиях он будет только механически владеть языком, не должно никого пугать. Этот довод, если хорошо в нем разобраться, говорит не против, а в пользу такого способа изучения языка. Ибо языки должны изучаться только механически; и кто не говорит поанглийски или по-латыни вполне механически, так, чтобы, лишь только у него появилась мысль, которую он желает высказать, его язык естественно, без всякой мысли о правилах или грамматике, подыскивал бы подходящее выражение или специфический для данного языка оборот, тот не умеет говорить на этом языке и не владеет им. И я очень хотел бы, чтобы кто-нибудь назвал мне такой язык, который можно было бы изучить или на котором можно было бы говорить как следует при помощи грамматических правил. Языки создавались не правилами, не искусственно, а случайно и как продукт общей практики народа. И тот, кто говорит хорошо на каком-либо языке, руководствуется лишь одним правилом: не доверяться ничему, кроме своей памяти и привычки говорить по манере, усвоенной от людей,

умеющих говорить правильно; а это — другими словами — и значит говорить механически.

Мне могут здесь задать вопрос: так что же, грамматика в таком случае совершенно не нужна? Значит, те, кто затратили так много труда на сведение различных языков к правилам и определениям, те, кто писали так много о склонениях и спряжениях, о согласовании и синтаксисе, работали напрасно и учились бесцельно? Я этого не говорю, грамматика имеет свое значение. Но я позволю себе сказать, что вокруг нее поднимают гораздо больше шума, чем следует, ради нее мучают тех, кому она вовсе не нужна. Я имею в виду детей в том возрасте, когда их обычно донимают ею, и именно в грамматических школах.

1. Нет ничего очевиднее той истины, что языки, усвоенные механически, служат с достаточным успехом для обычных житейских дел и отношений. Мало того, пример тех знатных представительниц слабого пола, которые проводят время в благовоспитанном обществе, показывает нам, что этот простой и естественный метод, не предполагающий даже малейшего изучения или знания грамматики, способен сообщить их языку высокую степень изящества и утонченности: встречаются дамы, которые, не зная, что такое глаголы и причастия, наречия и предлоги, говорят так же чисто и правильно (если бы я сказал — как сельский учитель, они, пожалуй, приняли бы это за плохой комплимент), как большинство джентльменов, учившихся по обычному методу грамматических школ. Как видим, во многих случаях можно обойтись без грамматики. Возникнет в таком случае вопрос: кого же следует учить ей и когда? На это я отвечу следующим образом:

1. Люди обыкновенно учатся языкам ради обычных общественных сношений и обмена мыслями в повседневной жизни, без каких-либо других планов их применения. А для этой цели первоначальный способ обучения языку посредством разговора не только дает успешные результаты, но и должен пользоваться предпочтением как наиболее легкий, целесообразный и естественный. Поэтому можно сказать, что для такого применения языка грамматика не необходима. С этим должны согласиться все те из моих читателей, которые понимают то, что я говорю, понимают других при разговоре, хотя никогда не учились грамматике английского языка. Я полагаю, что то же самое можно сказать о подавляющем большинстве англичан, среди которых я еще не встретил ни одного, кто научился бы родному языку при помощи правил.

2. Есть другие люди, которым приходится в большей части своей деятельности на этом свете пользоваться языком или пером; им если не необходимо, то по меньшей мере полезно говорить чисто и правильно, чтобы тем легче внушать свои мысли другим людям и производить на них большее впечатление. С этой точки зрения не всякий способ речи считается достаточным для джентльмена, как бы она ни была понятна в устах говорящего. Он должен в числе других вспомогательных средств правильной речи изучить также грамматику, но это должна быть грамматика собственного языка — языка, которым он пользуется, — чтобы он мог точно понимать язык своей страны и безупречно на нем говорить, не оскорбляя слуха тех, к кому он обращается, солецизмами и раздражающими неправильностями. Для этой цели необходима грамматика, но грамматика только своего языка, и притом только для тех, кто желает потрудиться над обработкой своего языка и над усовершенствованием своего стиля. Но следует ли это делать всем джентльменам — этот вопрос я оставляю открытым, имея в виду, что недостаточная правильность и отсутствие грамматической точности в языке считаются неприличными для людей этого ранга и тех, кто страдает таким недостатком, обыкновенно обвиняют в том, что они получили плохое воспитание и вращались в худшем обществе, чем подобало бы при их знатности. Если это так (а я думаю, что это так), приходится удивляться тому, что молодых джентльменов заставляют изучать грамматику иностранных и мертвых языков, но им никогда не говорят о грамматике родного языка: они мало знают о ее существовании и еще меньше о том, что им нужно изучать ее. Несмотря на то что они ежедневно пользуются своим родным языком и в дальнейшей жизни о них нередко судят по их изящной или неуклюжей манере выразиться на нем, им никогда не рекомендуют его в качестве предмета, заслуживающего внимания, и не советуют в нем совершенствоваться; между тем на языках, грамматикой которых они так много занимались, они навряд ли будут когда-либо говорить или писать, а если бы даже это когда-нибудь случилось, то им простили бы допущенные ошибки и промахи. Если бы какой-нибудь китаец познакомился с этим методом воспитания, он бы, пожалуй, подумал, что все наши молодые джентльмены готовятся быть учителями и профессорами мертвых языков в чужих странах, а не деловыми людьми на своей родине.

3. Есть третья категория людей, которые занимаются двумя или тремя мертвыми иностранными языками, или, как они у нас называются, учеными языками: они посвящают себя изучению этих языков и гордятся знанием их. Нет сомнения, что те, которые принимаются изучать какой-либо язык с этой целью и желают обладать точным, научным знанием его, должны

основательно изучать его грамматику. Я бы не хотел быть ошибочно понятым в том смысле, будто я недооцениваю греческий и латинский языки. Я согласен, что эти языки высокополезны и превосходны и что человек, не знакомый с ними, не может занять место среди ученых в нашей части света. Но я думаю, что те познания, которые джентльмен обыкновенно желает извлечь для своего употребления из сочинений римских и греческих писателей, он может получать, не изучая грамматики этих языков, и что путем одного чтения он может научиться понимать их в той степени, которая достаточна для его целей. В какой мере может оказаться для него необходимым в будущем ознакомиться с грамматикой и научными деталями какого-либо из этих языков — это он в состоянии будет сам решить, когда займется изучением какого-либо предмета, который потребует этого. Это приводит меня к другой части вопроса, а именно: когда нужно изучать грамматику?

Ответ на этот вопрос на основании вышесказанного должен, очевидно, быть следующий.

Если кому-либо и следует изучать грамматику, то лишь тому, кто уже умеет говорить на данном языке; иначе как он ее изучит? По крайней мере это с очевидностью вытекает из практики мудрых и ученых наций древности. Они делали частью воспитания изучение своего родного языка, а не иностранных. Греки считали все остальные народы варварами и к их языкам относились с презрением. И хотя к концу республики греческая образованность приобрела среди римлян большое уважение, однако предметом изучения для их молодежи был язык Рима: родным языком им приходилось пользоваться, и поэтому родному языку обучались и в нем упражнялись.

Но если нужно точнее определить время, подходящее для грамматики, я не вижу, какой смысл изучать ее иначе как в качестве вступления в риторику. Когда находят, что мальчику пора заняться шлифовкой языка и научиться говорить лучше, чем необразованные люди, тогда и время учить его грамматическим правилам, но не раньше. Ибо грамматика не учит людей говорить, она учит говорить правильно, согласно точным правилам языка, что является одним из элементов утонченности; и тому, кто не нуждается в последней, мало нужна и первая; где нет надобности в риторике, там можно обойтись и без грамматики. Я не знаю, зачем должен тратить время и ломать голову над латинской грамматикой человек, который не собирается стать критиком или говорить речи и писать

письма на этом языке. Если кто-либо находит для себя необходимым или расположен основательно изучить какой-либо иностранный язык и желает знать его до тонкостей, у него найдется время заняться и изучением его грамматики. Если же он пользуется этим языком только для понимания некоторых книг, написанных на нем, не ставя своей целью теоретического знания самого языка, то, как я уже сказал, он добьется этого путем простого чтения, не загружая свой ум многочисленными правилами и сложными тонкостями грамматики.

§169. Для упражнения в письме заставляйте его иногда переводить с латинского языка на английский; но так как изучение латыни есть не что иное, чем заучивание слов, что является очень неприятным занятием как для молодого, так и для старого человека, то присоединяйте к этому возможно больше других позитивных знаний, начиная с того, что наиболее доступно нашим чувствам, например со знакомства с минералами, растениями и животными, в особенности с лесными, а в саду — с садовыми деревьями, с их строением и способами их разведения; таким способом вы можете научить ребенка многому такому, что будет для него бесполезно, когда он станет взрослым. Но главным образом имейте в виду географию, астрономию и анатомию. Однако чему бы вы ни учили его, всегда старайтесь не загружать его чересчур многим одновременно; и не делайте ничего для него обязательным, если это не имеет непосредственного отношения к добродетели, и не применяйте при этом никаких взысканий, если только не видите порока или явной склонности к нему.

§170. Если же мальчику в конце концов суждено пойти в школу и там изучать латинский язык, то говорить с вами о методе, который я считал бы наилучшим для школы, бесполезно: вы должны будете подчиниться тому методу, который там принят, и не можете рассчитывать, что его изменят ради вашего сына; во всяком случае вам следует всеми средствами, какими вы располагаете, добиваться того, чтобы его не заставляли писать латинские сочинения и декламации, в особенности всякого рода стихи. Вы можете настаивать — если ваши доводы подействуют — на том, что вы не намерены сделать из своего сына латинского оратора или поэта, а желали бы только, чтобы он вполне свободно читал латинских авторов; что, по вашим наблюдениям, учителя, с успехом преподающие любой из современных языков, никогда не занимают своих учеников сочинением речей или стихов на французском или итальянском языках, так как их обязанность заключается только в обучении языку, а не сочинительству.

§ 171-180

§171. Но следует объяснить вам немного подробнее, почему я не желал бы, чтобы мальчика заставляли упражняться в писании сочинений и стихов.

1. Что касается сочинений, то они как будто бы рассчитаны на то, чтобы научить людей чему-то полезному, а именно красиво и хорошо говорить о любом предмете. Я признаю, что это было бы большим преимуществом (если бы только можно было этого достигнуть таким путем), так как ничто в большей мере не подходит для джентльмена и ничто не приносит ему больше пользы во всех случаях жизни, чем умение по любому поводу говорить хорошо и кстати. Но я утверждаю, что писание сочинений, как это обычно делается в школах, ни в малейшей степени не способствует этому, ибо подумайте только: чем, собственно, юноша занимается при составлении сочинения? Он сочиняет речь на какую-либо латинскую поговорку, вроде «*Omnia vincit amor*» или «*Non licet in bello bis ressaere*» [54] и т. д. И вот, несчастный юноша, ничего не знающий о тех вещах, о которых ему нужно сказать и знание которых дается только временем и наблюдениями, вынужден подвергать пытке свою изобретательность, чтобы что-нибудь сказать о том, чего он не знает; это своего рода египетская тирания, заставлявшая делать кирпичи людей, не имевших для этого никаких материалов [55]. Бедные дети обыкновенно в таких случаях обращаются к ученикам старших классов с просьбой одолжить им немного «смысла», и трудно сказать, чего здесь больше — разумного или смешного. Для того чтобы человек был способен говорить о каком-либо предмете, необходимо, чтобы он предварительно ознакомился с ним; при отсутствии этого условия требовать от него рассуждения об этом предмете столь же глупо, как требовать от слепого, чтобы он говорил о цветах, или от глухого, чтобы он говорил о музыке. Разве вы не сочтете немного тронувшимся того, кто потребовал бы от человека, совершенно незнакомого с нашими законами, высказаться по какому-нибудь спорному юридическому вопросу? А что, скажите пожалуйста, школьники понимают в тех предметах, которые обычно предлагаются им в качестве тем для разработки в сочинениях с целью возбуждать и упражнять их фантазию?

§172. Затем, подумайте еще о том, на каком языке они должны писать свои сочинения. На латинском, на языке, чуждом их родине и повсюду ставшем мертвым языком. Это — язык, на котором ваш сын, сделавшись взрослым (можно поставить тысячу против одного), не будет иметь ни одного случая за всю свою жизнь произнести речь, язык, настолько

отличный по способу выражения от нашего, что человек, владеющий им в совершенстве, лишь в ничтожной мере улучшит этим чистоту и легкость своего английского стиля. Кроме того, в настоящее время так мало отводится места и так мало принято в какой бы то ни было сфере английской практической жизни произносить речь на нашем родном языке, что я не вижу никакого оправдания для подобных упражнений в наших школах, разве только если предположить, что, заставляя людей сочинять латинские речи, рассчитывают таким путем научить их делать хорошие экспромты на английском языке. Я думаю, что достигнуть этого можно скорее следующим способом: предлагать молодым джентльменам разумные и полезные вопросы, соответствующие их возрасту и способностям, о предметах, которые им не совсем незнакомы и не выходят за пределы их кругозора, — такие вопросы, на которые они, созревши для упражнений подобного рода, в состоянии были бы отвечать немедленно или после некоторого размышления тут же, на месте, не прибегая к перу.

Ибо раз мы уже хотим проверить эффективность этого метода обучения хорошей речи, то я спрошу вас: кто будет лучше говорить по любому вопросу, когда к этому представится повод при каких-либо дебатах, — те ли, которые привыкли предварительно сочинять и записывать то, что им предстоит сказать, или же те, которые имеют обыкновение думать прежде всего о деле и, стремясь возможно лучше в нем разобраться, высказываются сейчас же? Тот, кто примет это во внимание, мало будет склонен думать, что приучать молодого джентльмена к выступлениям с заученными речами и к писанию сочинений — значит надлежащим образом готовить его к практической жизни.

§173. Но, быть может, нам скажут, что это делается с целью усовершенствовать их в латинском языке. Конечно, в этом, собственно, заключается их задача в школе; но писание сочинений вовсе не путь к этой цели, так как это заставляет их ум напрягаться в поисках того, что бы сказать, а не уяснять смысл слов, которые требуется заучить; когда они пишут сочинение, они ищут мысли и потеют над ними, а не над языком. Но изучение и усвоение языка — дело само по себе нелегкое и достаточно неприятное; поэтому не следует его осложнять еще другими трудностями, как это имеет место при данном способе. Наконец, если нужно подобными упражнениями развить в мальчиках способность к выдумке, то пусть они пишут сочинения на английском языке, так как в этом случае они легко распорядятся словами и их собственные мысли им гораздо яснее, когда они излагают их на родном языке. Если же нужно изучить латинский язык,

то следует делать это легчайшим способом, не утомляя ума и не вызывая отвращения присоединением такого неприятного занятия, как сочинение речей.

§174. Если столько соображений может быть высказано против писания детьми в школе латинских сочинений, то еще больше возражений, и притом более веских, я могу выдвинуть против писания ими стихов, стихов всякого рода; ибо если ребенок не обладает поэтическим талантом, то самая неразумная вещь на свете — мучить его и заставлять тратить время на то, в чем он никогда не может иметь успеха; если же у него есть поэтическая жилка, то мне представляется самой странной вещью на свете, когда отец склонен сам поощрять и развивать ее в нем или разрешает это делать другим. По-моему, родители должны стараться заглушить эту склонность, подавить ее, насколько возможно; я не знаю, из какого соображения отец может желать, чтобы сын его стал поэтом, если он не хочет, чтобы тот пренебрег всеми остальными профессиями и делами. Да это еще не самое худшее; если он окажется удачным стихотворцем и приобретет репутацию умника, то, подумайте только, в какой компании и в каких местах он будет, по всей вероятности, растрчивать свое время и — даже более того — свое состояние; ибо разве мы видели, чтобы кто-либо открыл золотые или серебряные рудники на Парнасе [56]? Там приятный воздух, но бесплодная почва, и мы имеем очень мало примеров тому, чтобы кто-нибудь увеличил свое наследственное состояние за счет собранных там плодов. Поэзия и игра, которые обычно идут рука об руку, сходны еще в том отношении, что они редко кому приносят какие-либо выгоды, кроме тех, кому нечем другим кормиться. Состоятельные люди почти всегда оказываются в проигрыше; и хорошо, если они отделяются более дешевой ценой, чем потеря всего или значительной части своего состояния. Если поэтому вы не хотите, чтобы ваш сын молот вздор перед всякой веселой компанией, без которой подобные франты не находят полного вкуса в своем вине и не знают, как убивать свое вечернее время; если вы не хотите, чтобы он растрчивал свое время и состояние на то, чтобы развлекать других, и презирал те грязные акры, которые оставлены ему предками, то я думаю, что вы не будете сильно заботиться о том, чтобы он сделался поэтом или чтобы школьный учитель посвятил его в искусство стихотворца. Но если кто-нибудь желает, чтобы его сын обладал качествами поэта, и думает, что изучение поэзии разовьет в нем фантазию и способности, то он должен согласиться, что для этой цели чтение превосходных греческих и римских поэтов гораздо полезнее, чем сочинительство плохих собственных стихов на чужом языке. А тот, кто желает отличиться в английской поэзии, навряд ли, я думаю, усмотрит путь

к этому в том, чтобы первые свои опыты делать в форме латинских стихов.

§175. Есть еще одна вещь, очень часто применяемая по обычной методике грамматических школ, которая кажется мне совершенно бесполезной и могущей только вызывать трудности у юношей при изучении языков, в то время как это изучение необходимо всячески облегчать и превращать в приятное занятие, устраняя по возможности все, что есть в нем тягостного. Я имею в виду и осуждаю здесь принуждение детей к заучиванию наизусть больших отрывков читаемых авторов; в этом я вообще не вижу никакой пользы, и особенно для того дела, которым они занимаются. Языки нужно изучать только путем чтения и письма, а не заучиванием наизусть отрывков из сочинений писателей; человек, начинивший этим свою голову, вооружается всем, что нужно, чтобы стать педантом: это верный путь к педантизму, который менее всего приличествует джентльмену. В самом деле, что может быть смешнее человека, перемешивающего богатые и прекрасные мысли других с порядочной порцией своего собственного убогого материала, который от этого становится еще заметнее, но отнюдь не привлекательнее и столь же плохо рекомендует его обладателя, как изношенное и порыжевшее пальто с насаженными ярко-красными заплатами и блестящими позументами? Конечно, если встречается отрывок, по содержанию достойный запоминания, а по форме весьма сжатый и удачный (какие часто встречаются у древних писателей), то не следует упускать случая закрепить его в уме юных учеников. Превосходными импровизациями великих мастеров следует иногда пользоваться для упражнения памяти школьников. Но заставлять их заучивать наизусть уроки в том порядке, в каком они следуют в их учебниках, без выбора и разбора — это, по-моему, значит только непроизводительно растрачивать их время и труд и возбуждать в них нелюбовь и отвращение к книгам, в которых они не находят ничего, кроме бесполезной доуки.

§176. Говорят, что детей нужно заставлять заучивать наизусть с целью упражнения и усовершенствования памяти. К сожалению, это суждение отличается не столько разумной убедительностью, сколько скороспелой уверенностью, и соответствующая практика не столько подсказана серьезными наблюдениями, сколько основана на старинном обычае. Ибо очевидно, что сила памяти обуславливается счастливой конституцией, а не систематическим улучшением, осуществляемым путем упражнения. Это верно, что душа способна удерживать то, что она, под влиянием интереса и из опасения утратить, повторно запечатлевает в себе путем частой рефлексии, но

опять-таки соответственно той силе удержания, которая присуща ей от природы. Отпечаток, сделанный на воске или свинце, не держится так долго, как на меди или стали. Правда, если часто возобновлять его, он может сохраняться дольше; но каждое новое размышление о предмете есть вместе с тем и новое впечатление, и это должен учитывать всякий, кто желает знать, как долго душа может удерживать воспринятое. Но заучивание наизусть страниц латыни не больше помогает памяти удерживать любую другую вещь, чем вырезывание какого-либо изречения на свинце увеличивает способность последнего прочно удерживать какие-либо другие буквы. Если бы подобный способ упражнения памяти мог сообщать ей силу и совершенствовать наши способности, то из всех людей актеры должны были бы обладать наилучшей памятью и являть собою самое лучшее общество. Улучшают ли заученные таким путем отрывки их память в отношении других вещей и совершенствуются ли их способности пропорционально труду, потраченному на заучивание на память чужих слов,— это должен будет показать опыт. Память настолько необходима во все периоды и при всяких обстоятельствах жизни, и без нее так мало можно сделать, что нам нечего опасаться, как бы она не ослабела или не испортилась из-за недостатка упражнения, если упражнение может сделать ее более сильной. Но я боюсь, что эта способность ума, как правило, не может значительно улучшаться и исправляться упражнениями или усилиями с нашей стороны, по крайней мере теми, которые применяются для этой цели в грамматических школах. И если Ксеркс [57] мог назвать по имени любого простого солдата своей армии, состоявшей не менее чем из ста тысяч человек, то вряд ли, мне думается, можно предположить, что эту удивительную способность он приобрел заучиванием наизусть уроков, когда был мальчиком. Этот способ упражнения и совершенствования памяти путем утомительного повторения прочитанного, не глядя в книгу, я думаю, мало применяется в воспитании принцев; между тем если он бы обладал тем преимуществом, о котором говорят, то в указываемом мною случае им бы также мало пренебрегали, как и в отношении самых незнатных школьников: ведь принц так же нуждается в хорошей памяти, как и любой другой человек, и принцы, как правило, не уступают в этой способности остальным людям, хотя к ним никогда не применялся указанный способ. Чем душа занята и чем она интересуется, то она лучше всего и запоминает — по причине, указанной мною выше; а если сюда еще внести метод и порядок, то этим, мне думается, будет сделано все для улучшения слабой памяти. Тот же, кто изберет для этого другой путь, особенно путь загрузки памяти массой иностранных слов, которыми учащийся вовсе не интересуется, вряд ли, я думаю, убедится, что польза от этого хоть наполовину окупит затраченное время и труд.

Я не хочу этим сказать, что детскую память никак не следует упражнять. Я думаю, что ей нужно давать работу, но не в виде механического заучивания целых страниц из книг, которые, после того как урок отвечен и задание выполнено, опять предаются забвению и никогда больше не вспоминаются. Это не улучшает ни памяти, ни ума. Я уже указывал выше, что именно дети должны заучивать наизусть из сочинений писателей; и если вы однажды загрузили их память этими мудрыми и полезными изречениями, то не допускайте, чтобы они забывались, и часто проверяйте это; независимо от той пользы, которую эти изречения могут им принести в течение всей дальнейшей жизни благодаря тем разумным правилам и мыслям, которые в таком изобилии в них содержатся, это будет приучать их часто размышлять и задумываться над тем, о чем им следует помнить; и это есть единственное средство делать их память живой и плодотворной. Привычка к частым размышлениям будет удерживать их мысли от пассивности и разброда и возвращать их из бесполезных блужданий, мешающих сосредоточенности. Поэтому я считаю полезным давать им каждый день что-нибудь для запоминания, но только то, что само по себе достойно запоминания и что, по вашей мысли, должно всегда оставаться в их памяти на тот случай, если бы вы вздумали их спросить или они сами захотели бы вспомнить. Это будет побуждать их часто обращать свои мысли внутрь: лучшей интеллектуальной привычки вы не можете для них пожелать.

§177. Но кому бы ни было доверено обучение ребенка в течение нежного и податливого периода его жизни, одно несомненно — это должен быть человек, который смотрит на латынь и на языки как на наименее важную часть воспитания; человек, который, зная, насколько добродетель и хорошо настроенная душа предпочтительнее всякой учености и знания языка, ставит своей главной задачей формировать душу своих учеников и давать ей правильное направление; а раз это будет достигнуто, то, хотя бы все прочее оставалось в пренебрежении, в свое время оно принесет с собою и все остальное; если же это не достигнуто и не упрочено и дурные и порочные привычки не искоренены, то языки и науки и все прочие положительные результаты воспитания окажутся бесполезными и послужат лишь тому, чтобы сделать человека еще более дурным и более опасным. В самом деле, что бы ни трубили об обучении латыни как о великой и трудной задаче, сама мать может обучить ей своего ребенка, если только она готова отдавать ему два-три часа в день и будет заставлять его читать ей Евангелие на латинском языке. Для этого ей нужно только купить Новый завет на латинском языке и, попросив кого-либо отметить последний долгий слог в

тех словах, которые имеют больше двух слогов (этого достаточно, чтобы обеспечить правильное произношение и правильную постановку ударений в слогах), читать его ежедневно вместе с английским, тогда она не сможет не понимать Евангелие на латинском языке. А после того как ребенок освоится с латинским Евангелием, пусть таким же способом читает басни Эзопа, а затем перейдет к Евтропию, Юстину и к другим подобным книгам. То, что я говорю, не является только плодом моей фантазии: я знаю о таком факте, когда латынь была таким путем легко усвоена.

Но вернемся к тому, о чем я начал говорить. Тот, кто берет на себя обязанность воспитания молодых людей, в особенности молодых джентльменов, должен обладать чем-то большим, чем знание латыни и даже знание свободных наук: он должен быть человеком большой добродетели и большого разума, должен обладать здравым смыслом и хорошим характером, а также умением держать себя с достоинством, непринужденно и ласково в своем постоянном общении со своими воспитанниками. Но об этом я говорил подробно в другом месте.

§178. Одновременно с обучением французскому и латинскому языкам можно, как я говорил, начать вводить мальчика также в арифметику, географию, хронологию, историю и геометрию. Ибо если учить его этим предметам на французском или латинском, когда он начинает понимать какой-либо из этих языков, то он будет одновременно приобретать знания в этих предметах и в придачу усваивать самый язык.

Начать, мне думается, нужно с географии: ибо, поскольку изучение фигуры земного шара, положения и границ четырех частей света [58] и отдельных королевств и стран является только упражнением глаз и памяти, ребенок будет этому учиться с удовольствием и запоминать эти вещи. Насколько это верно, показывает следующий факт. В доме, где я теперь живу, есть ребенок, которого мать настолько хорошо ознакомила этим способом с географией, что, когда ему еще не было шести лет, он знал границы четырех частей света, умел, когда его спрашивали, сразу показать любую страну на глобусе и любое графство на карте Англии, знал все большие реки, мысы, проливы и заливы на земном шаре и умел находить долготу и широту любой точки. Конечно, этими вещами, которые ребенок по указанному методу усвоит при помощи зрения и запомнит механически, еще не исчерпывается все, что он должен изучить на глобусе. Однако это значительный шаг и хорошая подготовка к дальнейшему и весьма облегчит усвоение всего остального впоследствии, когда его способность рассуждать достаточно

созреет для этого; кроме того, он выигрывает этим много времени, а удовольствие, которое он испытывает, узнавая о разных вещах, будет незаметно способствовать усвоению им языка.

§179. Когда в памяти мальчика хорошо запечатлеются естественные подразделения земного шара, будет своевременно перейти к арифметике. Под естественными подразделениями земного шара я подразумеваю различные положения частей суши и моря в связи с различными названиями и подразделениями стран, не касаясь еще тех искусственных и воображаемых линий, которые условны и придуманы в целях усовершенствования этой науки.

§180. Арифметика — это легчайшая форма отвлеченного мышления; и поэтому она обыкновенно раньше других оказывается доступной уму, и с нею он раньше всего свыкается; притом она настолько общепотребительна при всех обстоятельствах обычной и деловой жизни, что навряд ли можно что-либо делать, не прибегая к ее помощи. Относительно нее, бесспорно, никогда нельзя сказать, что человек знает ее слишком много и слишком хорошо. Поэтому упражнения в счете следует начинать возможно раньше, лишь только ребенок становится способен к ним; и заниматься этим следует понемногу каждый день, пока он не овладеет вполне искусством счета. Когда он освоится со сложением и вычитанием, его можно повести дальше в географии; и после того как он ознакомится с полюсами, поясами, параллельными кругами и меридианами, нужно объяснить ему, что такое долгота и широта, научить его пользоваться с их помощью картой и по числам, поставленным по ее бокам, определять относительное положение стран и, обратно, отыскивать последние на земном глобусе.

Научившись легко с этим справляться, он может перейти к небесному глобусу и снова рассмотреть все круги, познакомиться более подробно с эклипстикой и зодиаком, чтобы с полной ясностью и отчетливостью запечатлеть их в своем уме, а затем усвоить фигуры и положение некоторых созвездий, которые можно сначала показать ему на глобусе, а затем уже на небе.

После того как все это усвоено и мальчик достаточно хорошо ознакомился с созвездиями, можно сообщить ему некоторые сведения о нашем планетном мире; для этой цели неплохо сделать ему чертеж системы Коперника и по этому чертежу объяснить положение планет, их относительные расстояния от Солнца, центра их вращения. Это наиболее

легкий и естественный путь для подготовки его к пониманию движения и теории планет. Ибо, так как астрономы больше не сомневаются в движении планет вокруг Солнца, его следует ознакомить с этой гипотезой не только потому, что это простейшая и наименее сложная гипотеза для учащегося, но и потому, что она в то же время и наиболее правдоподобна сама по себе. Однако и в данном случае, как и во всех других частях обучения детей, нужно тщательно стараться начинать с ясного и простого, нужно сообщать детям возможно меньше сведений одновременно и хорошенько укреплять эти сведения в их головах, раньше чем идти дальше и сообщать что-либо новое из этой науки. Дайте им сначала одну простую идею и проследите, чтобы они ее правильно поняли и вполне усвоили раньше, чем перейти к следующей, а затем присоедините следующую по вашему плану и по цели, которую вы себе ставите, и так, подвигаясь легкими и незаметными шагами, не запутываясь и не смущаясь, детские умы развернутся и их умственный кругозор расширится значительно дальше, чем вы, может быть, ожидаете. Когда же мальчик сам научился чему-либо, то нет лучшего способа закрепить это в памяти и поощрить его к продолжению учения, чем заставив его учить тому же других.

§ 181-190

§181. После того как он ознакомился с глобусом в объеме, указанном мною выше, полезно попытаться обучить его немного геометрии. Я думаю, что ему достаточно усвоить первые шесть книг Евклида; ибо я все-таки сомневаюсь, чтобы деловому человеку было необходимо и полезно знать больше. Во всяком случае если у него есть талант и влечение к этой науке, то, пройдя ее в указанном объеме под руководством своего воспитателя, он будет в состоянии продолжать ее изучение самостоятельно, без помощи преподавателя.

Поэтому глобусы надо изучать, и изучать тщательно, и я думаю, что начать это изучение можно рано, если только воспитатель будет внимательно разбираться в том, что ребенок усвоить способен и что — не способен; здесь, пожалуй, может помочь такой критерий: дети могут научиться всему, что воспринимается их чувствами, особенно зрением, поскольку при этом упражняется только их память; таким образом, очень маленький ребенок почти с того самого момента, как он стал распознавать комнаты дома, в котором живет, способен заучить на глобусе, что такое экватор, что такое меридиан и прочее, что такое Европа и что такое Англия, если только не

учить его слишком много одновременно и не заставлять переходить к новому раньше, чем он основательно заучит и укрепит в своей памяти то, чем он в данный момент занимается.

§182. Рука об руку с географией должна идти хронология. Я имею в виду общую ее часть, чтобы мальчик получил представление об общем ходе событий во времени и о некоторых важных эпохах, которые принято рассматривать в истории. Без них, т. е. без географии и хронологии, история, эта великая учительница благоразумия и гражданственности, наука, совершенно необходимая для джентльмена и делового человека, очень плохо удерживается в памяти и приносит очень мало пользы, представляя собою лишь грудку фактов, смешанных в кучу и лишенных порядка и поучительности. Только благодаря этим двум наукам дела человечества располагаются по соответствующим отрезкам времени и странам и при этом не только легче удерживаются в памяти, но единственно в таком естественном порядке и способны наводить на размышления, которые делают человека, читающего о них, лучше и способнее.

§183. Когда я говорю о хронологии как о науке, которую мальчик должен основательно усвоить, я не имею при этом в виду имеющиеся в ней мелкие контroversы. Они бесконечны, и большинство из них настолько маловажно для джентльмена, что не стоило бы вникать в них, даже если бы разрешение их не представляло особых трудностей. Поэтому весь этот ученый шум и пыль хронологов нужно целиком оставить в стороне [59]. Самая полезная книга, какую я видел по этой отрасли знания,— это небольшой трактат Страухиуса, напечатанный в двенадцатую долю, под названием «Breviarium Chronologicum» [60], из которого можно выбрать все необходимое, что должен знать по хронологии молодой джентльмен, так как нет надобности обременять учащегося всем, что содержится в этом трактате. Здесь он найдет наиболее замечательные и важные эпохи, приуроченные к юлианскому летосчислению, которое представляет собою самый простой, легкий и верный метод, какой только может быть применен в хронологии. Этот трактат Страухиуса можно еще дополнить таблицами Гельвикуса [61] — книгой, к которой следует во всех случаях обращаться за справками.

§184. Нет ничего более поучительного и в то же время занимательного, чем история. Первое из этих качеств делает ее достойной изучения для взрослых людей, второе же делает ее, по моему мнению, весьма подходящей для молодого юноши; последнему, как только он освоился с хронологией и ознакомился с теми несколькими эпохами,

которые приняты в нашей части света, и научился приводить их к юлианскому периоду, следует дать в руки какую-нибудь латинскую историю. Выбор должен определяться в зависимости от легкости стиля, ибо, с чего бы он ни начал, хронология предохранит его от путаницы; а поскольку занимательность предмета будет поощрять к чтению, он незаметно усвоит язык, не испытывая тех жестоких мук и неприятностей, которые выпадают на долю детей, когда их заставляют читать книги, превышающие уровень их понимания; таково, например, чтение римских ораторов и поэтов ради изучения латинского языка. После того как он путем чтения овладеет более легкими книгами вроде, может быть, Юстина, Евтропия, Квинта Курциуса [62] и т. д., переход к следующей ступени не представит для него никаких трудностей; таким образом, начав с самых простых и легких исторических сочинений, он последовательно будет переходить к чтению таких трудных и возвышенных латинских авторов, как Туллий, Вергилий и Гораций.

§185. Познание добродетели с самого начала и на всяких примерах, смысл которых он способен понять, внушается мальчику больше практикой, чем правилами, и предпочтение доброй репутации удовлетворению своих влечений становится, таким образом, для него привычкой. Поэтому я не знаю, нужно ли мальчику читать еще какие-либо другие рассуждения о морали, кроме тех, которые он находит в Библии, и нужно ли ему давать в руки какую-либо систему этики до того, как он будет читать «Обязанности» Туллия [63] уже не как школьник, для изучения латинского языка, а как человек, желающий ознакомиться с принципами и правилами добродетели, чтобы руководствоваться ими в своей жизни.

§186. Когда он достаточно хорошо переварил «Обязанности» Туллия и вдобавок еще книгу Пуфендорфа «De fficio hominis et civis», можно, пожалуй, засадить его за книгу Греция «De jure belli et pacis» или, пожалуй, еще лучше за «De jure naturali et gentium» Пуфендорфа; из этих книг он узнает о естественных правах человека, о происхождении и основах общества и о вытекающих отсюда обязанностях. Эта общая часть гражданского права и истории является предметом, с которым джентльмен должен не знакомиться только слегка, а заниматься постоянно, никогда не бросая его. Добродетельного и благонравного молодого человека, хорошо ориентированного в общей части гражданского права (которая не занимается казуистикой частных случаев, а трактует общим образом, на основании принципов разума, о делах и взаимном общении цивилизованных наций) и понимающего так же хорошо по-латыни, можно выпустить в свет с уверенностью, что он всюду найдет занятие и почет.

§187. Странно было бы думать, что английский джентльмен может быть незнаком с законами своей страны. Это знание настолько ему необходимо независимо от занимаемого им положения, что я не знаю должности — от мирового судьи до министра,— которую он мог бы с успехом выполнять без этих знаний. Я здесь не имею в виду крючкотворство или кляузную софистическую сторону права: джентльмен, задача которого заключается в том, чтобы искать правильные критерии права и не-права, а не в том, чтобы овладеть искусством обходить первое и без опаски делать второе, должен быть так же далек от указанного метода изучения права, как и обязан проявлять интерес к изучению того, в чем он может быть полезен своей стране. Поэтому для джентльмена, который не предполагает делать право своей профессией, правильный метод изучения права заключается, по моему мнению, в том, чтобы ознакомиться с основами нашей английской конституции и управления по старым книгам об обычном праве [65] и по сочинениям некоторых более современных писателей, которые на основе указанных источников дали анализ нашего управления. Получив правильное понятие об этом предмете, он должен перейти к чтению нашей истории, соединяя с этим изучение законов, которые издавались в каждое данное царствование. Это сделает для него понятным смысл статутов, осветит ту подлинную основу, на которой они возникли, и укажет, каким весом они должны пользоваться.

§188. По общепринятому методу обучения изучение таких искусств, как риторика и логика, обыкновенно следует непосредственно за грамматикой⁶⁶, и потому, пожалуй, покажется странным, что я так мало говорил о них. К этому побуждает меня то соображение, что молодые люди получают от них мало пользы: я редко, вернее, никогда не видел, чтобы кто-нибудь приобрел искусство хорошо рассуждать или красиво говорить путем изучения правил, претендующих научить этому искусству. Поэтому я желал бы, чтобы молодые джентльмены знакомились с этими двумя предметами по самым кратким руководствам, какие только могут быть найдены, не задерживаясь надолго на рассмотрении и изучении этих формальных знаний. Правильное рассуждение покоится не на предикаментах и предикабиях, а на чем-то другом и заключается вовсе не в том, чтобы говорить по модусам и фигурам [67]. Но в мою настоящую задачу не входит подробно останавливаться на этом спекулятивном предмете. Перейдем поэтому к нашему вопросу. Если вы хотите, чтобы ваш сын умел правильно рассуждать, заставляйте его читать Чиллингворта [68], а если вы хотите, чтобы он хорошо говорил, пусть он основательно знакомится с Туллем,

чтобы получить верное понятие о красноречии; и пусть он также читает вещи, написанные на хорошем английском языке, чтобы усовершенствовать свой стиль в отношении чистоты нашего языка.

§189. Если польза и цель правильного рассуждения заключаются в том, чтобы иметь правильные понятия и суждения о вещах, отличать истину от лжи, правду от неправды и соответственно поступать, то ни в коем случае не допускайте, чтобы ваш сын пристрастился к искусству формальных диспутов, сам ли практикуясь в нем или восхищаясь им в других, если только вы не хотите, чтобы из него вышел не способный человек, а ничтожный казуист, упорствующий в споре и гордящийся тем, что он противоречит другим, или, что еще хуже, все оспаривающий и считающий, что в споре нужно добиваться не истины, а только победы. Не может быть ничего менее добросовестного и менее подобающего джентльмену или кому бы то ни было, кто претендует на звание разумного существа, чем нежелание согласиться с ясным доводом, нежелание дать себя убедить ясными аргументами. Есть ли что-нибудь менее гармонирующее с приличной беседой и с задачей всякого спора, чем манера отклонять любой ответ, хотя бы самый обстоятельный и удовлетворительный, и продолжать спор, пока двусмысленно звучащие слова способны доставить термин для возражения или установления различия [69] — идет ли оно к делу или нет, имеет ли оно какой-либо смысл или не имеет, согласуется ли с ранее сказанным или противоречит ему? А ведь в том, коротко говоря, и заключаются приемы и мастерство логических диспутов, что оппонент не принимает никакого ответа, а диспутант не соглашается ни с каким аргументом. На это ни тот ни другой не может пойти, что бы ни случилось с истиной или знанием, если только он не желает сойти за жалкого простака и навлечь на себя позор тем, что не умеет отстоять раз выдвинутое им утверждение, в чем и заключаются главная цель и слава диспутирования. Истину можно раскрывать и подтверждать только путем зрелого и надлежащего рассмотрения самих вещей, а не при помощи искусственных терминов и приемов аргументации: они приводят людей не столько к открытию истины, сколько к софистическому и лукавому употреблению двусмысленных слов, что представляет собою самый бесплодный и наиболее оскорбительный способ беседы и менее всего подходит джентльмену или всякому, кто ценит истину.

Для джентльмена вряд ли какой-либо недостаток может быть признан более существенным, чем неумение хорошо выражаться в письме или разговоре. И все же я позволю себе спросить моего читателя: разве он не знает очень многих людей, которые живут на доходы от своих имений и, следовательно, нося звание джентльмена, должны были бы обладать и

качествами джентльмена, а между тем не умеют как следует рассказать о каком-либо событии и еще менее способны ясно и убедительно вести деловой разговор. Я думаю, что это вина не столько их самих, сколько их воспитания; ибо я должен без всякого пристрастия воздать должное моим соотечественникам и сказать, что, когда они чем-либо занимаются усердно, они не уступают никому из своих соседей. Они учились риторике, но никогда не учились изящно выражаться, устно или письменно, на языке, которым они всегда пользуются; как будто знакомство с названиями фигур, украшавших речи людей, овладевших искусством речи, и самое искусство и умение говорить — одно и то же. Это последнее, как и все другие практические вещи, приобретается не при помощи большего или меньшего количества правил, а упражнением и практикой, сообразующейся с хорошими правилами или, вернее, хорошими примерами, пока оно не войдет в привычку и не сделается легким.

В соответствии с тем, что я говорил выше, быть может, было бы целесообразно заставлять детей часто пересказывать какую-нибудь известную им историю, в первый раз исправляя лишь одну, самую важную ошибку, сделанную ими при изложении. Когда они избавятся от этой ошибки, нужно указать им вторую и так продолжать до тех пор, пока одна за другой не будут исправлены все остальные или по меньшей мере крупные ошибки. После того как они научились достаточно хорошо передавать содержание рассказа, нужно заставлять их излагать это письменно. Басни Эзопа (почти единственная, насколько мне известно, книга, подходящая для детей) могут дать им материал для письменных упражнений в английском языке, а также для чтения и перевода при первоначальном ознакомлении с латинским языком. Когда они перестали делать грамматические ошибки и умеют соединять в последовательном и связном изложении отдельные части рассказа, не слишком прибегая при переводе к бесцветным и некрасивым оборотам, как это обычно бывает, то при желании перейти от этой первой подготовки их к умению хорошо говорить, не требующей никакой изобретательности, можно обратиться к Туллию. Прилагая на практике правила, даваемые этим мастером красноречия в его первой книге «De inventione» (§ 20) [70], можно показать им, в чем заключается искусство и прелесть изящного рассказа в соответствии с различием темы и цели. На каждое из этих правил можно подобрать подходящие примеры и на них показывать детям, как применялись эти правила другими. Древние классические писатели дают массу подобных примеров, и надо не только заставлять детей переводить этих писателей, но и научить видеть в них образцы речи, достойные постоянного подражания.

После того как они научились писать по-английски связно, правильно и последовательно и усвоили достаточно хороший повествовательный стиль, можно заставить их перейти к написанию писем. При этом не следует требовать от них остроумия или светской любезности, а нужно учить их выражать лишь свои собственные простые и естественные мысли, избегая только бессвязности, путаницы и грубости. Когда же они вполне освоились с этой задачей, можно, для возбуждения их мыслей, дать им сочинение Вуатюра как образец переписки с отсутствующими друзьями в учтивом, веселом, шутивном или забавном тоне, а также «Письма» Туллия [71] как наилучшие образцы деловой или обыденной беседы. Умение писать письма так часто требуется при всех обстоятельствах человеческой жизни, что ни один джентльмен не может избежать необходимости проявить себя в этой области. Обстоятельства будут ежедневно заставлять его делать эти пробы своего пера, и его хорошее или плохое умение писать помимо тех результатов, которые оно часто дает в деловой жизни, будет всегда вызывать более суровую критику его воспитания, ума и способностей, чем устные рассуждения, при которых мимолетные ошибки, в большинстве случаев исчезающие вместе со звуками, в которые они воплотились, не подпадают в такой мере под строгую критику и легче ускользают от наблюдения и осуждения.

Если бы методы воспитания отвечали своей настоящей цели, эта столь необходимая часть воспитания не оставалась бы, надо думать, в пренебрежении, в то время как постоянно и повсюду уделяется столь настойчивое внимание совершенно ненужным латинским сочинениям и стихам, которые заставляют детскую изобретательность напрягаться сверх силы и исключительными трудностями мешают детям бодро продвигаться вперед в изучении языков. Но так предписывает обычай, и кто осмелится не повиноваться ему? И разве не было бы большим неразумием требовать от ученого наставника деревенской школы (который знает как свои пять пальцев все тропы и фигуры по «Риторике» Фарнэби [72], чтобы он учил своего ученика изящно выражаться по-английски, когда, видимо, это настолько мало входит в его обязанности и заботит его и когда мать мальчика (которую этот учитель, вероятно, презирает как невежду, потому что она не прочла ни одной системы логики и риторики) превосходит его в этом отношении?

Умение правильно писать и говорить производит приятное впечатление и вызывает благосклонное внимание к тому, что человек собирается сказать; и так как английскому джентльмену приходится

постоянно пользоваться английским языком, то в этом языке ему главным образом и следует совершенствоваться, проявляя величайшую заботу об отделке и улучшении своего стиля. Если кто-либо лучше говорит и пишет по-латыни, чем по-английски, это, быть может, заставит говорить о нем в обществе; но ему придется убедиться, что для него полезнее уметь хорошо выражаться на родном языке, которым он пользуется ежеминутно, чем получать пустую похвалу от других за это весьма незначительное достоинство. Я нахожу, что этим всюду пренебрегают и совершенно не заботятся о совершенствовании молодых людей в их родном языке, о том, чтобы они его хорошо понимали и владели им. Если кто-либо из нас владеет родным языком с большей, чем обыкновенно, легкостью и язык его отличается большей чистотой, то он обязан этим в значительной степени случайности, своим способностям или чему-либо другому, а не воспитателю или заботам учителя. Думать о том, как его ученик говорит и пишет по-английски, считается ниже достоинства человека, воспитанного в греческом и латинском окружении, хотя бы у него самого познания в этих языках были невелики. Только эти ученые языки достойны того, чтобы ученые мужи занимались ими и обучали им; английский же язык — язык непросвещенной черни. А между тем мы видим, что некоторые наши соседи не считают недостойным государственной заботы поощрять и вознаграждать за усовершенствование отечественного языка; очищение и обогащение родного языка не считается у них маловажным делом [73]. Для этого у них учреждаются коллегии и стипендии; правильность письма сделалась предметом честолюбия и соревнования; и мы видим, каких результатов они благодаря этому достигли, какому широкому распространению языка они способствовали (языка, пожалуй, одного из худших в нашей части света), если сравним, как обстояло дело несколькими царствованиями раньше и как обстоит оно теперь. Великие люди Рима упражнялись ежедневно в своем родном языке; и мы еще теперь находим в исторических летописях имена ораторов, которые обучали латинскому языку некоторых императоров, хотя это был их родной язык [74].

Известно, что греки были еще более щепетильны в отношении своего языка: всякая другая речь, кроме их собственной, была для них варварской речью, и этот ученый и проницательный народ, по-видимому, не изучал и не ценил ни одного иностранного языка, хотя не подлежит сомнению, что свою ученость и философию они заимствовали у других народов.

Я не высказываюсь здесь против греческого и латинского языков; я думаю, что их следует изучать и что джентльмен должен по меньшей мере латинский язык понимать хорошо. Но какими бы иностранными языками ни

занимался молодой человек (а чем больше он их знает, тем лучше), тем языком, который он должен изучить теоретически и которым он должен овладеть настолько, чтобы выражаться легко, ясно и изящно, должен быть его родной язык; а для достижения этой цели он должен заниматься им ежедневно.

§190. Натуральной философии как спекулятивной науки, я полагаю, у нас не существует, и, может быть, я мог бы с основанием сказать, что нам никогда не удастся сделать ее наукой. Произведения природы задуманы некоей Мудростью и созданы средствами, настолько далеко выходящими за пределы нашей способности раскрывать и понимать их, что мы навряд ли когда-либо будем в состоянии свести их в науку. Натуральная философия, которая есть познание начал, свойств и действий вещей, каковы они сами по себе, распадается, как я себе представляю, на две части: одна из них занимается духами, их природой и свойствами, другая — телами. Первую относят обыкновенно к метафизике; но под каким бы заголовком ни рассматривать духов, я думаю, что такое рассмотрение должно предшествовать изучению материи и тел — не в качестве науки, которая может быть на основе определенного метода сведена в систему и трактоваться на основании принципов знания, а в качестве некоторого расширения и дополнения нашего знания о мире духов, к которому нас одинаково ведут разум и откровение. И так как самые ясные и обширные сведения, которые мы имеем о других духах, кроме бога, и о наших собственных душах, сообщены нам небом через откровение, то я думаю, что по крайней мере молодые люди должны почерпнуть свои знания о них из этого откровения. Для достижения этой цели, я думаю, надо было бы составить хорошую библейскую историю для чтения молодежи; если бы в этой истории все, что должно бы в нее войти, было изложено в надлежащей временной последовательности и были бы выпущены некоторые вещи, которые подходят лишь для более зрелого возраста, то этим можно было бы избежать той путаницы, которая обычно создается чтением всего Писания без разбора, в том порядке, в котором история в настоящее время излагается в наших библиях. Кроме того, был бы достигнут и другой полезный результат: постоянное чтение этой истории поселило бы в детских душах представление и веру в духов, которые играют такую важную роль во всех событиях этой истории; а это в свою очередь явилось бы хорошей подготовкой к изучению тел. Ибо без представления о духах и без допущения их существования наша философия была бы неудовлетворительной и неполной в главной своей части, поскольку она оставляла бы в стороне рассмотрение превосходнейшей и могущественнейшей части творения.

§ 191-200

§191. Я думаю также, что было бы полезно сделать из этой библейской истории краткое и понятное извлечение, составив его из основных, наиболее существенных глав Библии, и знакомить с ним детей, как только они научатся читать. Хотя, таким образом, мы рано введем их в мир некоторых представлений о духах, однако это не противоречит сказанному мною выше о том, что детей, пока они малы, не следует смущать представлениями о духах. Ибо я хотел указать на вред, причиняемый нежной детской душе ранними впечатлениями от образов злых духов, призраков и привидений, которыми их няни, а также окружающие склонны пугать детей, чтобы добиться от них послушания: это часто приносит им большой вред и оказывает пагубное влияние на всю жизнь, отдавая их душу во власть страхов, боязливых опасений, слабости и суеверия. Когда они выходят в свет и вступают в общение с людьми, им становится неловко, и они стыдятся этого; и нередко случается, что, желая совершенно излечиться и сбросить с себя тяжесть, так сильно их угнетающую, они вместе с тем отбрасывают всякие мысли о духах и таким образом впадают в другую, худшую крайность.

§192. Причина, по которой я желал бы, чтобы указанное предшествовало изучению тел и чтобы Писание основательно усваивалось молодыми людьми раньше, чем они начинают заниматься натуральной философией, заключается в том, что материя, будучи вещью, с которой наши чувства имеют дело постоянно, способна до такой степени овладевать душой и исключать всякие другие виды сущего, что предрассудок, основанный на подобных принципах, часто не оставляет места для допущения духов или каких-либо нематериальных существ в природе вещей, в то время как очевидно, что ни одно из великих явлений природы не может быть объяснено при помощи лишь материи и движения. Для примера возьмем хотя бы только такое общее явление, как тяготение, которое не может быть объяснено каким бы то ни было действием материи или каким-либо другим законом движения, а лишь положительной волей какого-то высшего существа, распоряжением которого оно вызывается. И поскольку всемирный потоп не может быть хорошо объяснен без допущения чего-то выходящего из рамок обычного хода природы, то кажется мне, что следует подумать, не объясняется ли всемирный потоп гораздо лучше, чем при помощи любой из использованных до сих пор гипотез, изменением по воле бога на некоторое время центра тяжести Земли (вещь столь же мыслимая, как и само тяготение, которое, быть может, вызывается маленьким изменением неизвестных нам

причин). Я слышу веское возражение против этого объяснения, а именно: это могло бы вызвать лишь частичный потоп. Но раз мы допустили изменение центра тяжести, нетрудно представить себе, что божественная сила могла заставить центр тяжести, расположенный на надлежащем расстоянии от центра Земли, вращаться в течение соответствующего промежутка времени вокруг последнего и что благодаря этому потоп мог сделаться всемирным; я думаю, что этим все явления потопы, как они описаны Моисеем, объясняются проще, чем при посредстве многочисленных тяжеловесных гипотез, придумываемых с этой целью. Но здесь не место останавливаться на этой аргументации, которую мы затронули лишь мимоходом с целью показать, что для объяснения природы необходимо использовать что-то еще помимо одной только материи и ее движения. Для этого представление о духах и их могуществе, как они описаны в Библии, где столь многое приписано их действию, может послужить подходящей подготовкой; причем более полное изложение гипотезы и ее приложение ко всем подробностям потопы и ко всем затруднениям, которые могут быть усмотрены в истории потопы, как она изложена в Писании, следует отложить для более подходящего случая.

§193. Но вернемся к вопросу об изучении натуральной философии. Хотя мир полон ее системами, однако я не могу сказать, чтобы я знал какую-либо систему, которую можно было бы преподавать молодому человеку как науку, с тем чтобы он мог с уверенностью искать в ней истину и достоверность, ожидаемые от всякой науки. Отсюда я вовсе не делаю вывода, что ни одной из этих систем не нужно читать. В наш ученый век джентльмену необходимо заглянуть в некоторые из этих систем, чтобы быть готовым к разговору с людьми; но вопрос в том: нужно ли дать ему систему Декарта, как наиболее сейчас принятую, или же лучше дать ему краткий обзор этой и нескольких других систем? Я, во всяком случае, считаю, что системы натуральной философии, которые утвердились в нашей части света, нужно читать скорее ради знакомства с гипотезами и для понимания терминов и способов выражения различных школ, чем с расчетом получить ясное, научное и удовлетворительное знание о творениях природы. Необходимо лишь сказать, что современные сторонники корпускулярной гипотезы говорят о большинстве вещей гораздо вразумительнее, чем перипатетики, которые господствовали в школах непосредственно перед ними. Тот, кто захочет заглянуть в более далекое прошлое и познакомиться с различными мнениями древних, может обратиться к «Интеллектуальной системе» д-ра Кедворта [75], в которой этот весьма ученый автор так обстоятельно и продуманно собрал и изложил мнения греческих философов,

что из этого сочинения можно лучше, чем из каких бы то ни было других известных мне, усмотреть, на каких принципах греческие философы строили свои системы и какие главные гипотезы разделяли их. Но я не хочу отклонять кого бы то ни было от изучения природы из-за того, что не все знание, которое мы имеем или можем иметь о ней, может быть возведено на степень науки. Здесь содержится очень много такого, что полезно и необходимо знать джентльмену, и еще многое другое, что очень вознаградит любознательного человека за его труд удовольствием и пользой. Но это, я думаю, можно найти скорее у таких писателей, которые занимались рациональными опытами и наблюдениями, чем у составителей чисто спекулятивных систем. Поэтому джентльмену, немного ознакомившемуся с некоторыми модными системами натуральной философии, могут быть полезны многие сочинения м-ра Бойля [76] и других авторов, писавших по сельскому хозяйству, растениеводству и садоводству и т. п.

§194. Хотя известные мне системы физики внушают мало надежды найти достоверное или научное знание в каком-либо трактате, претендующем вывести систему натуральной философии из первых принципов тел вообще, однако несравненный мистер Ньютон показал, насколько математика, примененная к известным частям природы, может, опираясь на принципы, оправдываемые фактами, подвинуть нас в познании некоторых, если можно так выразиться, провинций непостижимой вселенной. И если бы другие могли дать нам столь же хорошее и ясное описание других частей природы, какое он дает в своей удивительной книге «*Philosophiae naturalis principia mathematica*» [77] относительно нашего планетного мира и важнейших явлений, наблюдаемых в нем, то мы могли бы надеяться со временем получить более правильные и более достоверные знания о различных частях этой изумительной машины, чем имели оснований ожидать до сих пор. И хотя очень немногие обладают достаточными математическими познаниями, чтобы понять его доказательства, но поскольку наиболее сведущие математики, исследовавшие эти доказательства, признают их несомненные достоинства, то его книга заслуживает быть прочтенной: она доставит немало света и удовольствия тем, кто, желая понять движения, свойства и действия больших масс материи в нашей солнечной системе, тщательно продумает его выводы, на которые можно положиться как на хорошо доказанные положения.

§195. Таковы вкратце мои мысли относительно учебных занятий молодого джентльмена.

Может показаться странным, что я оставил в стороне греческий язык, в то время как у греков можно найти, так сказать, первоисточник и

основание всей той учености, которой мы обладаем в нашей части света. Я согласен с этим и к тому же добавлю, что никто не может быть признан ученым человеком, если он не знает греческого языка. Но я обсуждаю здесь воспитание не профессионального ученого, а джентльмена, для которого, по общему признанию, при нынешних условиях, когда он становится взрослым, необходимо знание латинского и французского языков. Если он пожелает продолжать свои занятия и ознакомиться с греческой ученостью, то легко изучит этот язык самостоятельно; если же у него нет такой склонности, то изучение этого языка под руководством воспитателя будет лишь потерянным трудом: он лишь затратит много времени и усилий на то, что забросит с пренебрежением, как только получит свободу. Ибо много ли найдется среди сотни человек (даже если это ученые) таких, которые сохранили знание греческого языка, вынесенное из школы, или совершенствуются в нем настолько, чтобы свободно читать и вполне понимать греческих авторов?

В заключение этой части, касающейся учебных занятий молодого джентльмена, напомним еще раз воспитателю, что его назначение заключается не столько в том, чтобы сообщить воспитаннику всевозможные знания, сколько в том, чтобы возбудить в нем любовь и уважение к знанию и поставить его на правильный путь к приобретению знаний и к самоусовершенствованию, когда у него будет к тому охота.

Я хочу здесь ознакомить моего читателя с мнением одного глубокомысленного автора, придерживаясь при этом возможно ближе его собственных выражений. Он говорит: «Вряд ли можно чрезмерно обременить детей знанием языков. Они полезны людям всякого положения и одинаково открывают им доступ как к самым глубоким, так и к более легким и занимательным областям знания. Если это скучное изучение откладывают до более позднего возраста, то молодые люди или не проявляют достаточной решимости, чтобы этим заняться по собственной инициативе, или не проявляют достаточной выдержки, чтобы довести дело до конца. Если природа и наделила ребенка настойчивостью, то известное неудобство заключается в затрате на языки того времени, которое предназначено для другого употребления. Ему приходится изучать слова в таком возрасте, когда он стоит уже выше этого, когда от него требуются дела; это означает по меньшей мере потерю лучших и прекраснейших лет жизни. Широкая основа для языков может быть крепко заложена лишь тогда, когда всякая вещь легко и глубоко запечатлевается в душе, когда память свежа, восприимчива и прочно фиксирует, когда голова и сердце еще свободны от забот, страстей и желаний, а те, от кого ребенок зависит, обладают достаточным авторитетом,

чтобы заставить его заниматься со всем усердием и без перебоев. Я убежден, что истинных ученых так мало потому, что указанными соображениями пренебрегают» [78].

Я думаю, каждый согласится с этим наблюдательным джентльменом в том, что самое подходящее время для изучения языков — это ранние годы нашей жизни. Но родители и воспитатели должны обсудить, каким языкам ребенок должен учиться. Ибо необходимо признать бесплодным труд и потерянным время, потраченные на изучение языка, которым джентльмен, по всей вероятности, никогда не воспользуется в течение своей жизни и который он, как можно судить по его природному складу, забросит с полным пренебрежением, лишь только подойдет пора зрелости и он избавится от гувернера и получит возможность отдаться своим наклонностям, которые не располагают его к тому, чтобы уделить сколько-нибудь времени занятиям учеными или какими-либо другими языками, кроме тех, которые навязываются ему повседневной потребностью или необходимостью.

Но вместе с тем для тех, кому предназначено быть учеными, я хочу привести из того же сочинения одно место, которым автор хорошо дополняет предыдущие замечания. Оно заслуживает внимания всех, кто желает быть истинным ученым, и потому может послужить полезным правилом, которое воспитатели должны внушать своим ученикам и оставить им для руководства в их дальнейших занятиях.

«Изучение подлинного текста,— говорит он,— следует всячески рекомендовать. Это самый короткий, надежный и приятный способ всякого изучения. Черпайте из первоисточника и никогда не берите из вторых рук. Никогда не откладывайте в сторону сочинения великих мастеров, штудируйте их, запечатлевайте в своей душе во всем их объеме и во всех частностях. Ознакомляйтесь вполне с принципами оригинальных авторов, устанавливайте их правильное соотношение и затем старайтесь сами сделать выводы. В таком положении находились первые комментаторы, и вы не должны успокаиваться раньше, чем достигнете того же. Не довольствуйтесь светом, заимствованным у комментаторов, и руководствуйтесь их взглядами лишь в тех случаях, когда у вас нет собственного или когда ваш собственный взгляд оставляет нас в темноте. Их объяснения — не ваши объяснения и от вас ускользнут. Напротив, ваши собственные наблюдения суть плоды вашего собственного ума, где они прочно удержатся и всегда будут под рукой в случае беседы, обсуждения или диспута. Не лишайте себя удовольствия видеть, что вы при чтении становитесь в тупик лишь в случаях непреодо-

лимых трудностей — там, где комментаторы и схолиасты сами останавливаются в затруднении и не имеют, что сказать. Эти плодовитые толкователи чужих слов, будучи переполнены пустой и напыщенной ученостью, усердно применяют ее в отношении таких мест, которые сами по себе просты и понятны, и с большой щедростью расточают слова и труд там, где в этом нет никакой надобности. Организуя указанным образом свое изучение, вы сами вполне убедитесь, что только человеческая лень поощряет педантов не столько обогащать библиотеки, сколько загромождать их хламом и погребать хороших писателей под горами примечаний и комментариев; вы увидите также, что лень в данном случае действует против самой себя и против собственного интереса тем, что умножает чтение и исследования и увеличивает труды, которых старалась избежать» [79].

Хотя и может показаться, что приведенные мысли непосредственно касаются лишь настоящих ученых, они имеют, однако, столь большое значение для правильной организации воспитания и учебных занятий, что, надеюсь, меня не осудят за то, что я их здесь привел, особенно коль будет принято в соображение, что они могут оказаться полезными и для джентльменов, если последние когда-либо пожелают углубить свои поверхностные знания и достичь солидного, удовлетворительного и совершенного понимания в какой-либо области знания.

Порядок и выдержка, говорят, создают существенное различие между одним человеком и другим. Я уверен, что ничто не расчищает в такой степени путь учащемуся, ничто не помогает ему в такой мере продвигаться вперед, не облегчает и не обеспечивает ему столь больших достижений в любом исследовании, как хороший метод. Воспитатель должен взять на себя труд заставить своего воспитанника уяснить себе это; он должен приучить его к порядку и научить методичности во всякой умственной работе, показать ему, в чем метод заключается и в чем его преимущество, ознакомить его с различными методами — с переходом от общего к частному и от частного к более общему, упражнять его в применении того и другого метода и показывать ему, в каких случаях каждый из них наиболее подходит и каким целям лучше всего служит.

В истории ведущая роль принадлежит порядку хронологическому, в философских же исследованиях — тому порядку, который действует в природе; последний заключается в том, что при всяком движении вперед мы из места, в котором находимся в данный момент, переходим в соседнее, ближайшее к нему; точно так же и в области мысли: ум переходит от

приобретенного знания к ближайшему, непосредственно с ним связанному и продолжает так идти дальше, к конечной цели, через простейшие и наименее сложные части, на которые он может расчленить предмет. Имея это в виду, для ученика будет весьма полезно, чтобы его приучали к правильному различению, т. е. иметь расчлененные понятия там, где ум может открыть реальное различие, но вместе с тем тщательно избегать словесных различий там, где у него нет расчлененных и различных идей.

§196. Помимо того что может приобретаться учением и из книг, джентльмену необходимо обладать некоторыми другими, внешними талантами; они приобретаются упражнением и поэтому требуют времени и помощи учителя.

Танцы сообщают детям на всю жизнь изящество движений и — что важнее всего — осанку и приличную уверенность в себе; поэтому я считаю, что учить их танцам никогда не рано, если только они достаточно выросли и окрепли, чтобы быть способными к этому занятию. Но вы должны непременно пригласить хорошего учителя, который знает и умеет учить изящному и приличному — тому, что придает свободу и непринужденность всем движениям тела. Но раз учитель этому не учит, это еще хуже, чем если бы его вовсе не было, ибо природная неуклюжесть лучше искусственных обезьяньих поз; и я думаю, что гораздо пристойнее снимать шляпу и раскланиваться на манер порядочного сельского джентльмена, чем на манер плохого танцмейстера. Что же касается самой пляски и танцевальных фигур, то я им не придаю никакого значения, а если придаю, то самое ничтожное и лишь в той мере, в какой они повышают изящество манер в целом.

§197. Считают, что музыка имеет нечто родственное с танцами, и умение хорошо играть на некоторых инструментах многими высоко ценится. Но молодому человеку нужно затратить так много времени, чтобы достичь хотя бы посредственного искусства в музыке, и, кроме того, она часто увлекает в столь дурную компанию, что, по мнению многих, гораздо лучше обойтись без нее; и право, я так редко слышал, чтобы кого-либо из способных и деловых людей хвалили и ценили за выдающиеся достижения в музыке, что, по моему мнению, среди всех вещей, которые когда-либо включались в список светских талантов, ей можно было бы отвести последнее место. Нашей короткой жизни не может хватить на то, чтобы овладеть всем; да и душа не может быть вечно занята приобретением знаний. Слабость нашей конституции, как духовной, так и физической, требует, чтобы мы часто получали передышку; и поэтому человек,

желающий часть своей жизни провести с пользой, должен значительную ее часть отдавать отдыху и развлечениям. Во всяком случае вы не должны отказывать в этом молодым людям, иначе вы подобной чрезмерной торопливостью сделаете их преждевременными стариками, и вам грозит опасность свести их в могилу или подвести ко второму детству раньше, чем вы бы этого желали. Я думаю поэтому, что время и труд, посвященные серьезным занятиям, должны употребляться на самые полезные и важные вещи и с применением самых легких и кратких методов, какие только могут быть придуманы; и может быть, один из немаловажных секретов воспитания заключался бы, как я уже говорил выше, в том, чтобы превращать физические упражнения в отдых от умственных упражнений, и обратно. Я не сомневаюсь, что разумный человек, который хорошо вдумается в характер и склонности своего воспитанника, сможет кое-что сделать в этом смысле. Ибо тот, кто устал от учебных занятий или от танцев, вовсе не желает немедленно лечь спать, а хочет заняться чем-либо другим, что бы доставило ему удовольствие и развлекло его. Но об одном следует всегда помнить, а именно что ничто не может развлечь, если оно делается без удовольствия.

§198. Фехтование и верховая езда считаются столь необходимой частью воспитания, что, если пренебрегать ими, это было бы сочтено за большое упущение; верховая езда, которой учатся в основном только в больших городах, является с точки зрения здоровья одним из лучших упражнений, какие можно иметь в этих местах удобства и роскоши; и пока джентльмен живет в этих местах, оно должно занять соответствующее место Среди его занятий. Верховая езда сообщает человеку твердую и грациозную посадку в седле и умение дрессировать своего коня, заставляя его разом останавливаться, быстро поворачиваться и становиться на дыбы; поэтому она полезна для джентльмена как в мирное, так и в военное время. Но достаточно ли она важна, чтобы обращать ее в серьезное дело, и заслуживает ли она того, чтобы отнимать у джентльмена больше времени, чем следовало бы тратить его на этот тяжелый спорт, если исходить исключительно из интересов здоровья,— все это я предоставляю решать родителям и воспитателям. Но последним полезно при этом вспомнить, что, о какой бы части воспитания ни шла речь, наибольшая мера времени и прилежания должна быть уделена тому, что будет вероятнее всего иметь наибольшее значение и наиболее частое применение в обычном течении и обстоятельствах той жизни, для которой предназначается молодой человек.

§199. Что касается фехтования, то оно мне кажется хорошим упражнением для здоровья, но опасным для жизни. Уверенность в своем искусстве может поощрить к спорам тех, которые считают, что они умеют

владеть шпагой. Эта самонадеянность часто делает их более чувствительными, чем нужно, в вопросах чести при малейшем поводе и даже при полном отсутствии его. Молодые люди, с их горячей кровью, склонны думать, что они напрасно учились фехтованию, если никогда не покажут своего искусства на дуэли; и это соображение, видимо, резонно. Но о том, сколько оно породило трагедий, могут свидетельствовать слезы многих матерей. Человек, не умеющий фехтовать, будет более тщательно избегать общества забияк и игроков и будет наполовину меньше склонен проявлять мелочную щепетильность, наносить оскорбления или решительно их оправдывать; а этим обыкновенно и вызываются ссоры. На самом же поединке посредственное умение фехтовать скорее подводит нас под удар противника, чем защищает от него. И бесспорно, что смелый человек; совсем не умеющий фехтовать, но строящий свой расчет на первый удар и не теряющий времени на парирование, имеет перевес над посредственным фехтовальщиком, особенно если он умеет хорошо бороться. Поэтому если в подобных случаях нужно заранее принимать меры и подготавливать своего сына к дуэлям, то я предпочел бы, чтобы мой сын был хорошим борцом, а не посредственным фехтовальщиком; на большее же искусство в фехтовании джентльмен не может рассчитывать, если только он не будет постоянно торчать в фехтовальной школе и упражняться ежедневно. Но поскольку фехтование и верховая езда всеми признаются как необходимые элементы воспитания джентльмена, трудно совершенно отказывать человеку этого ранга в подобных знаках отличия. Я предоставляю поэтому отцу право обдумать, в какой мере характер его сына и положение, которое он, вероятно, будет занимать, позволяют или побуждают его сообразоваться с обычаями, которые, имея очень мало общего с цивилизованной жизнью, раньше были неизвестны самым воинственным народам и, кажется, немного прибавили силы или мужества тем, которые их приняли, если только мы не думаем, что военное искусство или доблесть преуспели благодаря дуэлям, вместе с которыми фехтование вошло в обычай, с тем чтобы, как я полагаю, вместе с ними исчезнуть.

§200. Таковы мои мысли относительно обучения и внешних талантов джентльмена. Самая великая вещь — это добродетель и мудрость. «Nullum numen abest si sit prudentia" [80].

Научите джентльмена властвовать над своими наклонностями и подчинять свои влечения разуму. Если это достигнуто и благодаря постоянной практике вошло в привычку, то самая трудная часть задачи выполнена. Чтобы привести молодого человека к такому результату, я не знаю лучшего средства, чем любовь к похвале и одобрению, которую

поэтому следует внедрять всеми мыслимыми способами. Сделайте его душу возможно более чувствительной к чести и позору; и когда вы этого добились, вы тем самым вложили в него начало, которое будет влиять на его поступки и в вашем отсутствии и с которым нельзя даже сравнивать страх перед незначительной болью, причиняемой розгой; оно явится тем настоящим стволom, на котором впоследствии привьются истинные принципы морали и добродетели.

§ 201-210

§201. Я намерен остановиться еще на одном предмете, при первом упоминании которого я рискую навлечь на себя подозрение в том, что я забыл о своей теме и о том, что я писал выше относительно воспитания, во всем приноровленного к призванию джентльмена, с которым как будто бы ремесло никак не совместимо. Тем не менее я не могу не сказать, что я желал бы, чтобы он учился ремеслу, ручному труду, и даже более того — не одному, а двум или трем, причем какому-нибудь одному более основательно.

§202. Поскольку склонность детей к деятельности всегда должна направляться на что-нибудь полезное для них, следует учитывать два рода выгод, которых можно ожидать от их занятий:

1. Искусство, усвоенное путем упражнения, само по себе заслуживает того, чтобы его усвоить. Таковы не только знание языков и наук, но также живопись, токарное и кузнечное дело, садоводство и все другие полезные искусства, заслуживающие усвоения.

2. Упражнение как таковое, независимо от каких бы то ни было других упражнений, необходимо или полезно для здоровья.

Знание некоторых вещей настолько необходимо усваивать детям, пока они малы, что усовершенствованию в этих вещах должна быть посвящена некоторая часть их времени, хотя бы эти занятия вовсе не способствовали здоровью. Таковы чтение и письмо и все другие занятия, связанные с сидением на месте, цель которых — воспитание их ума и которые неизбежно отнимают у джентльменов значительную часть времени с самых ранних лет.

Из ручных ремесел, для усвоения которых, равно как и для упражнения в них, требуется физический труд, многие благодаря этому упражнению не только увеличивают нашу ловкость и искусство, но и укрепляют также наше здоровье, особенно если ими заниматься на открытом

воздухе. В них, следовательно, можно сочетать усовершенствование с улучшением здоровья; из них следует выбрать подходящие в качестве развлечения для тех, чье главное занятие связано с книгами и учением. При этом выборе нужно соотносываться с возрастом и наклонностями данного человека и, привлекая его к делу, избегать принуждения. Ибо приказание и насилие часто вызывают отвращение, но никогда не излечивают от него; за какое бы дело вы ни засадили человека насильно, он при первой же возможности немедленно бросит его, да к тому же, пока он занимается им, оно приносит ему мало пользы и еще меньше развлечения.

§203. Из всех искусств я бы отдал предпочтение искусству живописи, если бы против нее не выдвигались кое-какие доводы, на которые трудно возразить. Во-первых, плохая живопись — одна из самых скверных вещей на свете; а для того чтобы достичь сносного умения в этом искусстве, требуется слишком много времени. Если кто-либо обладает природной склонностью к живописи, может возникнуть опасность, что ради нее он забросит все остальные, более полезные занятия; если же у него нет никакой склонности к ней, то все время, труд и деньги, которые должны быть на нее затрачены, окажутся выброшенными на ветер. Другая причина, по которой я против занятия джентльмена живописью, заключается в том, что это развлечение связано с сидением на месте и больше занимает душу, чем тело. Более серьезным занятием для джентльмена я считаю учение, а когда оно требует перерыва и перемены, то надо заниматься физическим упражнением, которое дает отдых мыслям и укрепляет здоровье. По этим двум соображениям я не сторонник живописи.

§204. Для сельского джентльмена я предложил бы одно из следующих двух занятий или, еще лучше, и то и другое: садоводство или вообще сельское хозяйство и работы по дереву, например плотницкие, столярные, токарные, ибо для кабинетного или делового человека они являются полезным и здоровым развлечением. Душа не выдерживает постоянного занятия одним и тем же предметом или одним и тем же приемом работы, и люди, ведущие сидячую или кабинетную жизнь, должны иметь какое-нибудь упражнение, которое бы могло в одно и то же время развлекать их душу и занять тело; и я не знаю в этом отношении ничего лучше указанных двух занятий — когда погода или время года не позволяет ему заняться одним, он может делать другое. Хорошее усвоение первого даст ему возможность руководить своим садовником и учить его; усвоив второе, он будет в состоянии придумывать и изготавливать много полезных и вместе с тем приятных вещей. Но на это я указываю не как на главную цель работы, а как

на нечто привлекающее к ней, ибо главное, что я имею в виду, заключается в полезном и здоровом ручном труде как отвлечении от других, более серьезных мыслей и занятий.

§205. Великие люди древности очень хорошо умели сочетать ручной труд с государственными делами и не считали умалением своего достоинства заниматься подобным трудом в виде отдыха от своих основных дел. Фактически наиболее распространенным среди них занятием и развлечением в часы досуга, видимо, было земледелие. Геден у евреев был взят от молотила, а Цинциннат [81] у римлян — от плуга, чтобы командовать войсками их стран против врагов; очевидно, их умение искусно управлять цепом или плугом и хорошо работать этими инструментами не мешало им искусно владеть оружием и не делало их менее способными в делах войны и государственного управления. Они были великие полководцы и государственные люди и в то же время сельские хозяева. Катон Старший, который с великой славой исполнял все высокие должности республики, оставил нам письменное доказательство своего большого знания сельского хозяйства; и, как мне помнится, Кир настолько далек был от того, чтобы видеть в занятии садоводством умаление достоинства и величия трона, что показывал Ксенофону большой фруктовый сад, в котором все деревья были посажены его руками [82]. Древние летописи как евреев, так и язычников полны примерами такого рода, если требуются примеры для рекомендации полезных развлечений.

§206. Не думайте также, что я ошибаюсь, когда называю подобные упражнения и ручные ремесла развлечениями или отдыхом; отдых заключается не в безделье (как может убедиться каждый), а только в облегчении утомленного органа переменной занятий; и тот, кто думает, что развлечение не может состоять в трудной и утомительной работе, забывает о раннем вставании, трудной верховой езде, о жаре, холоде и голоде, которые выпадают на долю охотников; между тем охота, как известно, составляет обычное развлечение среди людей высшего круга. Копание земли, посадка деревьев, прививка или другие подобные полезные занятия могли бы не в меньшей мере служить развлечением, чем любой праздный модный спорт, если бы только люди научились находить в том удовольствие, а это быстро приносят с собой привычка и знание какого-либо ремесла. И я не сомневаюсь, что найдутся люди, которые, получая часто приглашения на карты или какие-либо другие игры и не имея возможности отклонять их, больше устают от этих развлечений, чем от каких-либо более серьезных занятий, хотя бы игра была такая, которая сама по себе не внушает никакого отвращения и которой они бы охотно временами развлекались.

§207. Игра, которой знатные люди, особенно дамы, отдают столько времени, служит для меня ясным примером того, что люди не могут находиться в полной праздности: они должны что-нибудь делать; иначе как могли бы они просиживать столько часов за таким занятием, которое большинству людей доставляет больше неприятностей, чем удовольствия, когда их привлекают к нему! Несомненно, что от игры не остается никакого чувства удовлетворения у человека, размышляющего о ней уже после того, как она кончилась; не приносит она также никакой пользы ни телу, ни душе; что касается материальной стороны, то, если игра затрагивает человека так глубоко, что и эта сторона его интересует, она становится уже не развлечением, а промыслом, в котором мало преуспевают те, у которых есть другой источник средств. А преуспевающий игрок, наполняя свои карманы ценой своей репутации, в лучшем случае лишь жалко промышляет.

Развлечение не нужно людям, которые чуждаются серьезного дела и не истощаются и не утомляются своими профессиональными занятиями. Нужно уметь регулировать время развлечения так, чтобы оно давало отдых и освежало тот орган, который упражнялся и утомился, но время надо использовать так, чтобы помимо развлечения и приятного самочувствия в настоящем каждое занятие давало бы пользу в будущем. Только тщеславие и кичливость знатных и богатых людей ввели в моду бесполезные и опасные способы приятного времяпрепровождения — «pastimes», как они это называют, и поселили в людях убеждение, что изучение и занятие чем-либо полезным не может быть развлечением, подходящим для джентльмена. Это и было причиной того, что карты, кости и попойки получили такое признание в свете; множество людей тратит на них свои свободные часы, скорее подчиняясь обычаю и не имея какого-нибудь другого лучшего занятия, которым можно было бы заполнить досуг, чем находя в этом какое-либо действительное удовольствие. Они не в силах нести мертвый груз незанятого времени, переносить скуку ничегонеделания; однако, не выучившись никакому похвальному ремеслу, которым могли бы развлекаться, они, чтобы убить время, прибегают к этим обычным, но нелепым или вредным развлечениям, в которых разумный человек, еще не испорченный обычаем, нашел бы очень мало приятного.

§208. Я не хочу этим сказать, что, по моему мнению, молодой джентльмен ни в коем случае не должен принаравливаться к тем невинным развлечениям, которые приняты среди молодых людей его возраста и положения. Я настолько далек от желания видеть его до такой степени суровым и угрюмым, что хотел бы убедить его быть более снисходительным

ко всем увеселениям и развлечениям своих товарищей и не реагировать с угрюмым нерасположением на их предложения, если последние приличествуют джентльмену и порядочному человеку. Хотя, что касается карт и костей, по моему мнению, безопаснее и лучше всего, чтобы он никогда не учился играть в них и был, таким образом, застрахован от этих опасных соблазнов и от вторжения в его жизнь этих расточителей полезного времени. Но если даже допускать праздное и веселое время-препровождение и всякие приличные модные забавы, я все-таки утверждаю, что у молодого человека будет оставаться достаточно времени от его серьезных и главных занятий, чтобы научиться почти любому ремеслу. То, что люди бывают искусны только в одном деле, нужно приписывать недостатку прилежания, а не отсутствию лишнего времени; один час в день, регулярно отдаваемый такого рода занятию, может привести человека к таким достижениям, каких он и не воображает, а это заслуживало бы поощрения даже в том случае, если бы только вывело из моды общепринятые порочные и бесполезные способы развлечения и показало бы, что в них нет никакой надобности. Если бы люди с юных лет отучались от того шалопайства, в котором некоторые, следуя обычаю, теряют бесплодно значительную часть своей жизни, не работая и не развлекаясь, то у них нашлось бы достаточно времени, чтобы приобрести сноровку и искусство в сотнях вещей, которые, хотя бы они были далеки от их настоящей профессии, тем не менее нисколько не мешали бы ей. Ввиду этого, так же как и по соображениям, указанным выше, я считаю, что менее всего должно быть терпимо и допустимо в молодых людях то ленивое и апатичное настроение, которое заставляет проводить день за днем в сонливой праздности. Это является естественным состоянием болезненного человека или человека с расстроенным здоровьем; но ни в ком другом, независимо от возраста или общественного положения, оно не должно быть терпимо.

§209. К вышеупомянутым ремеслам можно прибавить еще изготовление духов [83], лакирование, гравирование и некоторые виды работ по железу, меди и серебру; если же молодой джентльмен, как это бывает с большинством из них, проводит значительную часть своего времени в большом городе, то он может там научиться ограничивать и оправлять драгоценные камни, шлифовать и полировать оптические стекла. При большом разнообразии затейливых ремесленных работ невозможно, чтобы не оказалось ни одной, которая бы пришлась ему по душе и по вкусу, если только он не ленивый и не испорченный человек, о чем нельзя предположить, если он был правильно воспитан. Поскольку он не может быть постоянно занят учением, чтением и беседой, то, кроме того времени,

которое у него отнимут эти занятия, останется много свободных часов, и если он не будет их тратить указанным образом, то потратит их хуже. Ибо я думаю, что молодой человек в редком случае пожелает оставаться в полной праздности и безделье; если это имеет место, то перед нами порок, который нужно исправить.

§210. Но если заблуждающиеся родители, которых приводят в ужас такие неприятные слова, как «ремесло» и «ручной труд», не дадут своим детям заниматься чем-либо в этом роде, то есть одна вещь, относящаяся к торговле, изучение которой они, по здравом размышлении, признают для своих сыновей безусловно необходимой.

Знание счетоводства не поможет джентльмену нажить состояние; однако нет, пожалуй, более полезного и действенного способа сохранить ему то состояние, которым он обладает, чем счетоводство. Редко приходится наблюдать, чтобы допустил свои дела до полного расстройств тот, кто ведет счет своим доходам и расходам и, таким образом, постоянно имеет перед глазами движение своих хозяйственных дел; и я не сомневаюсь, что многие впадают в долги, не замечая этого, или еще дальше расстраивают свои дела, однажды допустив это, только потому, что не заботятся о ведении учета или не умеют это делать. Поэтому я бы рекомендовал всякому джентльмену основательно изучить счетоводство и не думать, что это искусство ему не нужно потому, что оно получило свое название от торговых людей и ими главным образом применяется.

§ 211-216

§211. Коль скоро мой юный барчук научился вести счета (дело скорее соображения, чем арифметики), будет излишне, если отец будет впредь требовать от него вести все свои личные счета. Я не хочу сказать, что молодой человек должен записывать стоимость каждой пинты вина или потраченные на игру деньги: для этих вещей вполне достаточна одна общая рубрика расходов. Я не желал бы также, чтобы отец слишком подробно рассматривал его счета и на этом основании критиковал его за расходы; он должен помнить, что и он сам был когда-то молодым человеком, и не должен забывать, какие мысли ему были тогда свойственны и что его сын имеет сейчас право на такие же мысли и может требовать снисходительного отношения к ним. Поэтому если я и желал бы, чтобы молодого джентльмена обязали вести счета, то вовсе не с тем, чтобы таким путем вмешивались в

его расходы (ибо отец должен предоставить ему полную свободу в распоряжении теми средствами, которые ему выдает), но исключительно для того, чтобы с ранних лет приучить его и сделать для него легким и привычным то, что ему будет столь полезно и необходимо неуклонно практиковать в течение всей жизни. Один знатный венецианец, сын которого утопал в богатстве, находя, что его расходы растут сверх всякой меры, приказал своему кассиру не выдавать сыну денег больше, чем тот в состоянии будет каждый раз при получении сосчитать. Можно было бы подумать, что это не очень большое стеснение для юного джентльмена в его расходах, раз он может свободно получать столько денег, сколько он в состоянии сосчитать. Однако для человека, не привыкшего ни к чему другому, кроме погони за удовольствиями, это оказалось весьма серьезным затруднением, которое в конце концов привело его к следующему трезвому и полезному размышлению: если мне так трудно только сосчитать те деньги, которые мне предстоит истратить, то сколько же труда и усилий стоило моим предкам не только считать их, но и наживать. Эти разумные мысли, внушенные ему небольшой работой, которая была на него возложена, так сильно повлияли на его образ мыслей, что он совершенно переменялся и с того времени ведет себя как разумный хозяин. Во всяком случае каждый должен признать, что ничто не может лучше удерживать человека в определенных границах, чем постоянный учет состояния своих дел путем регулярного ведения счетов.

§212. Последней частью воспитания обыкновенно является путешествие, в котором обычно видят завершение дела — то, что заканчивает формирование джентльмена. Я согласен, что путешествие в чужие страны дает большие преимущества; но молодых людей обычно отправляют за границу, по моему мнению, как раз тогда, когда они менее, чем в любое другое время, способны извлечь отсюда выгоды. Главнейшие из этих выгод следующие две: первое — это усвоение языка, второе — повышение умственного развития и обогащение практическим опытом благодаря наблюдению и общению с людьми, нравы, обычаи и образ жизни которых отличны между собой и особенно от тех, которые молодой человек наблюдал в своем приходе и по соседству. Но в возрасте между шестнадцатью и двадцатью одним годом, обычно избираемом для путешествия, люди менее всего способны совершенствоваться в этих направлениях. Наиболее подходящим временем для усвоения иностранных языков и приспособления органа речи к правильному произношению я считал бы возраст от семи до четырнадцати или шестнадцати лет; но тогда полезно и необходимо, чтобы с мальчиком был воспитатель, который учил

бы его кроме языков и другим вещам. Но отпустить юношу далеко от родительского глаза под надзором гувернера в такое время, когда мальчик считает себя слишком взрослым, чтобы подчиняться чужому руководству, и в то же время не обладает достаточным благоразумием и опытом, чтобы быть самостоятельным,— разве это не значит подвергать его самым большим за всю жизнь опасностям в такое время, когда он наименее огражден и защищен от них? До того как наступит этот кипучий и бурный период его жизни, воспитатель, можно надеяться, будет иметь известный авторитет: несмотря на упорство, свойственное возрасту, и на искушения или примеры других, мальчик до пятнадцати или шестнадцати лет не уйдет из-под руководства воспитателя; позднее же, когда он начинает водиться со взрослыми и самого себя считать взрослым человеком, когда он уже находит вкус и источник гордости в пороках взрослых и считает для себя позорным оставаться дольше под чужим контролем и руководством,— чего можно тогда ожидать даже от самого заботливого и рассудительного гувернера, раз у него нет силы принуждения по отношению к своему воспитаннику, а последний не расположен слушаться его уговоров, а, напротив, подчиняясь голосу горячей крови и господствующему обычаю, скорее склонен верить советам товарищей, чем воспитателя, в котором он теперь видит врага своей свободы? Когда же человеку так легко сбиться с пути, как не в этот период, когда в нем сочетаются неопытность и непокорность? Именно в эту пору жизни больше, чем в какую-либо другую, требуются надзор и авторитет родителей и друзей. Податливость раннего возраста, когда мальчик еще не дорос до упрямства, делает этот возраст более легким для воспитания и более безопасным; в позднем же возрасте начинают понемногу действовать разум и предусмотрительность и напоминать человеку о необходимости совершенствования. Поэтому правильнее всего отправлять молодого джентльмена за границу или в более раннем возрасте, когда он находится под надзором воспитателя, который будет для него и более полезен, или же когда он на несколько лет старше и уже не имеет гувернера, т. е. находится в таком возрасте, когда может управлять самим собою и замечать все, что он встречает в Других странах интересного и могущего оказаться ему полезным по возвращении; когда, кроме того, он, уже зная хорошо законы и обычаи, природные и моральные преимущества и недостатки своей страны, может уже о чем-то обменяться мыслями с иностранцами и может надеяться, что извлечет из беседы с ними какие-либо знания.

§213. Я полагаю, что именно потому, что путешествия молодых джентльменов организуются иначе, очень многие из них возвращаются домой, извлекая так мало пользы из своей поездки. Все знание увиденных

мест и людей, которое они привозят домой, часто выражается в одном лишь восхищении самыми скверными и пустыми обычаями, с которыми они встречались за границей. Приятные воспоминания о моментах, в которые они ощутили впервые обретенную свободу, скорее сохраняются в их памяти, чем то, что должно было бы сделать их лучше и мудрее. Да и в самом деле, как может быть иначе, если они ездят за границу в таком возрасте, когда находятся под присмотром другого человека, который должен заботиться обо всем необходимом для них и делать за них наблюдения? Находясь под крылышком гувернера и пользуясь этим, они видят в этом оправдание тому, что еще не стоят на собственных ногах и не отвечают за свое поведение, и редко затрудняют себя вопросами, редко делают самостоятельные и полезные наблюдения. Их мысли направлены на игры и развлечения, и здесь они всякий контроль считают умалением их прав; они редко затрудняют себя тем, чтобы вникать в намерения, наблюдать манеры, размышлять о примерах, о характерах и наклонностях людей, с которыми встречаются, чтобы знать, как вести себя по отношению к этим людям. Здесь тот, кто путешествует с ними, должен служить для них прикрытием: выручать их, когда они попадают в затруднительное положение, и нести ответственность за все их дурные поступки.

§214. Я согласен, знание людей — это такое большое искусство, что нельзя ожидать от молодого человека, чтобы он сразу овладел им. Но ведь поездка за границу будет малополезна, если путешествие не откроет ему глаза, не сделает его осмотрительным и сдержанным, не приучит смотреть глубже поверхности и под безобидным покровом вежливого и любезного обращения сохранять свободу и безопасность в общении с иностранцами и людьми вообще, не теряя их доброго мнения. Тот, кого посылают в путешествие в возрасте и с мыслями человека, желающего извлечь для себя из этого пользу, может всюду вступать в общение и знакомиться с выдающимися людьми. Но хотя это в высшей степени полезно для путешествующего джентльмена, однако я спрошу вас: найдется ли среди наших молодых людей, ездящих за границу под присмотром воспитателя, хотя бы один из ста, который когда-либо посетил бы какого-нибудь выдающегося человека? И еще реже они знакомятся с людьми, беседа с которыми могла бы показать им, что считается хорошим воспитанием в этой стране и что в ней заслуживает внимания; хотя от таких лиц можно в один день узнать больше, чем за целый год шатаний по гостиницам. И право, удивляться тут нечему: достойные и даровитые люди не склонны вступать в простое знакомство с мальчиками, которые нуждаются в опеке воспитателя, между тем как молодой джентльмен и иностранец с внешностью взрослого

человека, обнаруживающий желание познакомиться с обычаями, нравами, законами и образом правления страны, в которой он находится, повсюду найдет благожелательное содействие и радушный прием у лучших и наиболее сведущих людей, готовых принять, поощрить и поддержать неглупого и любознательного иностранца.

§215. Как бы эти соображения ни были справедливы, боюсь, однако, что они не заставят изменить обычай, который отнес время путешествия к самому неподходящему периоду человеческой жизни по причинам, не имеющим никакого отношения к усовершенствованию молодых людей. Мальчика восьми — десяти лет нельзя отправлять за границу из опасения, как бы чего не случилось с нежным ребенком, хотя в это время он подвергается в десять раз меньшей опасности, чем в шестнадцать или восемнадцать лет. С другой стороны, нельзя держать его дома до тех пор, пока не пройдет этот опасный и буйный возраст, ибо к двадцати одному году он должен уже вернуться, жениться и думать о потомстве. Отец не может дольше ждать с выделом, а матери не терпится дождаться нового поколения малюток для забавы; и вот, мой молодой человек должен во что бы то ни стало получить жену, которую высмотрели для него, пока он подрастал; хотя никакого вреда не было бы ни для его сил и способностей, ни для его потомства, если бы это было отложено на некоторое время и ему позволили бы годами и знаниями несколько больше опередить своих детей, которые, как это часто наблюдается, идут прямо по пятам своих отцов, что не доставляет большого удовольствия ни сыну, ни отцу. Но коль скоро молодой джентльмен уже носится с проектом женитьбы, пора предоставить его той, которую он любит.

§216. Хотя я подошел к концу моих заметок о воспитании, внушенных наблюдениями, я бы не хотел, однако, чтобы подумали, что я смотрю на них как на настоящий трактат об этом предмете. Есть тысячи других вещей, которые бы требовали рассмотрения, особенно если принять во внимание разнообразные темпераменты, различные наклонности и специальные недостатки, которые можно встретить у детей и которые требуют специальных мер исправления. Разнообразие так велико, что потребовался бы целый том; да и его бы не хватило. Душа каждого человека, так же как и его лицо, имеет известные особенности, отличающие его от остальных людей, и вряд ли найдутся двое детей, в воспитании которых можно было бы применить совершенно одинаковый метод. Кроме того, я думаю, что принц, дворянин и сын обыкновенного джентльмена должны воспитываться различным образом. Но я имел в виду высказаться здесь

лишь о некоторых общих вопросах относительно главной задачи и цели воспитания, к тому же применительно к сыну одного джентльмена, тогда еще совсем маленькому, которого я рассматривал как чистый лист бумаги или воск, из которого можно вылепить и сформировать все что угодно. Поэтому я несколько вышел за пределы тех общих правил, которые, по моему мнению, должны применяться при воспитании юного джентльмена; и я публикую теперь мои случайные мысли — хотя они далеко не представляют полного трактата об этом предмете или такого, в котором каждый мог бы найти то, что полностью подойдет для его ребенка,— надеюсь, что они все же могут кое-что осветить для тех, кого забота о своих дорогих крошках делает столь необычайно смелыми, что они решаются, не полагаясь всецело на старый обычай, советоваться в деле воспитания своих детей и с собственным разумом.

МЫСЛИ О ТОМ, ЧТО ЧИТАТЬ И ИЗУЧАТЬ ДЖЕНТЛЬМЕНУ

Чтение служит совершенствованию разума. Совершенствование же разума нужно для двух целей: во-первых, для расширения наших собственных знаний, во-вторых, для того, чтобы мы могли передавать эти знания и делать их понятными для окружающих. Последнее пусть для занятий джентльмена и не главное, все же не менее важно, чем первое, ибо большая часть жизненных дел и выгод зависит от того, что говорим или пишем мы другим людям.

Круг наших знаний не может быть шире круга наших идей. Следовательно, тот, кто желает быть сведущим во всем, должен познакомиться с объектами всех наук. Но для джентльмена, чье призвание — в служении отечеству, это необязательно, ему более всего подобает заниматься вопросами нравственными и политическими. Итак, к его призванию самым непосредственным образом относятся науки о добродетелях и пороках, о гражданском обществе и видах правления, а также право и история.

Джентльмену достаточно воспринять идеи, относящиеся к его призванию; он найдет их в книгах на вышеупомянутые темы. Следующим шагом в совершенствовании его разума должно стать усмотрение связи этих идей в утверждениях, которые выдвигаются и преподаются в книгах в качестве истин. До того как человек сможет судить, истины это или нет, его разум едва-едва усовершенствуется, и он будет думать и говорить лишь в соответствии с книгами, которые прочитал, не имея помимо этого Яйкаких знаний. Потому начитанные люди могут быть весьма учены и, однако, малознаючи.

Поэтому третий и последний шаг в совершенствовании разума состоит в выяснении того, на чем основано выдвинутое утверждение, и в усмотрении связей промежуточных идей, соединяющих его с тем основанием, на котором оно воздвигнуто, или с тем принципом, из которого оно выведено. Коротко говоря, это есть способность правильно рассуждать; только на этом пути можно с помощью чтения и занятий достичь истинного знания.

Когда человек с помощью упражнения приобрел эту способность усматривать ход рассуждения и связь прочитанного и судить о них, а также доказывать то, чему его пытались научить,— тогда, но не раньше, чем ему это удалось, он станет на верный путь к усовершенствованию своего разума и расширению своих знаний посредством чтения. Но это (как я уже сказал) еще не все, к чему следует стремиться читающему джентльмену; он должен, кроме того, иметь желание совершенствоваться также в искусстве речи, настолько, чтобы быть в состоянии наилучшим образом применить свои знания.

Искусство хорошей речи заключается главным образом в двух вещах — в ясности и в правильном рассуждении. Ясность достигается употреблением надлежащих терминов для идей или мыслей, которые говорящий хочет передать из своего сознания в сознание другого. Именно ясность делает их легкодоступными, и люди с удовольствием внимают тем, кого они легко понимают; все, что сказано невразумительно, умирает сразу по произнесении и обычно не только пропадает даром, но и порождает в слушателях предубеждение против говорящего, который, как им кажется, либо не знает, о чем говорит, либо боится сказать это понятно. Чтобы достичь ясной речи, следует читать книги, которые признаются написанными самым ясным и правильным языком, каким только пользуются люди. Непревзойденным в этом отношении автором, наряду с некоторыми другими, является доктор Тиллотсон, покойный епископ Кентерберийский [1]; все им опубликованное — тому свидетельство. Я предпочитаю рекомендовать в качестве образца для овладения искусством ясной речи именно его труды, а не те, что сообщают правила этой науки, ибо мы более способны учиться на примере, чем по инструкциям. Если же кто-нибудь захочет обратиться к учителям искусства письма и речи, он может найти у Туллия в «De oratore» и в другом его трактате «Orator», в «Institutiones» Квинтилиана и в трактате Буало «Du Sublime» [2] указания о разнообразных составляющих хорошей речи.

Ясность должна быть дополнена правильным рассуждением, без чего она лишь скомпрометирует говорящего. Чтобы достичь умения правильно рассуждать, я бы посоветовал постоянно читать Чиллингворта [3], сочинения которого научат и ясности, и умению правильно рассуждать лучше, чем любая другая известная мне книга; поэтому его нужно читать и перечитывать, обращая особое внимание на его способы доказательства. Кроме этих английских книг для формирования вкуса и склонности к правильной речи и письму можно читать Туллия (лучшее издание Туллия — Гульелмуса и Грутера, отпечатанное в Гамбурге, 1618; превосходно также эльзевирское издание Туллия в 9 томах), Теренция (последнее кембриджское издание), Вергилия (последнее кембриджское), Ливия (эльзевирское издание) и «Записки» Цезаря (издание Стифена) [4].

Эти книги я упомянул только в связи с искусством правильного письма и речи, но это не значит, что их не стоит читать по другим поводам.

Как я уже говорил выше, джентльмену подобает изучать мораль — не просто как человеку, но ради его обязанностей джентльмена. Книг о морали, написанных древними и новыми философами, достаточно, но евангельская мораль настолько превосходит все сказанное в них, что для полного познания истинной морали я направляю его только к Новому завету. Если же он захочет узнать о степени развития этой науки в языческом мире и об основаниях языческой этики, он с удовольствием и пользой прочтет трактат Туллия «De officiis» [5].

Политика состоит из двух весьма различных частей: первая касается возникновения общества, происхождения и пределов политической власти, вторая — искусства управления людьми в обществе. Первая настолько обсуждалась нами за последние шестьдесят лет, что в соответствующих книгах нет недостатка. Из английских, я думаю, более всего в ходу первая книга «Церковной политики» м-ра Гукера и книга о государственном правлении м-ра Алджернона Сиднея [6]; последнюю я не читал. К этому можно добавить «Два трактата о правлении», напечатанные в 1690 г., и трактат «Гражданская политика» [7], напечатанный в этом году. Сюда же относятся «De officio hominis et civis» и «De jure naturali et gentium» Пуфендорфа [8]; последнюю из этих книг можно назвать лучшей в своем роде.

Что касается второй части политики — искусства управления, здесь, я думаю, лучшие учителя — опыт и история, преимущественно история отечественная. И поэтому, я полагаю, английский джентльмен должен быть сведущ в истории Англии, начиная с самых ранних из сохранившихся

свидетельств, присовокупляя к этому законы, сложившиеся в различные эпохи ее истории, изучая их в моменты государственных перемен и как они создавались. В «Истории Англии» м-ра Тиррела [9] он найдет ссылки на всех авторов, которые занимались нашими делами и к которым он сможет обратиться по любому вопросу, порожденному его любознательностью или рассудительностью.

Помимо историков ему бы также хорошо почитать юристов прошлого (например, Брэктона, «Флету», Хеннингема, «Зерцало справедливости», вторые «Институции» милорда Кока, а также «Modus tenendi parliamentum» и прочее в том же роде; упоминание о них он может найти в последних дискуссиях между м-ром Петитом, м-ром Тиррелом, м-ром Атвудом etc. и д-ром Брэди, а также, я полагаю, в трактате Сэдлера «Права королевства и обычаи наших предков», первое издание которого является наилучшим), откуда он почерпнет сведения о старинном государственном устройстве Англии [10]. Есть также два тома «Государственных трактатов» [11], напечатанные после революции, в которых содержится многое о государственном управлении Англии.

Для знакомства с общей историей ему необходимо прочитать сэра Уолтера Рэли и д-ра Хоуэлла [12]. Если же он отважится пуститься в этот океан и далее, пусть обратится к последнему изданию «Methodus legendi historias» Уира [13], эта книга отошлет его к другим авторам, которых надо прочесть, и укажет метод изучения их трудов.

Чтение по истории нужно обязательно дополнить знакомством с хронологией и географией. География на английском представлена двумя основными книгами: Хейлина [14] и Моля. Которая из них лучше, не знаю, досконально ни с одной не знаком. Думаю, последняя полезнее, ибо новые открытия, совершающиеся ежедневно, ведут к совершенствованию этой науки; с другой стороны, мне кажется, что страны, которые упоминает Хейлин, рассмотрены им лучше, исключая новые открытия, сделанные после него. Эти две книги посвящены общей географии; сочтет ли английский джентльмен, что его время позволяет уделить много сил этому предмету, или нет — без этого он не сможет хорошо понимать газет; без сомнения, он не сможет обойтись и без «Brittannia» Кемдена [15], которая значительно расширена в последнем английском издании. Необходимо также и хорошее собрание карт.

Что касается географии, то можно добавить книги о путешествиях. Этот жанр превосходно представлен нашими соотечественниками Хэклитом и Пэрчесом [16]. На французском прекрасное собрание сделано Тевено, in

folio, на итальянском — Рамуцио [17]; не знаю, существуют ли их английские переводы. Опубликовано также несколько хороших книг о путешествиях англичан, например Сэндиса, Роу, Брауна, Гейджа, Дэмпьера [18]. Имеется также несколько очень хороших описаний путешествий на французском — Пирара, Бержерона, Сагара, Бернье [19] и других, не знаю, все ли они переведены на английский. В настоящее время м-ром Черчиллем публикуется превосходное «Собрание путешествий» [20], никогда прежде по-английски такого не печаталось. Кроме того, есть огромное количество и других книг о путешествиях, замечательным образом сочетающих увлекательность с полезностью. Перечисление их всех заняло бы слишком много времени и места. Я же упомянул достаточно для начала.

Что до хронологии, то, я думаю, для общего употребления наилучшим является Гельвикус [21]; эту книгу можно не читать, но просто держать под рукой и заглядывать в нее по мере надобности. Пожелает джентльмен подробнее исследовать хронологию — пусть возьмет «Таблицы» Тэллента и «Breviarium teinporum» Страухиуса, к ним можно добавить «De emedatione teinporum» Скаллигера, а также Петавия [22], если он желает углубиться в эту науку.

Отдельные эпохи нашей истории лучше всего описали Бэкон (о Генрихе VII) и Герберт (о Генрихе VIII), рекомендуется также Дэниель и «История Реформации» Барнета [23]. Заслуженно широкой известностью пользуются «История Испании» Марианы, «История своего времени» Туануса и Филипп де Комин [24]. Имеется также несколько английских и французских мемуаров и собраний, например Ларошфуко, Мелвилла, Рашуэрта [25] и других, для тех, кто пожелает узнать о происходившем в течение последнего столетия в Европе.

Чтобы уметь управлять собой, будь то в частной жизни или на государственном поприще, ничто так не поможет джентльмену, как знание людей. Хотя это последнее приобретается прежде всего из опыта, а затем и из здравого понимания истории, есть еще и книги, помогающие проникнуть в человеческую природу. Таковы книги о страстях и о том, что вызывает их, например небольшое по объему, но достойное восхищения повествование Аристотеля во второй книге «Риторики». Мне кажется, эта «Риторика» переведена на английский; если же нет, ее можно иметь на древнегреческом с параллельным латинским текстом. Великолепный образец являют нам также «Характеры» Лабрюйера [26]; эта книга, кажется, существует в английском переводе. Сатирические сочинения, например Ювенала, Персия и прежде всего Горация [27], также учат нас познавать человеческую природу, хотя и рисуют пороки людей.

Существует и еще одна польза от чтения — развлечение и удовольствие. Этому служит поэзия, особенно драматическая, если она свободна от нечестивостей, непристойностей — словом, всего, что портит хорошие нравы: литературы с таким уклоном следует избегать. Из всей художественной прозы я не знаю книги, равной «Истории Дон-Кихота» Сервантеса по полезности, остроумию и неизменному следованию чувства приличного. И в самом деле, приятны только те произведения, в основе которых лежит Природа и которые являют нам срисованную с нее копию.

Я чуть было не забыл о книгах еще одного рода, которые служат джентльмену поддержкой в его занятиях,— о всевозможных словарях. Для латинского языка — Коулз, Купер, Калепино, «*Thesaurus linguae latinae*» Роберта Стивенса и «*Etymologicum linguae latinae*» Воссия [28]. Для английского — превосходный в этом же роде «*Lexicon etymologicum*» Скиннера [29]. «Толковник» Кауэлла [30] полезен для изучения юридических терминов. «Глоссарий» Спелмана [31] — очень полезная научная книга. Не обойтись джентльмену и без «Благородных званий» Селдена [32]. Прекрасный «Географический словарь» составлен Бодраном [33]. Пригодятся также исторические словари — Ллойда, Гофмана, Морери [34]. Нечто в том же роде представляет собой и словарь Бейля [35]. Случись джентльмену заглянуть в книги, написанные по-латыни после падения Римской империи и упадка классического латинского языка, он не обойдется без «Глоссария» Дюканжа [36].

Среди вышеупомянутых книг был «*Etymologicum linguae latinae*» Воссия; все работы этого автора недавно изданы в Голландии в 6 томах. Они очень подходят для библиотеки джентльмена, ибо содержат ученые суждения, касающиеся всех наук.

МЫСЛИ О ВОСПИТАНИИ

(Some Thoughts concerning Education)

Это сочинение, содержащее целостную педагогическую концепцию, выросло из частных писем Локка 1684—1691 гг. к Эдварду Клэрку и его жене, друзьям философа, и сохранило их непринужденный стиль. «Мысли о воспитании» вышли отдельной книгой в Лондоне в 1693 г. в издательстве Оншема и Джона Черчиллей; в том же году появилось второе издание. Третье, расширенное издание датируется 1695 г.; четвертое, также расширенное — 1699 г. Пятое издание, последнее, в которое Локк внес новые добавления, вышло уже после его смерти в 1705 г. В 1695 г. Пьер Кост опубликовал в Амстердаме французский перевод «Мыслей о воспитании», который был сделан с первого английского издания и снабжен многочисленными примечаниями. В 1698 г. в Роттердаме вышел голландский перевод, сделанный с третьего английского издания. Первый русский перевод под названием «О воспитании детей» появился в 1759 г.; он был сделан учеником Ломоносова профессором Н. Поповским с французского перевода и отпечатан при Императорском Московском университете. Современники высоко оценивали эту работу Н. Поповского, о чем свидетельствует в своем «Опыте исторического словаря о российских издателях» Н. Новиков: «...сей перевод, по мнению знающих людей, едва не превосходит ли и подлинник». Существует еще несколько русских переводов «Мыслей о воспитании», сделанных с английских изданий; П. Вейнберга (1890), А. Басистова (1896), М. Энгельгардта (1913).

Для настоящего тома выбран последний русский перевод, выполненный Ю. М. Давидсоном и опубликованный в кн.: Дж. Докк. Педагогические сочинения. М., 1939. К сожалению, в книге не указано, с какого английского издания он сделан. Сравнение текстов, однако, показывает, что переводчик использовал перевод «Мыслей о воспитании», принадлежащий М. А. Энгельгардту. Для нашего издания в переводе Ю. М. Давидсона сделаны редакционные изменения, уточнены некоторые выражения и термины и исправлены опечатки. При составлении примечаний использованы примечания редакторов и переводчиков различных предшествующих изданий «Мыслей о воспитании», прежде всего содержащиеся в критическом английском издании: *The educational writings of John Locke: A critical edition with introduction and notes by James L.*

Ahteil. Cambridge, 1968, и в русских изданиях: Дж. Локк. Мысли о воспитании и о воспитании разума. СПб., 1913, и Дж. Локк. Педагогические сочинения. М., 1939.

1. Вероятно, имеется в виду Фрэнсис Кедворт Мешэм — сын сэра фрэнсиса Мешэма и леди Демерис Мешэм (урожденная Кедворт), близких друзей Локка.— 410.

2. Локк получил в Оксфорде степень бакалавра медицины и практиковал как врач.—413.

3. Уже в те времена в Англии слово gentleman относилось не только к дворянам, но и вообще к людям, принадлежащим к состоятельному классу. В XVII в. в Англии фермер — крестьянин, производивший товарную продукцию, по преимуществу на арендованной земле, иомен — наследственный мелкий земельный собственник.— 413.

4. Ср.: Элиан. Пестрые рассказы. М.; Л., 1963. Кн. VII 6.— 413.

5. Локк цитирует из «Новых путешествий на Ближний Восток» Жана Дю Монта: Jean DuMont. Nouveau Voyage de Levant, par le Sieur D. M. La Haye 150-151. 1694.--Б4.

6. «Перчатка» по-голландски handschoen: hand — рука, schoen — башмак.— 415.

7. См.: Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977. Письмо LXXXIII —416.

8. См.: Квинт Гораций Флакк. Послания. Кн. I 15. К Нумонию Вале 4-5 // Соч. М., 1970.

9. Этот источник, находящийся в Холиуэлле (Англия), некогда пользовался славой целебного и привлекал множество паломников.— 416. 19 brown bread (англ.) — хлеб ла непросеянной муки.— 421.

10. См.: Гай Светоний Транквилл. Божественный Август 76//Жизнь двенадцати цезарей. М., 1964.— 421.

12. См.: Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. Письмо LXXXIИ 6. -421.

13. Т. е. до времени правления Гая Юлия Цезаря.—422.

14. Локк, вероятно, имеет в виду те испытания, которые обрушились на многие английские семьи в бурные годы революции, гражданской войны, протектората Кромвеля и реставрации Стюартов. Его собственный отец

наследовал гораздо большее состояние, чем передал сыну.— 423.

15. В Англии, как и в других европейских странах, в то время было принято отдавать грудных детей в деревню кормилице,— 424.

16. Возможно, такое предостережение Локка объясняется неполным созреванием всех этих плодов в климатических условиях Англии.— 425.

17. Имеется в виду вред от тех испарений, которыми вынуждены были дышать люди при тогдашней технологии изготовления конфет.—426.

18. Т. е. «животные духи», с которыми по тогдашним представлениям связывались силы, регулирующие функциональную деятельность живого организма.— 429.

19. Шутливое выражение вместо слова «испражняться»; производное от латинского слова.— 429.

20. Фрэнсис Бэкон (1561—1626) приписывает эти слова не афинскому мудрецу Салону, а философу Платону (см.: A collection of Aporhthegms, new and old 224).— 433.

21. Pessant humours (англ.) или vitiosi humores (лат.), по понятиям старой физиологии,— испорченные жидкости человеческого организма, служащие причиной болезней.— 436.

22. Это иносказательное выражение, означающее положение, когда опасность угрожает и с той и с другой стороны, восходит к древнегреческому мифу о двух чудовищах — Сцилле и Харибде, которые обитали по обеим сторонам Мессинского пролива и поглощали мореплавателей.— 442.

23. В пятое издание Локк внес следующее примечание: «До какой степени римляне считали воспитание детей делом, лежащим на обязанности самих родителей, можно видеть у Светония, Август, 64, Плутарха в Жизни Катона-цензора, Диодора Сицилийского I 2. Гл. 3».—458.

24. Trap (англ.) —разновидность игры в мяч; span-farthing (англ.) — игра, состоящая в том, что один игрок бросает монету, которую другой выигрывает, если брошенная им в свою очередь монета ляжет от первой монеты на расстоянии не дальше ладони.— 461.

25. Grammar-school — государственная или частная классическая школа, в которой учились дети преимущественно из средних слоев общества.— 462.

26. Имеется в виду крупное поражение, которое потерпел английский флот в бою с французами при Биче Хед в 1690 г.— 463.

27. Мальчику нужно вниманье великое (лат.). См.: Ювенал. Сатира. четырнадцатая 47 // Римская сатира. М., 1957.— 465.

28. Scotch-hopper (англ.) — игра, в которой ребенок, прыгая на одной ноге по вычерченным на земле клеткам, одновременно подталкивает ногой камешек. — 468.

29. Себастьян Кастеллион (Sebastien Castellion, 1515—1563) — французский педагог, гуманист и поборник религиозной терпимости; известен своей борьбой с Кальвином, в которую он вступил, протестуя против расправы над испанским мыслителем и ученым Серветом. Эта борьба обрекла Кастеллиона на тяжелую нужду и гонения. Одно время в Базеле ему приходилось добывать средства для существования своей семьи выдавливанием из Рейна смытых с берега бревен. Монтень (1533—1592) в «Опытах» (Кн. I. Гл. XXXV) упоминает о бедствиях Кастеллиона и даже утверждает, что он умер от голода, но нигде не пишет, что он занимался изготовлением кухонных досок.— 483.

30. Т. е. модусов и фигур силлогизма — видов умозаключения, являвшихся предметом традиционного школьного обучения.— 489.

31. Перипатетик — последователь философии Аристотеля; картезианец — последователь философии Декарта.— 490.

32. Франко Бургерсдициус (Franco Burgersdicius, 1590—1635), профессор философии в Лейдене, и Кристоф Шейблер (Christoph Scheibler; 1589—1653) были авторами латинских учебников по аристотелевской логике, этике, физике и метафизике, которыми пользовались студенты английских университетов вплоть до конца XVII — начала XVIII в.— 492.

33. У Сенеки сказано: «...и учимся для школы, а не для жизни». См.: Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Лупилию. М., 1977. Письмо С VI 12. -492.

34. «В чем по природе себе человеку отказывать тяжко» (лат.; пер. А. Фета). См.: Квинт Гораций Флакк. Сатиры. Кн. I, 1, 75.—500.

35. См. прим. 18. -513.

36. Имеется в виду игра наподобие бадминтона. — 530.

37. Ради приобретения интеллектуальной культуры (лат.).— 546.

38. Джон Гопкинс (John Hopkins, ум. 1570) и Томас Стернхольд (Thomas Sternhold, ум. 1549) были авторами переводов на английский язык Псалмов Давида.— 547.

39. Имеется в виду лотерея времен Карла II, названная в память того дуба в Боекобельском лесу, в густых ветвях которого Карлу II пришлось скрываться от солдат парламентской армии после поражения в битве при Вустере в 1651 г.— 549.

40. Dibstones, или dibs (англ.),— детская игра в бабки, или камешки. Пьер Кост так описывает ее в своем переводе этого места: «Я видел, как маленькие девочки по целым часам, не жалея трудов, упражнялись в игре, в которой нужно подхватить с земли камешек достаточно быстро, чтобы успеть поймать на лету другой, брошенный тем временем вверх».— 550, 41 in folio (лат).— в пол-листа.— 550.

42. Средневековый эпос, представляющий собой аллегорическую сатиру на феодальное общество. На английском языке «Рейнеке-Лис» (в переводе Уильяма Кэкстона) появился в 1481 г.— 552.

43. Так назывался лист с напечатанными на нем азбукой и текстом молитвы; этот лист помещался в рамку под тонкую роговую пластинку.— 55.

44. Матф. 7, 12.— 553.

45. Джон Уорthingтон (John Worthington, 1618—1671) являлся преподавателем колледжа Иисуса в Кембридже и был тесно связан с кембриджскими платониками. Его катехизис «A Form of Sound Words: Ora Scripture Catechism; shewing what a Christian is to believe and practise in order to Salvation» вышел в свет в 1673 г.—553.;

46. Ничего без внушения Минервы (лат.). Минерва — в древнеримской мифологии богиня-покровительница всех полезных искусств и ремесел, в частности музыки и поэзии.— 555.

47. Скоропись, или стенография, была известна уже древним грекам и римлянам. Первое английское руководство по стенографии опубликовал Т. Брайт (Timothy Bright) в 1588 г. Метод Брайта заключался в употреблении произвольного знака для каждого слова. Впоследствии Джон Уиллис (John Willis) изобрел полный стенографический алфавит, опубликованный в его книге «The Art of Stenographic or Short Writing by Spelling Characterie» (1602). Система Уиллиса затем совершенствовалась другими авторами.— 555.

48. Система Рича (Jeremiah Rich) была изложена в его работе «Pen's Dexterity» (1659).-555.

49. Уильям Лилли (William Lilly, 1468—1522) был преподавателем греческого и латинского языков (с 1512 г. в школе св. Павла в Лондоне). Его произведение «Brevissima Institutio seu Ratio Grammatices Cognoscendi»,

написанное совместно с Джоном Колетом, кардиналом Уолси и Эразмом Роттердамским и известное под названием «Грамматика Лилли», служило общепринятым пособием по латинской грамматике в английских школах вплоть до XVIII в.— 557.

50. Марк Туллий Цицерон (106—43 до н. э.) — знаменитый римский оратор, философ и политический деятель. См. также прим. к с. 50.— 55«.

51. Имеется в виду грамматика латинского языка «Minerva, seu de causis linguae Latinae Commentarius (1587) профессора университета в Саламанке Франческо Санхеца (Francesco Sanchez или Sanctius, 1523— 1601). С дополнениями и примечаниями она впоследствии неоднократно переиздавалась. Среди ее издателей и комментаторов были немецкий филолог Гаспар Сциоппий (Gaspar Schopp или Scioppius, 1576—1649) и голландский филолог и историк Якоб Перизоний (Jacob Voorbroek или Perizonius, 1651-1715).-559.

52. Пример на спряжение латинского глагола: aufero (уношу) — 1-е лицо единств., числа наст. времени, abstulere (унесли) — 3-е лицо множ. числа прошед. Совершенного (perfectum) времени.—55°.

53. Марк Юниан Юстин (II—III вв.), римский историк, сделавший извлечения из не дошедшего до нас исторического труда Помпея Трога «Historiae Philippicae» в 44 книгах. Флавий Евтропий (IV в.), римский историк, написавший краткую историю Рима со времени его основания до 364 г. «Breviarium historiae Romanae».—563.

54. «Любовь все побеждает» или «На войне нельзя ошибаться дважды» (лат.).—568.

55. Согласно Ветхому завету, на евреев, находившихся в египетском плену и занимавшихся изготовлением кирпичей, было наложено наказание: им было приказано продолжать делать кирпичи, но было отказано в материале для их изготовления (Исх. 5.).— 569.

56. Согласно мифам, Парнас — горный массив в греческой области Фокида — был местом обитания божеств поэзии и искусств: Аполлона и Муз.- 577.

57. См. прим. 21 к с. 320.— 573.

58. В то время еще не были открыты ни Австралия, ни Антарктида.— 575.

59. Деталими хронологии интересовался, в частности, И. Ньютон, посвятивший этому предмету несколько работ.— 57«?.'

60. Гилес Страухиус (Gyles Strauch, или Strauchius, ум. 1682) был профессором теологии в Данциге. Упоминается его «Краткий обзор хронологии».— 578.

61. Христофер Гельвикус (Christopher Helwig, или Helvicus, 1581—1617) был профессором в Гессене. Локк имеет в виду его книгу «Theatrum Historicum sive Chronologiae systema nova...» 1609); ее английское издание появилось в 1687 г.— 57S.

62. Квинт Курциус (кеинт Гай Руф Курций, I в.), римский историк, написал труд в десяти книгах «Historiae Alexandri Magna Macedonia» («История Александра Великого Македонского»). См. также прим. 53 — 579.

63.. Имеется в виду трактат Цицерона «Об обязанностях» («De officiis»).-579.

64. Замуэль Пуфендорф (Samuel Puffendorf, 1632—1694) —известный немецкий правовед, историк и политический философ. Гуго Гроций (Hug de Groot или Grotius, 1583—1645) — выдающийся голландский теоретик естественного и международного права. Локк указывает сочинения Пуфендорфа «Об обязанности человека и гражданина согласно естественному закону» (1673), «О праве природы и народов» (1672) и Греция «О праве войны и мира» (1625).—579.

65. Обычное, или общее, право (common law) в системе английского права существует наряду со статутным правом (statute law). Оно основывается на традициях, освященных судебной практикой, и является старейшей частью права.— 580.

66. Логика, риторика и грамматика составляли известный средневековый «тривиум» дисциплин, преподававшихся в европейских университетах вплоть до XVIII в.— 580.

67. Латинские наименования соответственно «категорий» (предикаменты) и «классов сказуемых» (предикабилии). См. также прим. 30.— 581.

68. Уильям, Чиллингворт (William Chillingworth, 1602—1644), английский религиозный мыслитель, был одним из любимых писателей Локка. Его произведение «The Religion of Protestants» («Религия протестантов». 1638), в котором он отстаивал концепцию англиканской церкви, было выполнено в форме свободного и рационального исследования и отличалось логически строгими рассуждениями.— 581.

69. Имеется в виду ошибочное силлогистическое рассуждение, в

котором используется двусмысленность среднего термина (*mīdius terminus*), понимаемого в разных посылках в различных смыслах.— 581.

70. «О нахождении»— самый ранний из риторических трактатов Цицерона (написан между 91 и 84 гг. до н. э.) ; посвящен проблеме нахождения, или подбора, материала для речей и характеристике родов красноречия.— 583.

71. Венсан Вуатюр (*Vincent Voiture*, 1598—1648) — французский поэт и писатель, письма которого считались образцом эпистолярного стиля и находили много подражателей как во Франции, так и в Англии. Сохранилось богатое эпистолярное наследие Цицерона — его письма к Аттику, брату Квинту, М. Бруту, близким.— 583.

72. Томас Фарнэби (*Thomas Farnaby*, 1575—1647) был английским учителем, школа которого для детей джентльменов пользовалась славой далеко за пределами Англии. Его «Риторика» («*Index Phetoricus Scholis et Institutioni Tenerioris aetatis accommodatus*») была опубликована в 1625 г.- 584.

73. Так, перед французской Академией, основанной Ришелье в 1637 г., была поставлена задача: очистить язык от вульгарных и порожденных невежеством искажений и установить твердый образец произношения и правописания. В видах осуществления этой программы Академия постановила: составить словарь и грамматику французского языка, а также трактаты по риторике и поэзии. Французский академический словарь появился только в 1694 г. Словари своих национальных языков опубликовали и *Academia dīlia Crusca* во Флоренции, и основанная позднее, в 1713 г., испанская Академия в Мадриде.— 585.

74. Например, ритор и грамматик Фронто был назначен римским императором Антониной Пием (86—161) обучать латинскому языку двух его приемных сыновей, будущих императоров Марка Аврелия и Луция Вера.— 585.

75. Ральф Кедворт (*Ralph Cudworth*, 1617—1688), английский философ, был видным представителем школы кембриджских платоников. Его наиболее значительным произведением был упоминаемый Локком трактат «*True Intellectual System of the Universe*» (1678).— 588.

76. Роберт Бойль (*Robert Boyle*, 1627—1691), известный английский физик и химик, был близким другом Локка, придерживался корпускулярной гипотезы строения материи.— 589.

77. «Математические начала натуральной философии» (1687).— 589.

78. Локк цитирует из книги французского писателя-моралиста Жана де Лабрюйера (Jean de la Bruyere, 1645—1696) «Caractires de Thйophraste traduits du grec, avec les caractires ou les moeurs de ce siicle». Paris (1688). Ср: Лабрюйер Ж. де. Характеры, или Нравы нынешнего века. М.; Л., 1964. XIV 71. -591.

79. Там же, XIV 72.-592.

80. Не совсем точная цитата из Ювенала, у которого сказано: «Nullum numen habes si sit prudentia» — «Нет богов у тебя, коль есть разум». — Ювенал. Сатира десятая 365 и четырнадцатая 315 (Римская сатира. М., 1957). -596.

81. Гедеон был одним из вождей-правителей еврейского народа в легендарный период древнееврейской истории. Луций Квинций Цинциннат, римский консул (460 г. до н. э.), диктатор (458 г. до н. э.), принадлежал к знатному роду патрициев, но вел простой образ жизни и сам занимался обработкой земли. — 598.

82. См. прим. 16 к с. 32. Марк Порций Катон был автором сочинения о сельском хозяйстве «De re rustica». Ксенофонт (ок. 444—356 до н. э.), древнегреческий историк и писатель, одно время служил у Кира (424— 401 до н. э.), младшего сына персидского царя Дария II Норфа. Сведения о занятии Кира садоводством, которые имеет в виду Локк, передавая их, впрочем не вполне точно, содержатся в сочинении Ксенофонта «Домострой» (гл. 4, 20— 24) (см.: Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения. М.; Л., 1935). —599.

83. В то время в среде английской знати было модно заниматься химическими и физическими опытами; в некоторых домах заводили перегонные кубы для изготовления духов. — 601.

МЫСЛИ О ТОМ, ЧТО ЧИТАТЬ И ИЗУЧАТЬ ДЖЕНТЛЬМЕНУ

(Some thoughts concerning reading and study for a gentleman)

Это небольшое произведение побудил Локка написать его знакомый священник Сэмюэль Болд (Samuel Bold) для одного из своих прихожан — Роджера Клэвила (Roger Clavel). Оно может быть датировано первой половиной 1703 г., потому что 23 августа этого года Болд сообщал Локку: «М-р Клэвил, для которого по моей просьбе Вы изволили передать рекомендации, касающиеся чтения, сердечно благодарит Вас за них». Произведение привлекает внимание тем, что содержит рекомендуемый Локком круг чтения и является как бы библиографическим дополнением к «Мыслям о воспитании». Впервые это произведение Локка опубликовал Пьер Демезо (Pierre Desmaizeaux) в издании: *A Collection of Several Pieces of Mr. John Locke* (1720). На русском языке оно ранее не публиковалось. Настоящий перевод выполнила О. А. Гулыга с английского издания: *The educational writings of John Locke: A critical edition with introduction and notes by James L.*

Axtell. Cambridge, 1968. Сверка перевода с оригиналом произведена А. Л. Субботиным. При составлении примечаний использованы примечания, содержащиеся в вышеуказанном английском издании.

1. Джон Тиллотсон (John Tillotson, 1630—1694), с 1691 г.—архиепископ Кентерберийский, отличался широкими взглядами на англиканскую церковь; был близким другом Локка.—670.

2. «Об ораторе» и «Оратор» — трактаты Марка Туллия Цицерона. Марк Фабий Квинтилиан (35—96) был римским ритором и теоретиком ораторского искусства; имеется в виду его трактат «*Institutia oratoria*» («Образование оратора»). Далее указан французский перевод античного эстетического трактата «О возвышенном», выполненный известным французским писателем и критиком Буало (Nicolas Boileau Despréaux, 1636—1711) и опубликованный в 1675 г.— 610.

3. См. прим. 68 к с. 581.— 610.

4. Публий Теренций (ок. 195—159 до н. э.) — римский комедиограф, которого высоко ценила риторическая школа за изящество и чистоту языка и искусное ведение диалога. Публий Маран Вергилий (70—19 до н.э.) —

великий римский поэт. Тит Ливий (59 до н. э.— 17 н. э.) — римский историк, написал монументальный труд «От основания города» в 142 книгах, в котором дано художественное изложение всей истории Рима. Гай Юлий Цезарь (100 — 44 до н. э.) был превосходным стилистом и оратором; сохранились его произведения «Записки о галльской войне» и «Записки о гражданской войне». — 611.

5. См. прим. 63 к с. 579. -611.

6. См. прим. 1 к с. 264. Алджернон Сидней (Algernon Sidney, 1622—1683) был активным участником гражданской войны, находясь в рядах парламентской армии, а в период Реставрации — одним из лидеров вигов; был привлечен к суду и казнен якобы за участие в заговоре герцога Монмаута на жизнь Карла II. Локк имеет в виду его работу «Discourses on Government» («Рассуждения о правлении»), опубликованную в 1698 г., а до того известную по рукописным экземплярам. В этой работе Сидней критиковал абсолютистскую концепцию Р. Филмера, отстаивал теорию договорного происхождения государственной власти и народного суверенитета, считая наиболее приемлемой форму смешанного правления — конституционную монархию, где король имеет только те права, которые ему предоставлены с согласия народа народными представителями. — 611.

7. Локк указывает свое собственное произведение, изданное анонимно (в русском переводе оно публикуется в настоящем томе), а также трактат «Civil Polity, a Treatise concerning the Nature of Government» (1703), автором которого был доктор медицины Питер Пэкстон

(Peter Paxton, ум. 1711). -611.

8. См. прим. 64 к с. 579.— 611.

9. См. прим. 43, к с. 231. С 1696 по 1704 г. вышли в свет три тома труда Джеймса Тиррела «General History of England, both Ecclesiastical and Civil» («Общая история Англии, церковная и гражданская»), который писался с позиций виговской идеологии. — 611.

10. См. прим. 53 к с. 403. Fleta — латинский трактат, посвященный английскому законодательству; был написан в тюрьме Флит около 1290 г; Эдуард Кок (Edward Coke, 1552—1634), известный английский юрист и политический деятель, знаток и толкователь старинных английских статутов, хартий и судебных решений, составлявших так называемое английское общее право, был автором юридического трактата «Institutes of the Laws of England» («Институции английских законов»), первые две части которого были изданы в 1628 г., а последние две — в 1644 г. «О парламентском

способе правления» (лат.). Уильям Атвуд (William Atwood, ум. 1705), политический писатель, виг, выступал против Филмера, Брэди и экстремистских притязаний тори и высокоцерковников, Роберт Брэди (Robert Brady, ум. 1700), историк роялистской ориентации и врач, был автором «An Intraduction to Old English History comprehended in three several tracts» (1684) и «A Compleat History of England». Vol. 1-2 (1685, 1700). Джон Сэдлер (John Sadler, 1615-1674) — глава колледжа Магдалины в Кембридже с 1650 г. до реставрации Стюартов; его книга «The Rights of the Kingdom, and Customs of our Ancestors» вышла в 1649 г. — 612.

11. Упомянутое «Collections of State Tracts» («Собрание государственных трактатов»), содержащее ряд трактатов о государственном правлении, относящихся к периоду 1660—1689 гг., было издано в двух томах в 1689 и 1692 гг.-612.

12. Уолтер Рэли (Walter Raleigh, 1552—1618), известный английский мореплаватель, организатор колонизаторских рейдов в Северную и Южную Америку, поэт, философ и ученый, просидел почти 13 лет в Тауэре, где занимался научными исследованиями, в частности написал объемистый том «History of the World» («Всемирная история») до 130 г. до н. э., напечатанный в 1614 г. Уильям Хоуэлл (William Howell, 1638—1683) был членом совета колледжа Магдалины в Кембридже, автором «An Institution of General History» (1661).— 612.

13. Дигори Уир (Degory Wheare, 1573—1647) был профессором истории в Оксфорде; имеется в виду его книга «Relectiones Nyemales, De Ratione et Methodo Legendi» (1623). - 612.

14. Питер Хейлин (Peter Heilyn, 1599—1662), церковный писатель, был автором «Geography» (1621). Герман Моль (Herman Moll, ум. 1732), голландский географ, приехал в Лондон в 1698 г., где издал свои географические работы и карты различных частей света. Имеется в виду его «System of Geographie» (1701). - 612.

15. Уильям Кэмден (William Camden, 1551—1623), английский историк и антиквар, написал солидный труд на латинском языке, посвященный британской предыстории и истории «Britannia» (1586), который был опубликован на английском языке в 1610 г. и с тех пор в новых переводах и с дополнениями неоднократно переиздавался.— 612.

16. Имеются в виду книги Ричарда Хэклита (Richard Hakluyt, 1552—1616) «The Principal Navigations, Voyages, Traffique and Discoveries of the English Nation». Vol. 1—3 (1599—1600) и Сэмюэля Пэрчеса (Sumuel Purchas,

1575—1626) «Nakluytus Posthumus, or Purchas his Pilgrimes» {1625).-612.

17. Мельхисед Тевено (Melchisidec Thivenot, 1620—1692) издал по крайней мере три различных собрания описаний путешествий; Локк имел их в своем распоряжении и ссылался на публикации Тевено в «Опыте о человеческом разумении». Также имеется в виду работа Джованни Батиста Рамуцио {Giovanni Battista Ramusio. Navigazioni et Viaggi.

Vol. 1 — 3. 1559-1565).- (Щ).

18. Локк ссылается на поэта и путешественника Джорджа Сэндиса (George Sandys, 1578—1644), дипломата Томаса Роу (Thomas Roe, 1581—1644), путешественников Эдуарда Брауна (Edward Browne, 1644—1708) и Томаса Гейджа (Thomas Gage, ум. 1656), пирата Уильяма Дампиера (William Dampier, 1652—1715). - 613.

19. Локк ссылается на путешественников Франсуа Пирара (Franzоis Evrard, 1570—1621), Пьера Бержерона (Pierre Bergeron, ум. 1637), Габриэля Сагара (Gabriel Sagard, ум. 1650) и Франсуа Бернье (Franzоis Bernier, 1620-1688). -613.

20. Оншем Черчилл был лондонским издателем, публиковавшим, в частности, основные произведения Локка. «Collection of Voyages and Travels» было издано Черчиллем в 1704 г. в 4 томах in folio.— 613.

21. См. прим, 61 к с. 578.- 613.

22. Имеется в виду работа Фрэнсиса Тэллента { Francis Tallent, 1619—1708*) «A View of Universal History, from the Creation, to the Destruction of Jerusalem...(from the Birth of Jesus Christ... to the year 1680]». 2 parts. 1685. См. также прим. 60 к с. 578. Жозеф Юстус Скалигер (Joseph Justus Scaliger, 1540—1609) — известный французский филолог-гуманист и издатель; упоминается его труд «Об усовершенствовании хронологии» (1583). Что же касается Дионисия Петавия (Dionysius Petavius, 1583—1652), то имеется в виду его работа «Rationarium Temporum» (1634). - 613.

23. Имеются в виду следующие исторические труды: фрэнсиса Бэкона (Francis Bacon, 1561—1626) — «The Historий of Reigne of King Henry the Seventh» (1622). Эдварда Герберта, лорда Чербери (Edward Herbert, 1583-1648) - «The Life and Reigne of King Henry the Eighth» (1649), Сэмюэля Дэниеля (Samuel Daniel, 1562—1619) — «The Collection of the Historий of England» (1595), который содержит историю гражданских войн между домами Ланкастеров и Йорков, Гильберта. Барнета (Gilbert Burnet, 1643—1715) — «History of the Reformation», первые два тома которой вышли в 1672 и 1681 гг., а третий — в 1714 г.—1613.

24. Хуан де Мариана (Juan de Mariana, 1536—1624), испанский историк, написал «Historiae de Rebus Hispaniae» (1592). Туанус (Jacques Auguste de Thou, или Thuanus, 1553—1617), французский исторический писатель и политический деятель, был автором многотомной «Historia sui temporis», опубликованной в 1604—1614 гг. Филипп де Комин (Philippe de Comines, ок. 1447—1511), французский государственный деятель, оставил «Mémories» — воспоминания о временах царствования Людовика XI и Карла VIII с 1464 по 1498 г., которые начали публиковаться в 1524 г. Русское издание: Филипп де Комин. Мемуары. М., 1986. — 613.

25. Франсуа де Ларошфуко (François de la Rochefoucauld, 1613—1680), французский политический деятель и писатель, был автором «Mémories», изданных в 1662 г., в которых освещались события французской истории с 1624 по 1652 г. Франсуа де Ларошфуко. Мемуары. Максимум. Л., 1971.) Джеймс Мелвилл (James Melville, 1535—1617) служил при шотландском дворе и оставил воспоминания «The Memoirs of his own life, by sir James Melville of Hallhill», найденные в Эдинбургском замке в 1660 г. и опубликованные в 1683 г. Джон Рашуэрт (John Rushworth, 1612—1690), английский историк, написал восьмитомную «Historical Collections of Private Passages of State», охватывающую период 1618—1649 гг., которая издавалась с 1659 по 1721 ф.—613.

26. См. прим. 78 к с. 591.- 613.

27. Локк перечисляет знаменитых римских поэтов Децима Юния Юмнала (ок. 60 — после 127), Авла Персия Флакка (34—62), Квинта Горация Фланка (65—8 до н. э.).— 613.

28. Элайша Коулз (Elisha Coles, 1640—1680) был автором Англо-латинского и Латинско-английского словаря (1677). Первый издатель «Мыслей...» Демезо заменил локковское «Cole» на «Littleton», имея в виду Адама Литтльтона (1627—1694), чей словарь был опубликован в 1673 г. Томас Купер (Thomas Cooper, 1517—1694), епископ Уинчестерский, опубликовал: Bibliotheca Eliotae; sive Dictionarium Lat. et Angl. auctum et emend, per Th. Cooper (1548). Амброджио Калепино (Ambrogio Calepino, 1435—1511), итальянский филолог, составил многоязычный Латинский словарь, изданный в 1510 г. Роберт Стивене (Robert Stephens) был автором Тезауруса латинского языка, вначале только Латинско-французского, а позднее Латинско-английского (XVI в.). Герард Ян Воссий (Gerard Jan Vossius, 1577—1649), голландский филолог-классик, составил Этимологический словарь латинского языка (1662, 1664).— 614.

29. Стивен Скиннер (Stephen Skinner, 1623—1667), английский филолог и врач. В 1671 г. опубликовал «*Etymologicon Linguae Anglicanae*».— 614.

30. Джон Кауэлл (John Cowell, 1554—1611) был профессором гражданского права в Кембриджском университете, в 1607 г. опубликовал «*The Interpreter, a booke containing the signification of Words: wherein is set foorth the true meaning of all... such words and termes as are mentioned in the Lawe-writers or Statutes... requiring anu Exposition*».— 614.

31. Генри Спелман (Henry Spelman, 1564?—1641), историк и антиквар, был автором Словаря устарелых латинских и старых английских терминов: *Archaeologus in modum Glossarii ad rem antiquam posteriorem continentis Latina Barbara, peregrina, obsoleta... quae in Ecclesiasticis, profanis scriptoribus, legibus, antiquis chartis et formulis occurrunt*. Vol. (1626), Vol. II (1664).-ЯМ

32. См. прим. 14 к с. 155. Джон Селден опубликовал работу «*Titles of Honour*» (1614), в которой рассматривалась система титулов и званий.— 614.

33. Мишель Антуан Бодран (Michel Antoine Baudrand, 1633—1700), французский географ, составил «*Lexicon Geographicum*» (1670).—614.

34. Николае Ллойд (Nicolas Lloyd, 1630—1680), английский историккомпилятор, опубликовал «*Dictionarium Historicum*» (1670). Йоханн Якоб Гофман (Johann Jacob Hofmann, 1635—1706) издал в 1677 г. Исторический словарь. Луи Морери (Louis Moreri, 1643—1680), французский эрудит, был автором «*Grand Dictionnaire Historique*» (1674).— 614.

35. Пьер Бейль (Pierre Bayle, 1647—1706), французский философ и просветитель, написал знаменитый «*Dictionnaire Historique et Critique*» (1695—1697). Неполное его издание вышло на русском языке: Бейль П. Исторический и критический словарь: В 2 т. М., 1968.— 614.

36. Шарль Дюфрен Дюканж (Charles Dufresne Du Cange, 1610—1688), французский ученый, был автором фундаментального словаря «*Glossarium ad Scriptores Mediae et Infimae Latinitatis*» (1678), которым специалисты пользуются до настоящего времени.— 614. Локк Дж. Сочинения в трех томах: Т. 3.— М.: Мысль, 1988.— 668 с.— (Филос. Наследие. Т.103).- С.407-614.